

An abstract painting featuring a central black silhouette of a person standing and reading an open book. From the base of the figure, a dense network of black roots or branches extends downwards. The background is a vibrant, swirling composition of colors: fiery reds and oranges on the left, transitioning into bright yellows and whites in the center, and then into deep blues, greens, and purples on the right. The overall style is expressive and textured, with visible brushstrokes.

ΑΠΟΦΕΟΣ

ΡΥΔΑΖΟΒ Α.

Александр Валентинович Рудазов
Криабал. Апофеоз
Серия «Криабал», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631750030101

Аннотация

Искатели Криабала продолжают свою эпопею, но теперь уже под патронажем лорда Бельзедора. Брат Массено и мэтр Танзен объединяют силы, видя совпадение интересов церкви и волшебников. Дракон пытается сожрать маленького кобольда. Кроме того, на сцене появляется новая героиня, а действие время от времени переносится в глубокое прошлое, к древнему создателю Криабала.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	63
Глава 5	82
Глава 6	101
Глава 7	117
Глава 8	131
Глава 9	148
Глава 10	181
Глава 11	197
Глава 12	218
Глава 13	240
Глава 14	264
Глава 15	281
Конец ознакомительного фрагмента.	298

Александр Рудазов

Криабал. Апофеоз

Александр Рудазов

Художник обложки Ксения Рудазова

Глава 1

– Ла-ла-ла, ла-ла, ла-ла-а-а-а!.. Ла-л-ла-ла-а-а!..

Командор распевался с огромным удовольствием. Он обо-
жал эти утренние минуты, когда оставался наедине с самим
собой. Включал воду, ощущал, как бегут по телу горячие
струйки, с наслаждением терся мочалкой и самозабвенно
горланил.

Только здесь он мог делать это без всякого стеснения. В
остальное время командор представал застегнутым на все
пуговицы и не то что петь – громко говорить избегал.

Смыв мыло, он отдернул занавеску... и остолбенел. Его
ванная комната куда-то исчезла. Пропали мраморные стены,
пропала белоснежная раковина и шкафчик на резных нож-
ках. Душевая кабина загадочным образом переместилась...
куда-то. Она стояла на огромной арене, ввысь уходили ряды
трибун, а на них восседали тысячи чудищ.

И увидев командора, они принялись аплодировать.

– Номер двенадцать, господа! – раздался звучный голос. –
Выставляем оценки!

Растерянно прикрываясь мочалкой, командор перевел
взгляд на ведущего. Рослого, идеально сложенного мужчину
с красивым гордым лицом. Был он совершенно гол и парил
в воздухе, стоя на как будто невидимом постаменте.

– Ваши оценки! – повторил он. – Помыслите их!

И оценки загорелись. Шестерки, семерки, девятки... значки все незнакомые, но каким-то образом понятные. Вот каждый зритель проголосовал – и ведущий ослепительно улыбнулся.

– Семь и две десятых! – объявил он. – Отличный результат! Отличный... но могло быть лучше! Могло быть! Сочувствую тебе, мой дорогой участник – ты старался, но твоя оценка недостаточно высока! Публика сказала свое слово!

– Но... что... – замямлил командор, все еще не отошедший от шока.

– Прощай! Спасибо за песню – ты был хорош, мне понравилось!

И под командором разверзлась земля. Он провалился вместе с кабиной, все еще сжимая лейку душа.

Из нее почему-то по-прежнему лилась вода.

Хальтрекарок раскланялся во все стороны. Он упивался восторгом толпы, упивался ее эмоциями. Весь Паргорон сейчас взирает на Темного Балаганщика и его кукол.

Жаль, повторить сегодняшнее представление не выйдет. В следующий раз будет уже неинтересно, эффект новизны пропадет. Идея очевидно одноразовая.

Поскольку в этот раз представлением был конкурс, по его окончании Хальтрекароку вручали подарки. Освященная временем традиция – игроки преподносят дары ведущему, чтобы он был милостив к ним и благосклонен.

К сожалению, от игроков, что избирает в круговерти ми-

ров Хальтрекарок, подобного не дождешься. Они обычно неблагодарны. Оказанная честь не радует их, а огорчает – одни плачут, другие сыпят угрозами, третьи всерьез пытаются убить его, Хальтрекарока. Глупые наивные существа.

И потому подарки ведущему вручали зрители. Ничего редкого или ценного – просто мелкие изделия, плоды своих огородов и сувениры из дальних краев. Банки соленых огурцов, вишневые пирожки, буженину, вязанные шали, расписные ложки и огромный букет цветов. Его вручила совсем крохотная девочка-гхьетшедарий.

Хальтрекарок все принимал с удовольствием. Он обожал дары. Большую их часть тут же и пожирал, но кое-что откладывал в сторону, для своей личной сокровищницы.

Особенно, конечно, подарки от других демолордов. Ге'Хуул преподнес Зеркало Прозрения, способное заглядывать в сердца смертных, провидя их помыслы и тайные устремления. Асмодей – персик бессмертия, дарующий вечную юность. Наверное, опять в последний момент просто схватил что-то из вазы с фруктами.

И даже Фурундарок в этот раз принес подарок. Гордо опустил его в ладони Хальтрекароку и произнес:

– Я увидел это и сразу подумал о тебе, мой любимый брат.

– Но это же кусок засохшего дерьма, – уставился на него Хальтрекарок.

– Ты тоже заметил сходство между вами? – просиял от счастья Фурундарок.

– Но он даже не в форме меня.

– Разве важна форма? Главное – внутреннее содержание.

Хальтрекарок задумался, что ему с таким подарком делать. Логичнее всего, конечно, просто выкинуть – но не расстроит ли это Фурундарока? Глупый малыш так старался, хотел порадовать брата... у него не получилось, но он же все-таки еще только младенец.

– Ах, мой маленький несмышленный братишка... – умиленно вздохнул Хальтрекарок. – Несносный шалун, подбираешь с земли всякую гадость... Надеюсь, ты хотя бы не тянул это в рот?

– Ну что ты, – процедил Фурундарок. – Приберег для тебя.

Подарки демолордов Хальтрекарок лично понес в сокровищницу. Да, даже от Фурундарока. Фурундарок летел рядом, чтобы убедиться, что его дар туда положат.

– Брат мой, представление окончено, – напомнил Хальтрекарок. – Ты можешь идти. Для особых гостей приготовлен фуршет.

– Я просто хочу провести с тобой немного времени, – улыбнулся Фурундарок. – Ты же моя семья. Мой единственный брат. У меня больше никого нет в этом мире.

Хальтрекарок растроганно посмотрел на него. Все-таки Фурундарок его любит. Он не очень умеет это показывать, но он искренне предан своему брату.

Иначе и не может быть, конечно. Он же Хальтрекарок. Самый прекрасный, благородный, умный и удивительный де-

мон Паргорона. Да что там Паргорона – всех миров без исключения!

Думая об этом, Хальтрекарок ослепительно улыбался.

– Господа мои, – появился из ниоткуда Совнар. – Рад видеть вас обоих в добром здравии и хорошем настроении.

Демон-бухгалтер с недоумением смотрел то на содержимое ладоней Хальтрекарока, то на его счастливое лицо. Он предпочел не комментировать это и не спрашивать ни о чем.

Ему за это не платят.

– Здравствуй, мой дорогой, – милостиво кивнул Совнару Хальтрекарок. – Ты был на сегодняшнем представлении?

– Конечно. Как я мог пропустить? Я сидел в зеленой ложе.

На самом деле нет. Совнар давным-давно перестал интересоваться творчеством своего младшего хозяина. Точнее, он интересовался им исключительно с материальной стороны, сугубо финансовой. Во что это обойдется и какие дивиденды принесет.

А само зрелище... он банкир, а не фланёр.

Совсем другое дело – подарки, которые Хальтрекароку преподносят по окончании. Дарят их все-таки демолорды, так что попадают среди них порой весьма ценные. Изредка даже – настолько немислимой ценности, что не грех и прибрать к лапкам. Сами-то демолорды к ним относятся, как к безделушкам, бросают пылиться в своих кладовых или без конца передаривают друг другу.

Сегодня, впрочем, ничего особенного, Совнар уже заме-

тил. Просто неплохой демонический аксессуар, полезный для здоровья фрукт и... ах да, конечно, это подарок Фурундарока. Можно было и сразу догадаться – он каждый раз дарит что-нибудь эдакое.

Но Совнар все-таки сопровождал Хальтрекарока до конца. Старый бушук всегда пользовался этим поводом, чтобы лишний раз заглянуть в сокровищницу. Убедиться, что там не появилось ничего интересного, составить мысленную опись имущества.

Пусть он и личный Хальтрекарока бухгалтер, но в эту святая святых его без пригляда не допускают. Ни его и никого другого. Хальтрекароку даром не нужно все это золото, артефакты и прочая дребедень, но дотронься до чего угодно без спроса – и он поднимет крик, словно ребенок, у которого украли игрушку. Игрушку давно забытую, много лет пылившуюся в чулане – но она станет самой любимой игрушкой на свете, если вдруг пропадет.

Хальтрекарок велел Фурундароку и Совнару отвернуться, пока он открывает секретный проход. Они прекрасно знали, где тот находится, но Хальтрекарок искренне верил, что это тайна для всех. В самом деле считал, что никто не подозревает, по какому кирпичу нужно стукнуть, чтобы растворилась лазейка.

Конечно, это не значит, что туда может войти кто угодно. До такой степени Хальтрекарок все-таки не наивен. Стоит любому демону оказаться внутри сокровищницы без ведома

хозяина – и на весь дворец закричит тревога.

– Готово, можете поворачиваться, – заговорщицким тоном сказал он.

– Брат мой, что за секреты ты скрываешь за этой дверью? – фальшиво просюсюкал Фурундарок.

– Тихо-тихо, мой маленький братишка, – успокоил его Хальтрекарок. – Не бойся. Там нет ничего страшного.

Фурундарок окинул его злющим взглядом. Только сам Хальтрекарок и не замечал, насколько Фурундарок его ненавидит. До боли, до зубовного скрежета. Этого пышущего здоровьем красавчика с кучей баб. Они выются вокруг него мошкаррой, несмотря на то, что он – клинический идиот.

При том, что сам Фурундарок проклят навеки пребывать в теле трехнедельного младенца. Никто не воспринимает его всерьез и ему недоступна куча радостей, которыми могут наслаждаться даже не гхьетшедарии, а обычные смертные.

– Куда ты положишь мой подарок? – радостно спросил он, летая по сокровищнице. – На самое видное место, да? Положи его в самом центре. Вот на этот постамент.

– М-м-м... нет, братик, – промедлив, ответил Хальтрекарок. – Твои подарки занимают слишком важное место в моем сердце. Я положу твой дар в специальное место, где его не осквернит ничей ненужный взгляд.

– В урну, что ли? – фыркнул Фурундарок.

– Нет, что ты. Вот сюда, на отдельную полочку...

Он отошел в самый дальний угол сокровищницы. Непри-

метный, плохо освещенный. Там и в самом деле хранилось всякое старье – пыльные, порой почти заплесневелые вещицы, о предназначении иных из которых даже сам Хальтрекарок уже не помнил. Его детские игрушки, книги с древними записями, личная соска-якорек, одно очень мощное, но редко используемое оружие и ларчик с... ларчик с...

Хальтрекарок переводил взгляд с предмета на предмет. И не видел ларчика.

Его не было.

Нигде не было.

Просто не было – и все тут.

Хальтрекарок резко обернулся. Он послал сигнал в пространство, озарил собой всю сокровищницу, развернулся сразу в двенадцать измерений, ощутив здесь каждый предмет.

И ничего. самого ценного здесь предмета по-прежнему не было. Хотя Хальтрекарок точно его отсюда не выносил. Вообще не прикасался к нему уже много-много лет.

– Меня... меня обокрали?.. – недоверчиво пробормотал он.

– Что-что, брат? – участливо переспросил Фурундарок. – Я не расслышал.

– Меня обокрали!.. – фальцетом воскликнул Хальтрекарок, сметая все с полки.

От него изошли чудовищные миазмы, и воздух стал зловонным дымом. Часть золота в сокровищнице расплавилась

и потекла. Волшебный ковер на стене истлел. Хальтрекарок даже перешел на мгновение в свою истинную форму – огромную тварь со множеством языков и щупальцев.

– А что у тебя такое украли? – с интересом спросил Фурундарок. – Что ты так переполошился? Важное что-то? Скажи брату. Может, я смогу помочь?

Хальтрекарок окинул его подозрительным взглядом. Он не собирался говорить, что у него пропало. Нет-нет, кому угодно, но точно не Фурундароку.

Ему и о самом-то существовании этой вещи узнать нельзя ни в коем случае.

– Не беспокойся, брат мой, – натянул на лицо улыбку Хальтрекарок. – Я справлюсь сам. Жена-а-а!!!

В сокровищнице материализовалась редкой красоты демоница. Очень фигуристая, с серебристой кожей и платиновыми волосами, длинным гибким хвостом и перепончатыми крыльями. В одной руке она держала бокал пунша, в другой – креветку на шпажке.

– Вот так вот, значит, – недовольно произнесла она. – Даже не поешь теперь спокойно.

– Не время сейчас есть! – воскликнул Совнар. – Нашего господина и повелителя обокрали, Лахджа!

– Что, время потуже затянуть пояса? – деловито осведомилась демоница. – Мне сообщить гостям?

– Да, сообщи им, – мерзко ухмыльнулся Фурундарок. – Сообщи, что Хальтрекарок теперь нищ, бос и убог. Не скры-

вай ничего.

– Привет, Фурундарок, – кивнула ему Лахджа. – Давно не виделись.

– Привет, Лахджа, – благодушно ответил Фурундарок. – Тебе понравилось сегодняшнее представление?

– Когда я предлагала этот конкурс, то думала, что никто не умрет, – с каменным лицом сказала Лахджа. – А Хальтрекарок все равно всех убил.

– Глупышка, ты ничего не понимаешь в шоу-бизнесе, – снисходительно ответил Хальтрекарок. – Я улучшил твою идею. Настолько улучшил, что теперь это уже по сути моя идея. И не отвлекай меня пустяками, когда меня постигла такая утрата!

Лахджа пристально оглядела сокровищницу, пытаясь понять, что тут случилось. На первый взгляд – вроде все как всегда, ничего не пропало... хотя она не сказать, чтобы часто сюда заходила. В эти игрушки Хальтрекарок предпочитает играть наедине с собой.

Хотя он и правда сильно взволновался. Вон как с лица спал. Разве что ногти не кусает от волнения. И Совнар семенил туда-сюда, беспокоится, языком цокает.

Только Фурундарок спокоен и даже немножко счастлив. Но это нормально, этот всегда счастлив, когда у других все плохо.

Особенно – если у Хальтрекарока.

– Мой господин, я не претендую на звание эксперта, но

здесь по-прежнему груды золота, – произнесла Лахджа, хрустя креветкой. – Что именно пропало, и как я могу помочь?

– Одна очень важная вещь, – сказал Хальтрекарок, косясь почему-то на Фурундарока. – Она лежала в ларчике... вот такого размера. Вот такого вида.

Он тут же сотворил точную копию пропавшего ларчика. Лахджа взяла ее, осмотрела. Вроде обычный. Хотя, конечно, дело было не в ларчике, а в содержимом.

– Он очень важен для меня, – простонал Хальтрекарок. – Очень. Лахджа, ты моя любимая жена. С тех пор, как боги отняли у меня Ассантею, я только тебе могу доверить такую ответственную задачу. Верни мне этот ларчик! Отыщи похитителей и заberi его у них!

– А что там было-то, в этом ларчике? – спросила Лахджа.

– Да, что там было? – ехидно спросил Фурундарок.

– Это не имеет значения, – отрезал Хальтрекарок. – Просто верни его мне вместе с содержимым.

– Прямо сейчас? – закатила глаза Лахджа. – Или вначале можно закончить ужин? Там фуршет.

– Какой еще фуршет?! – завопил Хальтрекарок. – Ты понимаешь, что поставлено на кон?! Понимаешь, что у меня пропало?!

– Нет. Ты же мне не сказал.

– Неважно! Это неважно! Если ты так хочешь есть – сожри тех, кто похитил мое достояние! Иначе я сожру тебя!

Лахджа мудро решила, что лучше не расспрашивать. Про-

сто сделать, что просят. А то Хальтрекарок сейчас лопнет от злости.

– Ладно, – смиренно сказала она. – Что-нибудь еще захватить по дороге? Хлеб, молоко?.. Сникерс?.. Новую жену?..

– На твое усмотрение, – отмахнулся Хальтрекарок. – Ни в чем себя не ограничивай.

– Что ж... надеюсь, это будет не как тогда, с той брошкой...

– С чем?..

– Неважно.

Лахджа на секунду задумалась. Так уж вышло, что Хальтрекарок часто использовал ее в качестве девочки на побегушках. Ленивый и изнеженный сибарит, он терпеть не мог покидать свой дворец, свою любимую песочницу с лабиринтом, а потому поручал это другим. Своим личным эmissарам. Чаще всего – Совнару или кому-то из жен. Тем, конечно, которые не просто красиво выглядят, а еще и обладают какими-то полезными навыками, способностями.

Таким, как Лахджа.

Расследование она начала с того, что слегка изменила внешность. Отрастила себе шапку и плащ, как у одного великого сыщика, а изо рта извлекла свежесотворенную трубку.

– Это тебе зачем? – не понял Хальтрекарок.

– Для антуража. Чтобы настроиться на работу.

Демоница осмотрела место пропажи. С глубокомысленным видом провела пальцем, оставив след в пыли. Осталь-

ные части дворца редко пылятся – Безликие отличные уборщики. Но в сокровищницу их не допускают, а сам Хальтрекарок не считает подобное важным.

– Что-нибудь еще пропало? – спросила Лахджа, заметив, что в одном месте пыли как будто меньше. – Только этот ларчик?

Хальтрекарок приложил палец ко лбу, прикрыл на миг глаза и уверенно перечислил, указывая в разные концы сокровищницы:

– Золото и самоцветы. Немного отсюда, немного оттуда. Мановые камни, восемь штук. Призма Силы. Листок бумаги. Секира Рузульвета.

– Листок бумаги? – переспросила Лахджа. – Просто обычный листок?

– Не вижу, – напрягся Хальтрекарок. – Наверное, магический контракт или страница из волшебной книги.

– Ясно... Мановые камни, Призма Силы, волшебный листок... здесь пахнет магом, если спросите меня, – уверенно сказала Лахджа. – Либо похититель, либо заказчик. И это точно не демон, потому что демонам такое без нужды. Но он вряд ли был один, потому что пропала еще и секира... это же не просто топор? У нее были какие-то свойства?

Хальтрекарок снова напряженно задумался. Он не помнил. За тысячи лет бесцельного собирательства в его сокровищнице скопились груды неожиданных вещей.

– Ладно, это не так важно. Раз именная – значит, арте-

фактная, – сжалилась Лахджа. – Или помнящая. Или благословенная. А значит, среди похитителей был воин. И они не из технологичного мира, потому что секира висела рядом с атомным плазмоганом, а его никто не тронул. А маг был не особенно сильный, потому что реально могущественный не стал бы красть все это барахло, да еще и золото. Такое впечатление, что похититель или похитители просто хапнули, что подвернулось под руку... значит, это не было целенаправленно. Они попали сюда случайно.

– Они вряд ли случайно взяли бы мой ларчик, – возразил Хальтрекарок. – И вряд ли случайно попали бы в сокровищницу. Ты не понимаешь, как надежно у меня тут все защищено!

– Тогда другая версия, – тут же заявила Лахджа. – Это все-таки был демон, и он пришел специально за шкатулкой. А все остальное прихватил просто для отвода глаз. Чтобы мы подумали, что шкатулку взяли случайно.

– Ну...

– Либо... либо это все-таки были смертные, но они работали на демона! – подытожила Лахджа.

– Почему именно на демона?

– А содержимое ларчика имело ценность для смертных?

– Абсолютно никакой. Это ценно только для демонов.

– Значит, им либо кто-то дал заказ, либо они знали, что там, и надеялись кому-то продать. Кому-то из демонов.

– Звучит... разумно, – кивнул Хальтрекарок.

– Жаль, что у тебя тут нет камер наблюдения... – вздохнула Лахджа. – Все было бы гораздо проще...

– Зачем? – не понял Хальтрекарок.

– В смысле зачем? Так бы мы просто посмотрели запись и увидели, кто это был, как он сюда попал.

– Это я и так могу, – пожал плечами Хальтрекарок. – Минуточку.

Он повел руками, секунду-другую перебирал пальцами – и в сокровищнице появились призрачные силуэты. То были сами Хальтрекарок, Фурундарок, Совнар и Лахджа, но в тех местах, где стояли минуту назад.

Потом время словно закрутилось обратно. Лахджа испарилась, остальные немного походили и тоже вышли. Хальтрекарок ускорял дальше, дальше, дальше... а Лахджа пристально смотрела на него и размышляла, зачем он вообще ее сюда притащил, если все это время мог узнать все сам.

Хальтрекарок, господа. Самая ленивая задница во вселенной.

Время крутилось назад долго. Похоже, ларчик украли уже довольно давно. В навеянном мираже время от времени показывался только сам Хальтрекарок – он заглядывал, что-нибудь приносил, позировал перед зеркалом и тут же уходил. Только в обратном порядке.

Но потом... появились какие-то типы. Кто-то, кто совершенно точно не должен был тут находиться. Лахджа попросила докрутить до самого начала, а потом пустить изображение

ние в обычном направлении и на нормальной скорости.

– Звуки есть? – спросила она.

– Звуки не запечатлеваются, – ответил Хальтрекарок. – Они слишком эфемерны.

– Жаль. Они явно что-то обсуждают.

Лахджа очень внимательно изучила вторженцев. Четверо. Огромный детина с синеватой кожей и длинными светлыми волосами. Низенький сутулый полугоблин с такой рожей, что хочется проверить кошелек. Полноватая неряшливая женщина в очках и черной одежде – судя по всему, волшебница. И сального вида толстяк в сутане.

– А я их видела, – внезапно сообразила Лахджа. – Это же те, которые победили в тех крысиных бегах... когда ж это было-то?.. Пару месяцев назад, кажется?..

– А ведь верно, – задумчиво кивнул Хальтрекарок. – Припоминаю таких. Они еще выиграли главный приз.

– Жизнь?..

– Жизнь. Я великодушно даровал им ее – но они не оценили. Сбежали, освободив моего вехота.

– Кстати, я видела, как они удирали, – добавила Лахджа. – Мы с Сидзукой отдыхали на пляже... там еще Асмодей как раз дрых. Он вообще ничего не заметил.

– Подожди-ка, – нахмурился Хальтрекарок. – Ты видела, как они удирали... а почему не схватила?!

– Ты сам их почему не схватил, дорогой муж и повелитель? – хмыкнула Лахджа. – Ты тоже видел, как они удирали.

Помнишь, во время пробежки? Сам не схватил и не приказал никому.

– А!.. уф!.. – замешкался Хальтрекарок. Его лоб пошел морщинами, но тут же разгладился. – Я надеялся, что вы сами догадаетесь! Кто-нибудь из вас, моих верных слуг! И особенно я надеялся на тебя, поскольку ты моя любимая жена! Номер один! Я полагал, что ты без лишних слов исполнишь мою волю! Но ты на поверку оказалась не столь хороша, как я ожидал. Впрочем, теперь я дам тебе шанс исправиться.

– Как великодушно с твоей стороны.

Лахджа еще дважды полностью просмотрела картинку. С момента, когда грабители вошли в сокровищницу – и до момента, когда они ее покинули.

К сожалению, за ее пределами Хальтрекарок уже не мог такого показать. Он не накладывал подобных печатей на весь дворец.

– А просто призвать их сюда обратно ты не можешь? – спросила наконец Лахджа, рассматривая ларчик в руках жирного жреца. – Их самих или то, что они похитили. Или хотя бы сказать, где они сейчас?

– Я не знаю их имен, – пожал плечами Хальтрекарок. – Вообще понятия не имею, кто это такие. Искать только по лицам будет слишком долго. Притянуть секиру Рузульвета нельзя, а все остальное – просто безымянный хлам. А ларчик... он необнаружим, к сожалению. Даже для меня.

– Поэтому ты перепоручаешь это мне.

– Поэтому я перепоручаю это тебе. Ты можешь что-нибудь сделать? Поспеш, у меня не так много времени.

– Ну что тут можно сказать... – вздохнула Лахджа. – Ни хера не понятно... сказала бы я, будь я тобой. К счастью, я – не ты.

Хальтрекарок гневно нахмурился. Фурундарок, наоборот, залился радостным смехом. Ему нравилась Лахджа. Самую чуточку, буквально на кончик ногтя, но все же нравилась. А это немалого стоит, если учесть человеконенавистнический характер Фурундарока.

– Не испытывай мое терпение, жена, ибо я муж твой и могу тебя съесть, – пригрозил Хальтрекарок. – Говори. Ты уже обо всем догадалась?

– Пока не обо всем, – произнесла Лахджа. – Но вот как я вижу эту ситуацию... Эти четверо – обычные случайные олухи. Они просто не приспособлены для такой сложной операции, как проникновение в сокровищницу демолорда. Но однако на твоих крысиных бегах они появились не так, как все прочие. Ты же не извлекал их из миров случайно, верно?

– Кажется, нет, – припомнил Хальтрекарок. Он появился перед мысленным взором события того дня. – Да, нет. Их поймали храпоиды. Они появились... откуда-то извне. Я не спрашивал. А ты откуда об этом знаешь?

– А я и не знала. Понятия не имела. Просто предположила – это же было логично. Угадала, как видишь.

– Ладно. Продолжай.

– То есть они все-таки явились к тебе сами. Добровольно. И явились с некой целью. И хотя они явно недостаточно хороши, чтобы проникнуть в твою сокровищницу, но все же и не полные недотепы. Крысиные бега-то они выиграли – а это довольно тяжело, учитывая, как ты их проводишь.

– Я создаю азартную обстановку, – гордо улыбнулся Хальтрекарок.

– Ага. Ну так вот – в сокровищницу они точно попали с чьей-то помощью. Либо они на кого-то работали, либо им кто-то помогал из своего интереса. Кто-то со стороны. У них был сообщник, который подсказал, как сюда проникнуть. И это был не просто Безликий или еще какой слуга. Это был кто-то покрупнее... – сказала Лахджа, пристально глядя на Совнара.

– Да, я знаю, мой вехот, – кивнул Хальтрекарок.

– Да нет, не вехот...

– Это все сейчас неважно! – воскликнул Совнар, размахивая хвостом. – Лахджа, зачем ты переливаешь из пустого в порожнее?! Нашего господина обокрали! Нужно срочно схватить этих подлых негодяев!

– Да, вот именно! – поддержал его Хальтрекарок.

– Но...

– Без разговоров! – рявкнул демолорд.

Лахджа встретила взглядом с Совнаром. Рыжий кот приложил ко рту лапку и чуть заметно мотнул головой. Лахджа решила не упоминать пока, что видела его с этими четве-

рыми. Успеется. Лучше вначале выслушать объяснения Совнара. В приватной обстановке, без Хальтрекарока.

– Ладно, – смиренно сказала Лахджа. – Слушаю и повинуюсь, мой господин и повелитель. Коли на то твоя воля, я разыщу для тебя похитителей.

– Успеешь до ужина? – спросил Хальтрекарок.

– Ужин идет прямо сейчас.

– Я знаю.

– Нет, не успею.

– Ты расстраиваешь меня, Лахджа, – покачал головой Хальтрекарок. – Надо будет пересмотреть твое место в моем рейтинге жен. Возможно, Абхилагаша более достойна звания первой.

– Возможно, – пожала плечами демоница. – Можешь проверить это, послав ее, а не меня.

– Нет, она проваливала все, что я ей поручал.

– И дважды пыталась вас убить, мой господин, – угодливо добавил Совнар.

– Совнар, не лезь со своими бреднями, – поморщился Хальтрекарок. – Зачем любимой жене желать мне смерти?

– Не знаю, – отвела взгляд Лахджа. – Спроси ее.

– Я спрашивал не тебя, а своего бухгалтера, – недовольно посмотрел на нее муж. – Лахджа, не будь такой назойливой. У тебя есть поручение? Выполняй его.

– Да, выполняй его, – почему-то очень довольный сказал Фурундарок. – Желаю тебе всяческих успехов в розысках. А

если вдруг что понадобится – призывай меня. Помогу. Выручу.

– О-о-о, это так мило с твоей стороны! – протянул Хальтрекарок. – Мой маленький братишка тоже хочет помогать взрослым...

– Я старший! – рявкнул Фурундарок.

– Я и не говорил, что ты младший. Я сказал, что ты маленький. Ты же меньше меня. Ты не можешь этого отрицать.

– А что это ты такой добрый? – с подозрением глянула на Фурундарока Лахджа.

– Да так просто, – беззаботно ответил демон. – Настроение хорошее.

– Ладно, – вздохнула Лахджа. – Пойду сразу после фуршета.

Хальтрекарок недовольно уставился ей вслед. Какая вздорная и несносная женщина. Он же ясно сказал ей – отправляться прямо сейчас. Поест потом. А она все равно делает по-своему. Не слушается демолорда.

Надо будет серьезно с ней поговорить.

Глава 2

Когда Фырдуз был мал, то любил играть с ребятами в огробег. Кобольдята с визгом разбегались от водящего, который грозно рычал и топал ногами, представляя себя злым огром. Нужно было прятаться от него в самых темных углах и быстро-быстро улепетывать, если тебя заметили. Когда «огр» осаливал кого-то, то утаскивал в свою «пещеру», и там варил из добычи суп, отвернувшись и считая до ста. Но пока он так считал, пленника можно было спасти – для этого кто-то должен был прокрасться и увести его из «пещеры». Если «огр» это слышал и вовремя оборачивался – пленных у него становилось уже двое. Но если он оборачивался, а в его «пещере» никаких лазутчиков не было, то «огр» считался посрамленным и платил фант.

Сейчас эта игра упорно крутилась у Фырдуза в голове. Он снова и снова вспоминал, что лучшим «огром» всегда был Закут – он бегал быстрее всех и никогда не ошибался, оборачиваясь точно в момент, когда кто-то прокрадывался в «пещеру». Огробег с его участием обычно заканчивался огромным чугуном супа из кобольдят.

Зато Фырдуз лучше всех умел прятаться. И прокрадываться. И убегать. «Огр» из него получался никудышный, зато и поймать его редко удавалось даже Закуту.

И сейчас он как будто снова играл. Только ставки здесь

гораздо крупнее. Нельзя просто сказать «чур, не игры» и побежать к маме лопать тушеных личинок. Фырдуз давно не чувствовал ног, но лучше стереть их до кровавых мозолей, чем остановиться.

Маленький кобольд не знал, сколько часов убегает от дракона. Орказарок, этот огнедышащий колосс, преследовал его с безумным упорством. Любой ценой жаждал вернуть похищенное – Рванный Криабал. Древнюю волшебную книгу.

Только благодаря Криабалу Фырдузу и удавалось пока что оставаться живым. Он уже несколько раз применял свое любимое заклинание – Побег. Переносился на огромные расстояния. Но Орказарок все равно его настигал. Находил по запаху. Как-то связанный с Рванным Криабалом, он чувствовал его где угодно – и шел по следу не хуже сыскного хобия.

Вот в сотне локтей впереди ударило пламенем. Огненный ливень оставил громадную проплешину, выжег всю траву и раскалил землю. От страшного жара та пошла трещинами. Одна раскрылась настолько широко, что Фырдуз резко отвернул – ему такую точно не перепрыгнуть. Дылда-Верхний еще сумеет, быть может, а кобольд... ноги коротковаты.

К счастью, по самому Фырдузу дракон палить не смеет. Боится, что Криабал все-таки пострадает, не хочет проверять на практике его огнеупорность. Просто пытается изловить похитителя, отобрать книгу... а потом сожрать, конечно. Сожрать, как сожрал сопровождавших его цвергов.

Поэтому расставаться с Криабалом нельзя ни в коем слу-

чае.

И здесь, слава Мастеру, не пещера. Чем хороша бесконечная огромность Наверху – тут можно очень здорово бегать. Никаких стен, никаких тоннелей – несись сломя голову в любом направлении, поворачивай где захочется. В углу его тут дракон не зажмет.

И когда он спускается на землю – у Фырдуза сразу появляется преимущество. Ползает Орказарок довольно медленно. А поднимаясь на крыло – мчится быстрее любого живого существа... но высоко в небе. И это при том, что пламенем дышать нельзя, сцапать на лету тоже.

Вот и получается такой своеобразный паритет. Не одному и не другому.

Земля вздрогнула. Орказарок приземлился. Прямо перед Фырдузом – но на пока еще достаточном расстоянии. Кобольд замер, напряженно следя за каждым движением чудовища. Даже хорошо, что оно такое огромное – видно издали, незаметно не подкрадется.

Тем более на открытом пространстве.

Но пока что Орказарок сидел неподвижно. Непроницаемо черная шкура вздымалась – похоже, громадный ящер тоже устал, дыхание стало тяжелым. Фырдуз воспользовался моментом и перестал шевелиться совсем. Даже одна лишняя минута передышки сейчас драгоценна, как ничто другое.

– Прекрати убегать! – проревел Орказарок.

– А тебе бы это сильно упростило жизнь, да? – буркнул

себе под нос Фырдуз.

– Да! – каким-то образом расслышал его дракон. – Просто отдай мне Криабал и вали на все четыре стороны! Я обещаю тебя не трогать! Я даже дам тебе золота!.. немного!..

Фырдуз ему не поверил. Слишком сильно Орказарок на него зол. И если отдать ему Криабал... возможно, он и в самом деле его не тронет, конечно.

Просто сделает из него шашлык.

– Подумай как следует, козявка! – проорал во весь голос Орказарок. – Если ты окончательно выведешь меня из себя, я просто проглочу тебя целиком!

– Вместе с Криабалом?!

– Да, вместе с Криабалом! Потому что с ним-то ничего не случится, и рано или поздно он из меня выйдет! В отличие от тебя!

Фырдуз сжался в комочек. Такая перспектива его не порадовала. С испугом глядя на застилающего небо дракона, он раскрыл рваный Криабал и торопливо произнес:

– Абан тук агас!

Заклинание Убийства. Хобиев оно убивало на месте, те валились как подкошенные. Мгновенно переставали жить.

Орказарок же... вздрогнул и затрясся. Покачнулся. Едва не упал.

Даже дракона проняло чарами Криабала. Даже ему стало больно.

Но погибнуть он не погиб. Даже Криабала не хватило, что-

бы убить это чудище. Даже его сила оказалась недостаточна.

– Дерзкая маленькая тварь! – прорычал Орказарок. – Я знаю это заклятие! Оно предназначено для мелких тварей вроде тебя! Для смертных созданий! Бессмертному оно не грозит!

Фырдуз и так уже это понял. Увы, разница между смертными и бессмертными слишком велика – и те заклинания, что отлично действуют на первых, почти бесполезны против вторых. Он уже пробовал применить против Орказарока Подчинение, пробовал и Замешательство – тот их даже не почувствовал. Возможно, в Красном или Черном Криабалах есть чары, способные навредить даже ему, но не в Рваном, увы.

Так что кобольд прочел другие слова, которые выучил уже наизусть:

– Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Его подхватило волшебным ветром и унесло. Переместило аж на три вспашки – и огромный дракон сразу стал маленьким и далеким. Крохотной ящеркой на самом горизонте.

Но он уже расправлял крылья. Даже отсюда Фырдуз видел, как чудовище берет разбег, как быстро-быстро ползет по кругу, наполняя перепонки ветром. Чем крупнее дракон, тем медленнее он взлетает – и только это давало время маленькому кобольду.

Потому что если повторить заклинание Побега прямо сейчас – оно почти не подействует. Оно, к сожалению, не для любых путешествий годится, а только для спасения из беды. Переносит в ближайшее безопасное место. Разными словами его можно корректировать, выбирать направление или расстояние – но слишком большим расстояние не сделаешь.

Единственный вариант – если Фырдуз добавит фразу, которая переделает Побег в другое заклинание, Возвращение Домой. Но тогда он попадет в родной Суркур, в квартиру рядом с мыловарней. А там сейчас кроты. Там его неизвестно кто встретит.

Хорошо, коли его нора пустует. Коли хобии из нее кладовую сделали или вообще бросили. А коли там другие жильцы сейчас? Кто-то из хобийских фискалов? Им, слышно, часто чужое добро за службу раздают!

А то и вовсе сами же хобии на постое. Их солдаты или колонисты. Они, поди, первым делом на пики Фырдуза насадят, а там уж вопросы задавать станут.

Да и что проку, если он даже вернется в Суркур благополучно? Опять то же самое все? Опять сначала начинать? Ему ведь не Кобольдаланд нужен, а Новая Страна. Задание на него возложено важное, целая держава на него надеется. Рванный Криабал нужно доставить по назначению, Верхним. А от них помощь привести, Яминию освобождать.

Эх. А он только маленький кобольд. Бывший мыловар. Бежавший каторжник. В чародейном маскировочном костю-

ме и с книгой, любого делающей волшебником, но все равно только маленький кобольд. Здесь, Наверху, под Небесным Светильником, он бы даже видеть не смог, не увенчивай носочки с закопченными стеклами.

Но на него возложили миссию – и Фырдуз ее выполнял. Медленно, зигзагами, преследуемый разъяренным драконом – но все же продвигался к цели. Горы уже закончились, он перемещался по зеленой равнине.

Кажется, где-то здесь граница Грифонии и Новой Страны. Фырдуз не знал точно. Перед выходом его заставили зазубрить маршрут, показывали его на карте, но ориентироваться Наверху – дело паргоронски сложное. Стен вокруг нет, эхо не простучишь. Ветер дует как ему угодно, на тепло и холодок не прикинешь. Говорят, у Верхних свои способы не теряться есть – растения какие-то чудесные. Но где же их взять?

Орказарок уже настигал, уже был совсем близко. На сей раз Фырдуз не стал его дожидаться – просто повторил Побег, добавив немного комментариев:

– Маракурита орхара баста нуго! Иневорк зураба тека! Сото риаро, армеда хили!

Теперь его перенесло почти вдвое дальше. Вспашек на пять по меньшей мере. И в правильном направлении – точно на юг.

Но дракон приземлиться тоже ведь еще не успел – и почти даже не замешкался. Фырдуз и с такого расстояния увидел,

как изогнулась шея, как раскрылась пасть – нюхает Орказарок, запах ищет.

Нашел. Почти сразу нашел – и тут же повернул. А пять вспашек для летящего дракона – это разок чихнуть. Минутка, от силы две.

Надо еще больше брать. Но не берет Побег еще больше. Глупое заклинание считает, что надо Фырдуза просто в безопасное место перекинуть. А то, что через пару минут это место безопасным быть перестанет – того ему неведомо.

У магии своего разумения нету – что повелишь, то и делает. Оно в самый первый раз Фырдуза вообще чуть не убило – «спасло», переместив в замурованную пещерку.

Безопасно ведь там было? Да куда уж безопасней! А что пить-есть нечего – то не заклинания беда. Оно свою задачу выполнило.

Пользуясь краткими минутами передышки, Фырдуз продолжал листать страницы. В Рваном Криабале уйма разрозненных заклинаний из разных областей.

Увы, все перемешаны и невпопад. Многие не имеют начала или конца – они на других страницах, в других Криабалах. Среди всех томов этот – самый беспорядочный и трудный в обращении, потому у Фырдуза и не получалось выбить из него что-то полезное.

– Маракурита орхара баста нуго! – снова воскликнул он. – Иневорк зураба тека! Сото риаро, армеда хили!

Еще пять вспашек. Снова выждать, пока дракон подле-

тит поближе. Фырдуз очень надеялся, что Орказарок устанет первым. У него-то самого ноги давно уж гудели. Он дважды подкреплял силы заклинанием Пищи, но все равно не надеялся остаться в живых.

Горы Грифонии остались позади. Впереди темнела стена леса. Приближается ночь. Снова и снова губы заученно шепелятся, читая Побег.

И даже если он все-таки доберется до какого-нибудь города Верхних – что с того? Орказарок – не какая-нибудь мелкая виверна. Он царь-дракон, один из четырех величайших в мире огнедышащих ящеров. Целая армия его не остановит. Поможет разве что огромной силы волшебство... ах да, ведь точно! Новой Стране принадлежит другой Криабал – Красный! Гримуар Войны!

Подумав об этом, Фырдуз чуточку обнадежился. Приметив Орказарока в небе, он пустился бежать к лесу. Возможно, там удастся затеряться на какое-то время и передохнуть... может, даже немного поспать. Фырдуз очень плохо разбирался в лесах, этих скопищах огромных растений, что встречаются Наверху, но он слышал, что там бывают большие норы, иногда целые пещеры. Если удастся найти такую, чтобы пролез кобольд, то это может стать спасением.

Но лес Фырдуза разочаровал. Это место создавал кто угодно, но точно не Пещерник. Норы и пещеры попадались, но такие маленькие, что даже кобольд сумел бы просунуть в них разве что одну ногу.

Тем временем над головой с ревом пронесся дракон. Огнедышащее чудовище не стало палить по лесу – ему явно не улыбалось потом перекапывать горы пепла в поисках Криабала, который даже не обязательно уцелеет.

Тем более, что переплет у этой книжки чужой – что если он не такой неуязвимый, как сами страницы? Что если драконье пламя его спалит? Разлетится Криабал на сотни страничек – ищи их потом по штучке, собирай.

Так что вместо извержения пламени Орказарок приземлился. Со страшным грохотом рухнул в паре вспашек от Фырдуза – тот едва не упал от толчка. Несколько высоких растений вывернуло из земли, и кобольд припустил со всех ног – дракон попер точно к цели. Более мелкий зверь вряд ли отважился бы сюда спуститься – тесно, да и брюхо можно пропороть. Но Орказарок, этот гигант даже по драконьим меркам, ломал столетние стволы, как спички.

Фырдуз снова прочел Побег, и грохот сразу стал намного тише. Потом исчез совсем – Орказарок почуял, что добыча ускользнула, и замер, начал принюхиваться. Несколько секунд – и он развернулся, судя по звукам, снова пошел по пятам.

Рано или поздно Фырдуз ведь свалится. Если не усталость одолеет, то сон сморит. Спать уже хочется, но пока еще кобольд этого не замечает – все его существо полно страха. Это куда более сильное чувство.

Но вечно бегать не получится. И спрятаться тут совершен-

но негде. Под ногами только земля и множество кусочков растений – одни тоненькие и длинные, другие очень твердые и колючие. Фырдуз не знал, как они называются, но жалел сейчас, что кобольды не носят обувь.

Вот цверги носят. Их толстым ступням и невдомек обычно, что там под каблуками хрустит. Тяжелый подкованный сапог по всему ступает равно.

А для кобольда камень под ногами – что книга с крупным шрифтом. Щупаешь его кожей, и сразу понимаешь, куда забрел, да что там впереди. Света не нужно, в темноте можно шагать.

Темнота уже сгущается, кстати. Небесный Светильник на уклон пошел, да и в лесу все-таки сумрачней, чем на равнине. Уже и очки с закопченными стеклами не так нужны, хотя снимать их пока Фырдуз поостережется. Глаза у него одни, новых даже Криабал не выдаст.

И да, насчет Криабала!.. Фырдуза вдруг осенило – вспомнилось одно заклинание, которое изначально явно было в Криабале Зеленом.

Наострив уши, кобольд удостоверился, что дракон еще далеко. Выбрал одно из самых крупных и высоких растений... дерево, да. Это называется «деревом». Как тот материал, из которого Верхние делают мебель и черенки для инструментов.

Наверное, тут есть какая-то связь... но сейчас думать об этом некогда.

– Эзевок осуна морида, – торопливо произнес кобольд. – Турак мага эгети зо путерека. Така су и морек. Мокто.

Короткое заклинание называлось Ростом Растений. А дополнительные условия, которые Фырдуз добавил, означали, что расти должны только корни, причем по окончании роста – сразу же засохнуть и рассыпаться.

Так и произошло. Дерево задрожало – его нижняя часть с огромной скоростью буравила землю. Обычно для такого растениям нужна влага, но заклинание Криабала легко ее заменило.

И как только магия перестала бурлить, как только рассыпались в труху корни – под деревом образовалась глубокая нора.

В нее-то Фырдуз и нырнул головой вниз.

Нырнул – и полез в земные недра. Тут было тесно, тут было темно, тут было сыро и холодно – но для кобольда это как родной дом. Работая локтями и коленями, Фырдуз червем уползал все глубже и глубже. Прижимая к груди Рванный Криабал, старался оставить как можно больше почвы между собой и Орказароком.

– Сумури коток котоп ака, – шепотом произнес он, дойдя до самого низа.

Заклинание Освещения наполнило подземелье добрым, мягким светом – и в нем Фырдуз увидел труху, оставшуюся от корней великого растения. Он тут же принялся утрамбовывать почву, заделывать проход, через который пришел.

Сорок два года прожил под землей Фырдуз Ерке. Сорок два года, большую часть которых вел тихое, незаметное существование камня в самом темном углу. Он бы предпочел вести его до конца жизни, но Пещерник распорядился иначе.

И сейчас он затаился, сжался в комочек и постарался дремать вполглаза. Криабал сжимал как можно крепче – чтобы успеть прочесть Побег, буде дракон его унюхает и начнет рыть.

Но тот, кажется, Фырдуза потерял. Шум и рев не стихали, но не приближались. Кажется, Орказароку не пришло пока в голову, что кобольд закопался в землю.

Конечно, рано или поздно он это сообразит, но до тех пор можно немного передохнуть.

Глава 3

Массено с любопытством разглядывал книжные полки. Они уходили к самому потолку, а потолок исчезал где-то в невообразимой вышине. Солнцегляд долго поднимал точку обзора, прежде чем та ушла сквозь перекрытие... и оказалось, что дальше только крыша. Библиотека Цитадели Зла располагалась в одной из высочайших башен и занимала ее всю целиком.

– Теперь прошу вас немного обождать, – сказал человечек в черной мантии. – Наш Властелин допросит вас немного позже. Сейчас он вынужден уделить внимание другим делам.

Танзен коротко кивнул. Волшебник тоже озирался, с подозрением разглядывая корешки книг. Саму Цитадель Зла он уже посещал, когда выдавал себя за сырного элементаря Мариареля, кандидата в приспешники лорда Бельзедора... но в библиотеку ему заглянуть не довелось.

Невероятное количество книг. Немыслимое. Не настолько много, как в библиотеке Клеверного Ансамбля или озерском Библиограде, который вообще считается одним из пятнадцати Зодческих Чудес, но и здесь голова идет кругом.

К тому же ни в Клеверном Ансамбле, ни в Библиограде не найти настолько полного собрания трудов по черной магии. Зловещие гримуары шептали с полок, источая почти видимую черноту. Некоторые шевелились. Другие тарасились на

посетителей. Мэтр Мазетти, бессменный библиотекарь Мистерии, посадил бы псов на обложки этих книг – а здесь они лежат открыто, доступные кому угодно.

Конечно, у дверей стоит стража. Повсюду в Цитадели Зла стоит стража. Но это всего лишь два ленивых ботвинника с алебардами. Один ковыряет в носу, другой увлеченно читает книжку.

А еще тут недавно побывал Антикатиство. Танзен сразу это понял – кто еще оставляет после себя такие следы? Даже не в ауре дело, не в почти неразличимых эфирных остатках Тьмы – а в том, насколько много тут... порчи.

Пол местами прогнил. Несколько нижних полок тоже. В одном месте ряды книг зияют проплешиной – сотни три томов почти рассыпались в труху. На полу разлагаются два огромных трупа – похоже, предыдущие стражники. Видовая принадлежность определяется уже с трудом, но вроде бы тролли.

Убрать их никто не удосужился.

– Судя по всему, Антикатиство не знал, где именно Темный Властелин хранит Криабалы, – мягко произнес Массено.

– Согласен, святой отец, – задумчиво произнес Танзен. – Не удивлюсь, если он наведывался еще и в сокровищницу.

– Вполне понятное поведение, мэтр, – сказал монах. – Вероятно, он догадывался или подозревал, что лорд Бельзедор держит столь ценные реликвии при себе, но решил вначале все-таки проверить другие, более доступные места.

– Естественно, – согласился волшебник. – Даже если ты Антикатиство, Бельзедор – это все-таки Бельзедор. Я видел их битву. Антикатиство мог и проиграть, не окажись при нем Черного Криабала.

– А чтобы лорд Бельзедор не узнал о нем раньше времени, Антикатиство расправился со всеми, кто его видел, – указал на трупы троллей Массено.

Монах и волшебник посмотрели друг на друга с приятнью. Не так уж давно познакомились солнцегляд-великокошимник и агент Кустодиана, не так уж долго сотрудничали, но уже пришлось друг другу по душе.

К сожалению, их первая совместная операция провалилась – хотя и по непредвиденным обстоятельствам. Массено все еще был подавлен гибелью своих братьев во Соларе. Антикатиство непростительно ослабил орден Солнца, уничтожил почти треть принявших схиму и среди них архимандритису, святую мать Исатэллу. Многие годы понадобятся солнцеглядам, чтобы восполнить эту убыль.

Но дабы гибель добрых монахов не была напрасной, следует довести дело до конца. И Массено видел путь к этому в сотрудничестве с Танзеном. Сейчас цели волшебников и церкви совпадают, пусть иные прелаты сему и противуречны.

– Странно это все, – произнес Танзен, продолжая изучать корешки книг. – Никогда не думал, что окажусь здесь не в качестве пленника или соглядатая. Хотя знаете, святой отец...

в ранней юности я хотел стать приспешником лорда Бельзедора.

– Правда? – удивился Массено.

– Да, было такое детское желание. Хотелось что-то кому-то доказать. Потом я его перерос.

– Многие из нас не сразу понимают, к чему на самом деле лежит их сердце, – вежливо кивнул Массено.

Он размышлял над дальнейшими действиями. Вначале, само собой, им предстоит встреча с Темным Властелином, и результат ее известен пока одним богам. Возможно, лорд Бельзедор сразу казнит их или отправит в подземелье, как он поступает обычно... но к чему ему в таком случае было позволить уйти остальным солнцеглядам? Он даже портировал их прямо домой, в монастырь Солнца. Неожиданный акт доброй воли не может значить иного, кроме того, что Темному Властелину неуютно сейчас их гибель.

И нетрудно догадаться, отчего. Враг моего врага. Древний принцип, что создает порой самые удивительные союзы. Антикатино сразил Бельзедора в поединке и отнял собранные с таким трудом Криабалы – неудивительно, что Темный Властелин горит жадной мести. Танзен и Массено для него просто мелкие мошки – и он не прихлопнет их, пока не извлечет пользу, кою желает извлечь.

Но что потом? Что после? Задумавшись, Массено против воли обратился к старой привычке – гаданию по Ктаве. Раскрыл в случайном месте святую книгу и прочел:

«Князь Ядина учинился под высокою руцей быть Государя, да на том он присягу дал, что будет служить верно и с недругами Государя заодно не будет».

Что ж. Небольшой отрывок из Севигиады, Слово о Государях. Его всегда можно узнать по характерному высокопарному штилю. Толкуется вполне однозначно, хотя и не совсем ожидажно. Массено следует пока что плыть по течению и выполнять повеления царствующих особ, буде оные последуют.

Конечно, при условии, что они не войдут в противостояние с его, Массено, совестью.

– Мессеры?... – окликнули монаха и волшебника. – Гуру?... Мэтр?..

То был не управляющий Цитаделью Зла, а неопределенного возраста волшебник в халате, квадратной шапочке и просторных мягких шлепанцах на босу ногу. Взгляд его был каким-то отстраненным, на губах плавала легкая улыбка.

– Мир вам, мэтр, – вежливо кивнул солнцегляд. – Я смиренный брат Массено, вашего же имени чести знать не имею.

– О, я Курдамоль, – рассеянно отмахнулся волшебник. – Мэтр Курдамоль.

– Курдамоль Адоразы? – уточнил Танзен. – Безумный гений Бельзедора?

– Я не безумный, – возразил Курдамоль. – А мы с вами знакомы? У меня ужасная память на лица, простите.

– Не знакомы, но вас знает каждый, кто работает в Кустодиане. Ваше имя на первой странице перечня магиозов. Не

в самом начале списка, даже не в первой десятке, но все же.

– Знаете, немного обидно, – насупился Курдамоль. – Я не сделал ничего плохого, чтобы такое заслужить.

– С этим я бы поспорил, – сказал Танзен. – Не укройтесь вы у Бельзедора, вас бы давно отправили в Карцерику.

– Ну тогда я очень рад, что я у него укрылся, – улыбнулся Курдамоль. – Но ваши слова для меня большой сюрприз, мэтр... как вас?..

– Танзен. Магистр Метаморфозиса.

– Курдамоль. Магистр Трансмутабриса и Монстрамина. Хотя это вы уже знаете, полагаю.

– Знаю. Вы уже были бы профессором, мэтр, если бы не ваши сомнительные исследования. Возможно, получили бы премию Бриара.

– А, пустое, – отмахнулся странный волшебник. – Не премиями сыт чародей. А чем он сыт?.. а, да. Совсем забыл, за чем я здесь. Скоро обед, но перед ним меня просили что-то у вас взять... не помните?.. Ах да, точно. Души Тьмы. Частицы высшего элемента.

– Зачем? – обманчиво спокойно спросил Танзен.

– Чтобы исследовать, конечно. Узнать больше. Разве не это главная цель всех нас? Узнать больше.

– И кто же вас об этом просил, мэтр?

– О, ну разумеется, Властелин. Темный. Мы ведь у него в гостях, вы в курсе? – забеспокоился Курдамоль. – Вас же не привели сюда с повязками на глазах?.. обоих...

Его взгляд замер на лице брата Массено, и тот невольно улыбнулся. Солнцегляды не так многочисленны, как богомолы, мешочники и другие монахи, поэтому не все узнают их по одежде. И уж подавно не всем известны тонкости Солнечного Зрения. Большинство считает солнцеглядов обычными слепцами.

– Мы знаем, где мы, мэтр Адоразы, – нетерпеливо перебил Танзен. – Для чего вам частицы Антикатиство?

– А я вам все покажу сейчас, – заверил Курдамоль. – Прощу ко мне в лабораторию. Там очень много интересного, я все вам покажу. Я люблю показывать свою лабораторию.

– Мэтр Адоразы...

– Кто такой мэтр Адоразы? – заморгал Курдамоль. – Я, да, знаю. Это я. Но меня тут так никто не называет.

Танзен поглядел на Массено. Тот, возможно, тоже поглядел сейчас на него... или на Курдамоля. Очень сложно сказать, куда глядит солнечный монах – с его-то необычной способностью обзирать мир не из глаз, а сверху, словно паря над собственной головой.

– Пойдемте, мэтр, – предложил Массено. – Думаю, нам лучше исполнять просьбы наших хозяев, пока нас просят по-хорошему.

Танзен медленно кивнул. Ему претило передавать столь важные и опасные улики в чужие руки, тем более такие, но он не обманывал себя зря. Забывший собственную фамилию мэтр Курдамоль, безусловно, чужак и сам по себе скорее все-

го безобиден, но это Цитадель Зла. Безумному гению достаточно свистнуть, чтобы на Танзена набросилась орава прихвостней.

И среди них есть такие, что разотрут агента Кустодиана в пыль.

– Пойдемте, – согласился он.

Лаборатория Курдамоля оказалась просторной и очень уютной. Она больше напоминала гостиную зажиточного особняка, чем лабораторию волшебника. Множество книг и картин, глубокие кресла, столик с шахматной доской и тремя чашечками чая...

Чай оказался предназначен для Танзена и Массено. Но блюдуший аскезу монах вежливо отказался, а волшебник выпил, однако вначале пристально всмотрелся в ауру. На чае не оказалось никаких типовых проклятий или чар, не видно было и следов отравы. Если же там есть что-то редкое, не распознаваемое так легко... да нет, вряд ли. Темному Властелину незачем прибегать к таким сложностям, он может просто кинуть Танзена в яму со змеями.

– Присаживайтесь, – указал на кресла Курдамоль. – Наверное, следовало вначале пригласить вас присесть, а потом предложить чаю, но я немного перепутал. Кажется. Не хотите посмотреть моих новых хомунциев?

– Хомунциев?.. – переспросил Массено.

– Это общее название живых существ, которые настолько малы, что не видны невооруженным глазом, – пояснил Тан-

зен.

– Моя главная специальность, – кивнул Курдамоль. – Обожаю этих малышей. Ведь без них на Парифате вовсе не было бы никакой жизни, вы понимаете? Они как крошечные добрые духи, что приглядывают за нами повсюду и творят благие дела. Оберегают нас от бед, творят для нас еду, заражают нас болезнями...

– Вы ненароком причислили болезни к благим делам, мэтр, – заметил Массено.

– В болезнях нет ничего плохого, что вы! – замахал руками Курдамоль. – Жизнь не прекращается, если вы заболите, она просто переходит в новое состояние! В ваше тело проникают болезнетворные хомунции, что вступают в битву с хомунциями-стражами, и разве не интересно взглянуть, чем закончится их противостояние?

– Но ведь оно зачастую заканчивается смертью, – напомнил Массено.

– А разве смерть одного не жизнь другому? Хомунции разложат ваше тело, переведут его части в иное состояние, сделают удобрением для прекрасной флоры. Какую-то его часть, возможно, съедят животные или гоблины. Однажды я видел гоблинов, поглощающих только что умершего человека – и, поверьте, каждый из них считал это благом.

– Я тоже однажды такое видел, – сухо произнес Танзен. – Не очень аппетитное зрелище. Но ближе к делу, мэтр.

– Да-да, конечно, – подошел к лабораторному столу Кур-

дамошь. – Вы ведь хотите взглянуть на образцы моих новых хомунциев?.. Да-да, вот он. Протрезвляющий хомунций. Думаю, я уже вот-вот его закончу, осталась самая малость.

– Протрезвляющий?.. – насторожился Танзен.

– О да, прекрасная разработка! – оживился Курдамошь. – Властелин тоже меня поддерживает! Вы знаете, что если колония этих хомунциев обитает в человеке, то защищает его от алкоголя в любом виде? Он просто не будет на вас действовать. Не нужно никаких заклинаний, не нужно убеждать друзей, что вы не пьете, поэтому не способны присоединиться к их дружеской пирушке... протрезвляющие хомунции надежно оградят вас от алкоголя. И я почти закончил. Не волнуйтесь, совсем скоро весь Парифат навсегда станет трезв.

Танзен немного побледнел. Будучи приверженцем пищевого метода получения маны, он делал особый упор на алкоголь. Чтобы восполнить магическую энергию, ему требовалось пить – и пить много. Пьянеть он при этом почти не пьянел, перепить его не мог почти никто.

Но если алкоголь перестанет быть для него алкоголем... не будет и маны. Танзен понял это прекрасно. Значит, придется переучиваться, менять основной метод – а это не такое быстрое дело, как кажется некоторым.

– Насколько уже близки к завершению эти ваши хомунции? – осведомился он.

– А, что?.. – рассеянно посмотрел Курдамошь. Он уже вер-

тел в руках другую колбу. – Посмотрите вот на этого великолепного хомунция! Это простенькое, неказистое создание постепенно заменяет ткани в организме человека и других существ на мягкое вещество. Человек становится мягким!

– Что за вещество? – спросил Танзен.

– Мягкое!

– Но есть много мягких веществ.

– Ну это остаются все те же мышцы, кости и прочее. Просто они становятся очень мягкими.

– А они остаются эластичными?

– Да.

– Как резина? – предположил Танзен.

– Нет. Как набитый ватой плюш. Плюшевые люди! О, когда я выпущу этого хомунция из пробирки, мир содрогнется! Все, все люди станут мягкими и жалкими, с трясущимися ручонками! Ах-ха-ха-ха-ха-а!.. о чем это я?.. Ах да. Вы же принесли мне частицы кристаллизованной Тьмы. Где они? Дайте их мне.

На лице Массено отразилось сомнение. Слепой монах не проронил ни слова, но Танзен понял его колебания.

Впрочем, какая разница? В кратере, который сотворил Антикати́сто, остались целые десятки вязких и кристаллических Душ Тьмы. Танзен и Массено успели взять только несколько штук – а остальные наверняка прямо сейчас собирают прихвостни Бельзедора.

– Возьмите, мэтр, – протянул флакон Танзен.

Он держал его с предельной осторожностью. Новорожденная Душа Тьмы – чрезвычайно опасная субстанция. Ее невозможно применить для чего-то хорошего – только бесконтрольное разрушение. Сама по себе она ничего не сделает, но пробудить ее сумеет даже чародей-недоучка. Хватит легчайшего манового импульса.

– Да, это оно, – кивнул Курдамоль, вытягивая из-под шапочки линзу в медной оправе и накладывая ее на глаз. – Безусловная кристаллическая Тьма. И очень свежая. Я почти чувствую, как бурлит ее потенциал. Много их у вас?

– Несколько, – коротко ответил Танзен.

– И это не просто Тьма, говорите?.. – задумался Курдамоль. – Частицы самого Антикатиство?.. Или это не вы мне сказали?.. Неважно.

Курдамоль встряхнул флакончик с черными кристалликами, похожими на обугленные щепочки, умудренно покивал и повторил:

– Да, это они самые. А значит... к ускорителю эфира!

Он бросился бежать с прытью, неожиданной для человека его лет. Полы халата распахнулись, как драконьи крылья.

Увлеченно вздымая флакончик, Курдамоль неслись быстрее ветра – а Танзен только и думал, как бы этот безумец не уронил Души Тьмы. Просто от сотрясения им ничего не делается, но это же Цитадель Зла. Тут сам воздух напоен черной магией. Тут вполне может накрыть и стихийным мановым импульсом.

Но ничего подобного не произошло. Курдамоль привел Танзена и Массено в огромный зал, три четверти которого занимал причудливый артефакт. Стоящий на трех ногах-колоннах, похожий на пузатый котел великана, он был крепко завинчен сверху, зато в самой середине светилось хрустальное окно. Вдоль стенок змеились костяные наросты, в углах мерцали разноцветные камни.

А внутри клубился эфир. Не рассеянный инертный эфир, который пропитывает все мироздание. И даже не ускоренный, который еще называют маной. Что-то совершенно другое – эфир в таком состоянии, которое вовсе не встречается в обычной природе. Какая-то необычная форма маны... или даже нечто еще более удивительное.

Танзен невольно подался вперед. Такого он не видел ни в Кустодиане, ни в Клеверном Ансамбле. Воистину у Темного Властелина свои секреты.

– Половину частиц мы используем, чтобы они поведали нам свои тайны, – провозгласил Курдамоль, вытряхивая несколько Душ Тьмы в медную трубку. – А половину сбережем. Они нам еще пригодятся.

– Зачем? – насторожился Танзен.

– Чтобы создать Антикати́сто снова при нужде.

– Зачем?!

– Чтобы создать Антикати́сто снова при нужде.

– Мэтр Курдамоль, вы безумны, – пристально посмотрел на него Танзен.

– Нет, я не безумен. Я просто волшебник-исследователь.

Не глядя больше на этих странных людей, которые непонятно зачем находились рядом, Курдамоль приник к смотровому окну ускорителя эфира. В его недрах уже вскипал астральный вихрь – поглотив кристаллизованную Тьму, он сразу приобрел негативный окрас, и величественный артефакт заходил ходуном.

– Теперь ожидаем результатов, – сказал Курдамоль. – Вам тоже интересно, что нам поведает ускоритель эфира? Мне – очень.

– Что это за артефакт? – с деланным равнодушием спросил Танзен. – Информационный?

– Нет-нет, это ускоритель эфира, – удивленно посмотрел на него Курдамоль. – Он изменяет скорость эфирных частиц и смешивает, чтобы изучать их свойства. С его помощью можно получать эоны более высокого порядка и увеличивать их внутреннюю энергию. А вы о нем не слышали?

– Кто его создал? Вы? Или лорд Бельзедор?

– Мэтресс Аристинда. Вы о ней слышали?

Танзен медленно кивнул. Конечно, он слышал об Аристинде. Одиннадцатая лауреатка премии Бриара первой степени, бывший президент Мистегральда. Она двадцать лет занимала этот пост – а потом ушла в отставку и вышла замуж за лорда Бельзедора.

С тех пор минуло без малого пятьсот лет, но Мистерия все еще помнит тот скандал.

Но разрыв между Бельзедором и Аристиндой случился почти триста лет назад. Значит, этому артефакту не менее трех веков. Удивительно, что за такое время в Кустодиан не просочилось даже слухов о настолько неординарном волшебстве.

В другое время Танзен бы уже зеркалил Ледяной Глыбе. Но сейчас это открытие его почти не взволновало. По всему миру есть уникальные явления и неизвестные виды магии. Этот ускоритель эфира существует уже очень давно и вряд ли делает Темного Властелина опаснее или злее. Танзен о нем доложит, конечно, но в данный момент его мысли заняты не тем.

– Мэтр Танзен, могу ли я задать вам вопрос? – обратился к нему Массено.

– По поводу этого артефакта, святой отец?... – обернулся Танзен. – Здесь я некомпетентен. Обращайте вопросы к нашему любезному хозяину.

– Нет, я не о том. Уверен, что это презанимательнейшее устройство, но я слишком мало разбираюсь в волшебстве, чтобы оценить его по достоинству, – вежливо произнес монах. – Вместо этого я бы хотел узнать немного больше о тех гримуарах, что похитил Антикатиство...

– Криабалах?

– Да, Криабалах. Верно ли я понял, что именно один из них дал ему такую силу, что он одолел весь наш орден?

– Черный Криабал, – подтвердил Танзен. – Да. Не знаю,

что конкретно это было за заклинание, я никогда не открывал и даже не видел Черного Криабала. Но вы сами видели эффект. Даже без этой книги Антикатиство почти не знал себе равных, а с ней...

– Я знаю, – перебил Массено. – Мне известно, что именно с помощью Черного Криабала маг Токхабаяж стал чудовищем Антикатиство. Также мне известно, что до последнего времени Черный Криабал принадлежал мэтру Медариэну, который скрыл его где-то в надежном месте, но собирался оттуда извлечь, чтобы обратить его силу против Антикатиство.

– Он явно не преуспел, – мрачно произнес Танзен. – Либо Антикатиство разыскал его первым, либо Медариэн все-таки бросил ему вызов и проиграл.

– Мне хочется надеяться на первый вариант, – спокойно сказал Массено. – Знакомство с мэтром Медариэном было приятным, и было бы печально узнать, что его больше нет с нами.

– Факт, – пожал плечами Танзен. – Он великий волшебник. Один из величайших. Без него Мистерия станет слабее. Но о чем вы тогда хотели спросить, святой отец, если и так уже все знаете?

– Не все. Мои знания о Криабалах неполны. Отрывочны. Вплоть до недавнего времени я лишь краем уха слышал о самом их существовании и никогда не интересовался большим...

– Напрасно, напрасно, – сказал Танзен. – Тема интересная. В том числе в историческом контексте – и не только для волшебников. Криабалы принадлежали одному из... возможно, самому великому магу и правителю нашего мира.

– Бриару Всемогущему, – кивнул Массено. – Это я знаю. Он их создал, верно?

– Это одна из версий, – уклонился от ответа Танзен. – О более древних владельцах Криабалов ничего не известно, так что это вполне возможно. Тем не менее, мы не знаем точно, создал ли Бриар их сам или же где-то нашел.

– Не могут ли эти книги оказаться изделием богов? – предположил Массено.

– Многие у нас это подозревают. Очень уж они... неординарны. Мистерия много веков изучала Бурый Криабал и отдельные страницы из других томов, но так и не выяснила, по какому принципу они действуют.

– Страшусь показаться невеждой и профаном, но в чем загвоздка? – спросил Массено. – Я полагал, что это просто особо могущественные гримуары.

– Так-то оно так, но отличие в том, что их может применять кто угодно. Любой может просто взять Криабал в руки, прочесть заклинание – и оно подействует. Даже ультимативное заклинание непреодолимой космической силы – подействует. Просто так. Потому что его прочли. Необязательно даже знать, что это именно заклинание.

– С обычными гримуарами так не получается, это мне из-

вестно... – задумчиво кивнул Массено.

– Не получается. Понимаете, святой отец, волшебство ведь не работает просто... по волшебству. Любому заклинанию нужна мана. Даже если Криабал – это такой сверхмощный многофункциональный артефакт... ему все равно нужна мана – и очень много. Он должен ее откуда-то брать. А если он откуда-то ее и берет – мы так и не выяснили, откуда.

– С самого дна Шиасса! – провозгласил Курдамоль. – Из Хиарда!

– Что?! – вскинулся Танзен. – Вы уверены?!

– Конечно, уверен, – ткнул пальцем в светящееся окно Курдамоль. – Ускоритель эфира разложил эту Тьму на составляющие, и результат очевиден. Ее происхождение не может иметь двояких толкований – только на самом дне Шиасса есть такая эфирная сигнатура. Видите эти характерные линии, складывающиеся в очень самобытный узор?.. Можете свериться со справочником Классара, если сомневаетесь.

– А, вы не о Криабале... – протянул Танзен. – Вы об Антикатиство...

– Конечно. А при чем тут Криабал? За Криабалом вам в библиотеку – у Властелина, кажется, есть один. Или два. Я не уверен.

– Забудьте, – поморщился Танзен. – Вернемся к Антикатиство. Вы говорите, что частицы его Тьмы несут след Хиарда?

– Это очень недобрый признак, – тихо произнес Массе-

но. – Если Антикати́сто как-то связан с Хиардом... как они могут быть связаны, мэтр? Его дух мог попасть туда и... возродиться?..

– Сомнительно... – поскреб лоб Танзен. – Нам почти ничего не известно об устройстве Хиарда – но мы точно знаем, что он не часть Темного мира... Там не должно быть Тьмы в свободном состоянии... А бывший элементаль – это просто сложноустроенный дух, которому нужна его основная субстанция...

– Но он мог отыскать ее в Темном мире? – перебил Массено.

– Обычный элементаль – возможно. Высший, тем более уровня Антикати́сто – не смог бы и там. В Темных мирах бесконечно много Тьмы в свободном состоянии, но там она в разреженном виде. Этого недостаточно, чтобы возродить развеянного высшего элементаля. У него просто не хватит сил ее вобрать. Это, знаете, как умирающему от голода собирать рассыпанные в грязи крошки.

– Вы словно читаете лекцию, – позволил себе чуть улыбнуться Массено.

Танзен тоже усмехнулся краешком рта. Ему тоже невольно вспомнились занятия. У всех магистров и профессоров Мистерии есть опыт преподавания – либо курирование практикантов, либо лекции в Клеверном Ансамбле. Без этого просто не получить звание магистра, и уж тем более профессора.

– И все-таки, – продолжил Массено. – Если Антикатиство не мог возродиться в Хиарде – как они связаны? Простите мое невежество, мэтр, я все-таки не слишком разбираюсь в тех метафизических материях, что известны в Мистерии каждому школяру.

Танзен наклонил голову, сгребая пучки волос на затылке. Он пытался сформировать общую картину.

Это ведь брат Массено все это время шел по следу Антикатиство. Это он расследовал его возрождение, начиная чуть ли не с первого момента. Танзен же вел совсем другое дело. Начавшееся довольно безобидно, но приведшее его к антимагам и страшному древнему оружию – чакровзрывателям. Возможно, к худшему из них – способному повторно покончить с цивилизацией Апофеозу.

Но в центре этого тоже стоял Антикатиство. Просто Танзен до недавнего времени об этом не подозревал.

– Криабал, – поставил он точку на бумаге. – Апофеоз. Хиард. Что все это связывает?

Он соединил точки и уставился на получившийся треугольник.

– Есть мысли, святой отец? – спросил волшебник. – Что это может значить?

– Треугольники ничего не значат, мэтр, – мотнул головой Массено. – Треугольник – это просто треугольник.

Слепой монах тоже глубоко задумался. Еще одна неожиданно всплывшая древняя легенда. Конечно, в существовании

Хиарда сомневаться не приходится – он не единожды упомянут в Ктаве и трудах ведущих богословов. Но от судеб ныне живущих Хиард бесконечно далек и вряд ли кто-нибудь видел его своими глазами.

– Что о Хиарде знает церковь? – спросил Танзен.

– А что о нем знают волшебники? – ответил встречным вопросом Массено.

– Полагаю, то же, что и все остальные. Хиард – это тюрьма для бессмертных. Узилище страшного непредставимого зла.

– Совпадает с тем, что известно мне, – склонил голову Массено. – Но для чего Антикатиство понадобилось там побывать?

– Очень хороший вопрос. Вы абсолютно уверены насчет своих выводов, мэтр Курдамоль?

– Я не ошибаюсь в таких вещах, – равнодушно ответил тот.

Мэтр Курдамоль возился у своего ускорителя эфира. Танзен тоже смотрел туда, пытаясь увидеть в хаотичных завихрениях то, что увидел безумный гений Темного Властелина.

Но он не видел. Не понимал. Будучи агентом Кустодиа-на, Танзен отлично умел читать ауры, но здесь требовалось нечто превосходящее просто высокий навык.

А не развивший истинное зрение вовсе ничего бы не увидел. Для обычного человека артефакт был бы просто огромным причудливым котлом с застекленной дыркой. Совершенно пустым и не светящимся. Бессмысленная рухлядь, ка-

кой часто кажутся непосвященным артефакты.

Интересно, многое ли видит там монах? Брат Массено на этот счет отмалчивался.

– Вы знаете о целях Антикати́сто, святой отец? – задумчиво спросил Танзен.

– Кажется, он одержим желанием истребить всех волшебников, – ответил Массено.

– Да. Он пытался сделать это уже дважды, и оба раза терпел неудачу...

– Задача все-таки нелегкая, согласитесь.

– Нелегкая. Но если он найдет и сможет запустить Апофеоз...

– ...В этот раз его попытка может увенчаться успехом.

– Да, так. Но мы всегда думали, что он хочет только этого. Только истребить волшебников... мы считали это просто его манией. Навязчивой идеей безумца.

– А теперь вы предполагаете, что за этим стоит нечто большее?

– Нечто большее... куда уж больше, казалось бы?.. Но что если истребление волшебников – это и в самом деле только часть чего-то еще более грандиозного? Что если Антикати́сто хочет... честно говоря, мое воображение здесь пасует. У вас есть предположения?

Как всегда в минуты сомнений и раздумий, Массено обратился к святой книге. Он раскрыл Ктаву в случайном месте и прочел:

«Благословенны боги наши, и за то восхваляем их и жертвы приносим».

Великая Молитва, из первого стиха к Космодану. Самое начало символа веры. Полезно и душеспасительно в любой ситуации, но ни на какие мысли не наводит, к сожалению.

– Скажите, мэтр, а возможно ли вообще... открыть Хиард? – боясь своих слов, спросил вдруг Массено. – Кошунственно даже произносить такое, но...

– Хиард – темница богов, – ответил Танзен. – Вы знаете это и сами, святой отец. Она запечатана и охраняется соответствующе.

– Но что если... использовать Криабал?.. Нет ли в нем... подобных возможностей?..

Танзен поразмыслил. На его лицо набежала тень.

– Если не считать изученного вдоль и поперек Бурого, Мистерии не так уж много известно о заклинаниях Криабалов... – медленно произнес он. – Возможно... я не уверен, но возможно... в одном из них и есть что-то подобное. Но даже если так – при чем тут Апофеоз?

– Возможно, именно волшебники могут помешать исполнению плана Антикатисто, – предположил Массено. – И он стремится нейтрализовать их... вас.

– В таком случае, остается вопрос – что же это за план?

– Думайте, мэтр, думайте.

– Я думаю, святой отец. Но мне ничего не приходит в голову. Кстати, при вас ли еще астроябия Вескатуччи?

Массено извлек волшебный инструмент, но не стал раскладывать. Да, он без труда мог выяснить, куда примерно перенесся Антикати́сто, мог снова пойти по следу и в конце концов нагнать его... но к чему?

Увы, орден Солнца пострадал слишком сильно. В ближайшее время он не сможет выйти на битву. А у Антикати́сто теперь еще и множество Криабалов – бросать ему вызов будет самоубийством.

Танзен тоже все прекрасно понимал. Если они двое достигнут Антикати́сто сейчас, то смогут разве что осыпать его оскорблениями. Его не сумел одолеть Бельзедор. Не сумела тысяча солнцеглядов. И даже вся Мистерия одолела его лишь ценой огромных жертв.

При том, что он все равно вернулся, пусть и спустя шесть веков.

– Мэтр Курдамо́ль, а какие на наш счет планы у вашего хозяина? – спросил Массено. – Не считите за невежливость, но мне бы хотелось знать, какую судьбу он нам уготовил.

– Властелин сейчас поведает вам это лично, – раздался голос за спиной. Управляющий Цитаделью Зла подкрался удивительно незаметно. – Брат Массено, мэтр Танзен. Лорд Бельзедор приглашает вас присоединиться к нему за обедом.

Глава 4

4039 год до Н.Э.

Проходя мимо этой камеры, надзиратели невольно вытягивались в струнку. Сам начальник тюрьмы говорил с ее постояльцем тихо, вежливо и словно порываясь поклониться. Даже стоящие у дверей корониевые големы как будто слегка робели, хотя не имели и намека на сознание.

Узник сидел за столом и покусывал гусиное перо. Бумагу устилали каллиграфические строки. Волшебник задумчиво смотрел в зарешеченное окно – вид отсюда открывался восхитительный.

Камеру выделили ему самую лучшую. Не камеру даже, а что-то вроде номера-люкс в дорогой гостинице. Пусть стены сделаны из чистого корония, и вообще коронием тут покрыто практически все – это не более чем меры предосторожности.

Как-никак, он Бриар – человек, которого сорок лет назад официально нарекли Всемогушим и провозгласили величайшим волшебником в мире. Громкие титулы, пафосные, кричащие даже... но мало кто назовет их незаслуженными.

Хотя, конечно, злопыхателей всегда хватает.

В свои двести шестьдесят лет Бриар Всемогуший был еще далеко не стар. Высокий, широкоплечий, всегда в черном переливающимся плаще, он сразу привлекал внимание в толпе.

Легкая проседь выдавала все-таки внушительный возраст, но большая часть волос оставалась черной – черными же были короткие усы и борода.

Длинный ивовый посох сейчас прислонился к стене, хотя обычно сопровождал владельца повсюду. В последнее время Бриар использовал его уже не как рабочий инструмент, а только как атрибут, вещь привычно-любимую. Все-таки люди подсознательно испытывают больше доверия к чародею, если тот помахивает посохом... хотя так ли уж много реальной от него пользы, если вдуматься?

Особенно здесь. За решеткой. В корониевой камере. Укрепленной тюрьме для волшебников. Бирюзовом Холме, который холмом только называется, поскольку по сути остров посреди огненной пропасти. Его специально таким создали – особо надежной темницей для особо опасных преступников.

Но по крайней мере вид отсюда и впрямь восхитительный. Весь город как на ладони. Блистательный Парифаген, столица Парифатской республики.

Бриар родился здесь и вырос. Он любил прекрасные улицы Парифагена, его мосты и колонны, его храмы и манораты. Даже сейчас ему нравилось иногда просто выйти вечером и гулять по столичным проспектам, любоваться архитектурой мрамора и кристалла.

Если приглядеться, отсюда можно даже увидеть троедом, в котором Бриар провел детство. Во-он там, в конце буль-

вара Свершений... хотя нет, нельзя. Его больше нет. На его месте стоит другой, поставленный взамен разрушенного, и в общем-то на него похожий... но другой.

О войне уже мало что напоминает. Невозможно поверить, что десять лет назад из этого окна были видны только развалины. Когда титаны одержали победу, то в гневе разрушили столицу Парифатской республики. Триста бессмертных колоссов прошли по ней волной цунами и втоптали в землю большую часть зданий.

Людей и других индивидов погибло не так уж много. Титаны не стремились истреблять жителей. В общем-то, они проявили гораздо больше милосердия, чем от них ожидали. Они не завоевали республику, не прекратили ее существование, не взяли власть в свои руки, не поставили на престол лояльных себе марионеток.

Победив, они просто наглядно продемонстрировали: вот на что мы способны! Вот какова титанова сила! Не лезьте к нам больше, оставьте в покое!

И их оставили в покое. На какое-то время, по крайней мере. У республики сейчас и выбора-то иного нет – титаны вернулись на свой остров, но два года войны уничтожили все, достигнутое за двести лет мира.

Большую часть жизни Бриар провел в спокойной и процветающей Парифатской республике. Он сам приложил руку к тому, чтобы она такой стала. Ему было всего сорок, когда началась Всемирная война – и ему было пятьдесят, когда

она закончилась. Он лично поставил в ней точку, убив Кровавого Князя.

То, что это сделал именно он – во многом случайность. Просто он уже тогда считался одним из лучших чародеев республики, и неудивительно, что его включили в боевую группу, штурмом взявшую крепость на Шепельде. Даже зажатый в угол, Кеннис оставался чудовищем страшной силы – но его все же удалось одолеть.

Последний удар нанес Бриар. С тем же успехом это мог быть Анго. Или Свиришша. Но судьба распорядилась так, что это оказался Бриар – и именно его провозгласили героем-победителем. Остальных тоже не забыли, разумеется, но им почестей досталось все же меньше.

Кажется, Анго так и не перестал завидовать. Когда Бриар предстал перед трибуналом, боевой товарищ не сказал ни слова в его защиту. Обвинений, правда, тоже не выдвинул – просто молча сидел и слушал.

Бриар многое бы отдал, чтобы узнать, как он проголосовал в тот день. Его приговорили к бессрочному заключению большинством в один голос. Интересно, не принадлежал ли этот решающий голос Анго?

Хотя лучше не знать, наверное.

Жаль, что все так закончилось. Двести лет безмятежного мира – куда они делись?

Конечно, это не было спокойствие болотной лужи – республика бурно росла, вбирала новые земли, поглощала все

новые государства. Не всегда гладко. Случались споры, конфликты. Многие присоединялись со скрипом. Эльфы по сей день во многом автономны в своих лесах-слободах. У гигантов почти что государство в государстве. Морская Губерния на саморегулировании. А остров-резервация Дракония вообще входит в состав республики чисто номинально.

И все же – единство. Общий язык. Общая валюта. Сама планета официально получила название Парифат – потому что разве это не было естественным?

Казалось, что так будет вечно. Казалось, что впереди Парифат ожидает только ясное небо. И так и было почти два столетия. Золотая эра республики. Золотая эра и самого Бриара. Он вел исследования, развивал мировое волшебство. Он принимал участие в разработке пирамид-маносборников и сети каменных порталов. Он разыскал несколько удивительных реликтов, и в том числе древний источник Сущностей – Дарохранилище. Он спускался в Шиасс и стоял перед воротами Хиарда. Он разработал магический язык Каш, который используется сейчас чуть ли не всеми. Его знания и могущество росли, пока он официально не был признан величайшим волшебником в мире. Ему даровали почетный титул – Всемогуший.

А потом началась война с титанами.

Их остров многим мозолил глаза. Единственный кусочек планеты, так и не вошедший в состав республики. Есть еще Царство Фей, но оно сокрыто туманами, людям нет в него до-

ступа, и даже на карте его местонахождение отмечают только приблизительно. Где-то вот здесь. Где-то вот тут. Кто вообще может похвастаться, что видел его своими глазами?

А титаны – они в конкретной точке. Вот их остров. Алмазный Рай, так они его называют. Полторы тысячи лет назад они все переселились туда, предоставив смертным остальную планету.

Они считали, что смертным этого хватит. Полагали, что пятьдесят континентов – более чем достаточно, чтобы смертные не претендовали на их единственный остров.

Они ошиблись.

И дело даже не в Ордентусе. Да, республика была в шоке, когда титан убил консула. Главу республики. Кто бы не был? Особенно всех взбудоражило то, что убийцей оказался не отщепенец, не обезумевший титан-чудовище, а совсем наоборот. Ордентус Бунтарь нашел свой жребий в борьбе с Парифатской республикой. В борьбе с единым миром. С глобализацией.

Он провозгласил, что республика подавляет свободу и должна быть разрушена.

Но в тот раз мир не рухнул. Алмазный Рай передал Ордентуса на суд смертных – и того приговорили к смертной казни. Общественность какое-то время шумела, но потом успокоилась – и спокойствие длилось еще семьдесят пять лет.

До тех пор, пока республика не вобрала в себя последний клочок земли.

Пока оставались другие не присоединенные части планеты, на Алмазный Рай можно было не обращать внимания. Можно было заниматься пока что прочими.

Он же не последний. Он один из четырех... из трех... из двух... а потом он стал последним.

И стал слишком мозолить глаза.

Конечно, на титанов не набросились сразу же. Многие были уверены, что они сами со временем оценят прелести жизни в едином мире. Сами попросятся в состав республики. Может, на условиях автономии или даже полного самоуправления – это неважно. Парифатская республика либеральна, она готова предоставить каждому, что он хочет.

Но титаны – это не эльфы, не гиганты и даже не драконы. Назвать титана свободолюбивым – это как назвать океан влажным. Алмазный Рай – это ведь даже не государство, а просто остров, где они все живут.

Потому что любой титан скорее умрет, чем станет подданным или гражданином. Скорее умрет, чем признает над собой чью-то власть. Пусть не индивида, пусть всего лишь свода правил. Конституции.

У титанов нет законов. Нет религий. «Горд, как титан» – сравнение, возникшее отнюдь не на пустом месте.

Интересно, как они воспитывают детей?

Бриар вздохнул, отрывая перо от бумаги. Он ведь им говорил. Убеждал и консула, и сенат, что это будет ошибкой. После победы над Кровавым Князем республика не вела войн.

Все присоединения были мирными, осуществленными исключительно дипломатией. Может, не всегда чистой, не всегда деликатной – но до настоящих войн ни разу не доходило.

Однако к нему не прислушались. Возможно, дело все-таки было и в Ордентусе. После того случая многие не доверяли титанам. Многих пугал сам факт присутствия в их мире столь могучих существ. Это как жить по соседству со спящим вулканом – сейчас-то безвреден, но что случится, если вдруг проснется?

Все-таки титаны слишком горды и слишком непредсказуемы. Начало войны было только вопросом времени.

На этой войне Бриар потерял брата. Брокер уступал ему в способностях, но тоже был великим чародеем. После него остался незаконченный проект, недостроенный манорат, коллекция раковин, вдовья супруга и двенадцать детей.

Было восемнадцать, но шестеро уже умерли от старости.

Сам Бриар тоже не уклонялся от гражданского долга. Считал эту войну ошибкой, но когда она началась – отправился на фронт среди первых же добровольцев.

Его знал весь мир. Не только как победителя Кровавого Князя, но и как создателя языка Каш, как автора новой магической системы, да и просто как волшебника номер один. Бриар не гонялся за славой, не рвался к власти и не любил почестей, но не мог отрицать, что равных ему нет. Слишком уж очевидный это факт, чтобы деланно скромничать.

Он и не отрицал. Бриар Всемогущий. Никто не скажет,

что он не внес вклада в войну с титанами. Его заклинания отправили в Шиасс двадцать девять этих бессмертных. Среди них пятеро были нашедшими жребий. Архисильными созданиями.

Бриар споткнулся на тридцатом. Аэтернус. Алмазный Страж. У титанов нет правителей, но есть предводители – те, кого особенно уважают. Те, к чьим советам прислушиваются. Те, кто возглавляет какие-то общие деяния – грандиозные стройки, массовые переселения... и войны.

И Бриар намеревался повторить то, что сделал когда-то с Кеннисом. Добраться до вражеского предводителя, свернуть ему шею и закончить войну.

Ему не удалось. Всемогущий не сумел одолеть Вечного. Всей магии Бриара не хватило, чтобы уничтожить Аэтернуса. Они бились с Алмазным Стражем почти сутки, и Бриар остался посрамлен. Сам бы он не пощадил Аэтернуса и потому не ожидал пощады от него – но лидер титанов неожиданно даровал ему жизнь. Не стал мстить за погибших собратьев. И единственное, что он потребовал от Бриара – принести клятву, что тот не станет больше вредить титанам.

Бриар поклялся. Самой страшной магической клятвой – вратами Шиасса и бессмертной душой.

И клятву он сдержал.

И не просто сдержал. Другой бы на его месте просто сложил оружие. Он и так сделал немало – пусть другие закончат дело. Его не осудили бы. Узнав о принесенной клятве, ему

позволили бы вернуться в тыл, покинуть театр боевых действий. Способности Бриара разносторонни и многогранны – он мог бы исцелять раненых и воскрешать погибших, снабжать республику припасами и возводить новые здания.

Но пока идет война, любая помощь республике будет вредом для титанов. Так рассудил Бриар. А сидеть без дела он не умел никогда. Трудоспособный, как никто, он просто не был предназначен для безделья.

И потому он попытался прекратить войну. Заявил, что хочет выступить в сенате – и ему предоставили трибуну. В назначенный час весь мир принял к проекристаллам – и весь мир видел, как Бриар Всемогуший требует немедленно заключить мир. Он произнес целую речь – бурную, горячую... но не достигшую цели.

Время еще не пришло. Если бы Бриар выступил годом позже, когда титаны перешли в наступление и республика затряслась от страха... впрочем, к тому времени было бы поздно. Через год сенат и без него начнет молить титанов о мире – только вот те будут уже слишком взбешены.

А Бриар выступил, когда война была в самом разгаре. Когда республика была пьяна от побед. Когда казалось, что Алмазный Рай вот-вот падет, и весь мир, вся планета без исключений станет одним безграничным Парифатом.

Патриотическим угаром были охвачены все. От мала до велика, от сенаторов до гонителей вшей. Над титанами смеялись, их рисовали на карикатурах и сочиняли анекдоты.

Изображали какими-то чурбанами, тупыми обезьянами с высоко задранными подбородками.

И когда Бриар объявил (вовсе не стесняясь в словах), что войну нужно прекратить, на него ополчился весь мир. Из любимца общественности он мгновенно превратился в ее заклятого врага. Сенаторы в тот день освистали волшебника. Случайные прохожие плевали ему вслед.

А потом стало известно о клятве, которую он дал Аэтернусу. Бриара заклеили предателем и дезертиром. Отдали под трибунал. Три дня разбирательств – и он попал сюда. В корониевую камеру на вершине башни.

Из этой удобной ложи он и наблюдал финальную сцену. Своими глазами видел, как титаны штурмуют Парифаген и втоптывают его в пыль. Видел падение республики. Гибель бывших товарищей.

Всего за два года до этого Парифатская республика была величайшим государством в истории. И не потому, что у нее были несокрушимые легионы. Не потому, что у нее было доступное для всех волшебство. И не в том дело, что в зале сената стояли золотые статуи, а на городских площадях били винные фонтаны. Это все пустое, мишура.

Республика была великой благодаря ее обществу. Системе социальных взаимоотношений, которая вмещала весь мир. Позволяла гармонично сосуществовать десяткам разумных видов и сотням культур. Давала всем образование, безопасность и государственную поддержку.

У Парифатской республики были свои недостатки. Все еще сильнейшее социальное неравенство, расслоение общества на аристократию и плебс, а вдобавок еще и деление на одаренных и немогущих. Но могучая конгломерация не переставала развиваться.

В конце концов, Бриар еще застал время, когда на Парифате существовало самое настоящее рабство. Разумных индивидов покупали и продавали, как скот. Ему было всего девять лет, когда отец пришел домой ликующим и объявил сыновьям, что с сегодняшнего дня они полноправные граждане.

Подумать только, насколько изменилась бы его жизнь, запоздай упразднение рабства хотя бы на год. Дети невольников получали только начальное образование, которое заканчивалось в десять лет. Их не допускали в школы Искусства. Даже не пытались проверять на скрытые способности.

Никто бы никогда не узнал, какой редкий дар скрывается в чакрах маленького Бриара.

И вот чем все закончилось. Одиннадцать лет он уже сидит за решеткой и смотрит, как рушится Парифатская республика.

Отсюда это не очень заметно. Столицу отстроили давным-давно. В конце концов, это всего лишь здания. Но вот общество... общество за десять лет так и не оправилось. Война унесла миллионы жизней, включая множество ведущих волшебников. Республика сотрясается в череде беско-

нечных кризисов. Она уже далеко не едина – провинции все чаще заговаривают об отделении, сепаратизм все усиливается, правительство не умеет совладать с беспорядками.

Парифат на грани распада. Возвращения к былой россыпи мелких вольниц, крошечных княжеств и королевств. Бесконечной грызне. Череды междоусобиц. К тому, с чем с таким трудом было покончено.

А Бриар Всемогуший здесь, в камере. О нем словно все позабыли.

Былые заслуги? Кому они теперь интересны? Настоящее важнее прошлого. А в настоящем он – всего лишь узник. Дезертир. Предатель интересов республики, которого все ненавидят.

Но будущее важнее настоящего. Все еще может снова измениться. Бриару двести шестьдесят лет, но для мага его силы это ничто. Даже в корониевой камере, без чародейной подпитки он проживет еще минимум век.

Более чем достаточно, чтобы закончить главный труд жизни.

Вот уже одиннадцатый год Бриар писал книгу. Одну и ту же, все заново и заново. Рвал листы и кидал их в камин – тот горел круглый год, хотя Парифаген расположен на экваторе.

Идея этой книги появилась у Бриара незадолго до войны. Поначалу он даже посчитал идею глупой – настолько вразрез она шла с тем, чему учили Бриара всю жизнь. Ему долго не верилось, что в его рассуждениях нет ошибок.

Но их, кажется, действительно нет.

Магия проста. Многие этого не понимают, но магия очень проста. На протяжении всей своей истории волшебники искусственно ее усложняли и запутывали, чтобы добиваться лучших результатов, но это не более чем сложные и запутанные костыли.

Они действуют, эти костыли. Они работают. Но все то же самое можно делать и очень-очень просто. Одним волевым усилием. Прямым контролем маны.

На самом деле больше ничего и не нужно.

Но чтобы прийти к этой простоте, вначале нужно освоить магию сложную. Парадокс, но чем она сложнее, тем легче большинство чародеев ею овладевают. Длинные зубодробительные заклинания. Календарно зависимые ритуалы со множеством переменных. Многосоставные эликсиры из редчайших ингредиентов. Артефакты, которые куются годами.

Все это сложно – но легче для восприятия. Слишком уж слабо духовное начало в смертном существе. Чтобы его расшевелить, чтобы взрастить в индивидуе искру волшебника, приходится прибегать к поистине нелепым психологическим ухищрениям.

А то, что все это просто костыли и декорации, что на самом деле ничего этого не нужно... к этому приходят немногие.

Бриар изучил эти костыли и декорации, как никто. Не ради пустой почести его титуловали Всемогущим. Он и в са-

мом деле аномально могущественный волшебник. Он владеет невероятным количеством заклинаний, ему подвластно огромное множество родов магии. Он умеет применять даже чары Света и Тьмы – причем одновременно.

До Бриара считалось, что подобное невозможно.

И последние одиннадцать лет он пытался сформулировать заветную мечту чародеев – универсальное заклинание. Искал способ свести всю магию к нескольким словам, а в идеале – к одному слову. Такому слову, которое будет действовать в любых устах, у любого человека.

У него получалось это частично. Идея ускользала. Вертелась совсем рядом, давала увидеть то хвостик, то лапку... но целиком не показывалась. Бриар исписывал все новые листы – благо в бумаге его не ограничивали.

Экспериментировать с волшебством в корониевой камере – паргоронский труд. Даже Бриар не мог здесь колдовать. Чакры отказывались обрабатывать ману. Пшикали, как пустые гориски.

Но в том-то и дело, что идея, которую он пытался поймать, обещала решить эту проблему.

На первый взгляд казалось, что Бриар создает обычные волшебные свитки. Самое простое дело, даже рядовые волшебники без труда их производят. Начертать заклинание, влить мановый заряд. Элементарно. Первый свой свиток Бриар сотворил двенадцати лет от роду. Его всегда интересовала эта методика.

Но свитки – одноразовые. Они одноразовы по определению. Их нельзя даже перезарядить – мана пропитывает сам материал, содержится в бумаге или чернилах. Истраченный свиток либо рассыпается, либо становится чистым – зависит от методики.

Артефакты – дело другое. Они многоразовые. Гораздо сложнее свитков, зато многоразовые. Однако мана им все равно нужна, без нее никуда. Если артефакт получает ману от владельца, в корониевой камере он точно так же бесполезен. А если тратит собственный запас, тот рано или поздно закончится.

Но что если найти... альтернативу?

Здесь и сейчас, на одиннадцатый год заключения, Бриар Всемогуший наконец отыскал решение. Пока еще это не универсальное заклинание, далеко нет. Но это первый шаг к нему.

Вечный волшебный свиток. Неограниченный. Действующий в любых руках.

Невозможно?... О, Бриар уже не раз делал то, что считалось до него невозможным.

Причем он сотворил этот свиток в корониевой камере. Неспособный колдовать.

И в том-то и дело, что он не колдовал. Не применял активную ману. Не выпускал из себя заклинаний.

Вместо этого он заклинание... оживил. Аномально могущественный волшебник, он сумел сконцентрировать маги-

ческий импульс в конкретном участке астрального тела – и отделил этот участок. Перенес его на лист бумаги – и позволил жить собственной жизнью.

Одушевление – самый простой процесс на свете. Бесхозные искры сознания носятся повсюду мириадами. Какая-нибудь крохотная паучиха откладывает тысячу яиц – и в них возникает тысяча душ.

Маги тоже знают в этом толк. Бриар мог одушевить что угодно. Вдохнуть жизнь в холодный труп – и обменяться словами с мертвецом. Вдохнуть жизнь в бесформенную стихию – и узреть бушующего элементалю. Вдохнуть жизнь в предмет обихода – и получить верного прислужника-объектала. Вдохнуть жизнь в артефактное изделие – и создать мыслящего голема.

Но сейчас Бриар одушевлял... заклинание. Не просто вливал ману, а даровал ему душу. Не бумаге, не чернилам, а самой сути чародейства – пусть и воплощенной в материальном виде.

Теперь это не просто заклинание, а самостоятельная личность. Носитель бессмертного сознания и источник маны. Оно живет и существует только для выполнения конкретной задачи – но эту задачу оно выполнит, игнорируя короний.

Ведь у заклинания нет духовных линий. И нет чакр. Оно само по себе как чистая чакра – только рассредоточенная. И если воззвать к ней, если произнести нужные слова...

– Маракурита орхара баста! – произнес Бриар, подняв-

шись со стула. – Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

И... ничего не произошло. Ничего не случилось. Листок по-прежнему лежал на столе, Бриар по-прежнему стоял посреди камеры.

– Чего-то не хватает, – задумчиво сказал он.

Странно. Конечно, неудачных попыток было уже бессчетно, но он был уверен, что в этот раз все рассчитал верно. Видеть рисунок ауры короний не мешает – и Бриар видел безупречную законченную решетку. Прекрасный гармоничный узор элементарного заклинания Побега.

Но оно почему-то не срабатывает. Быть может, короний его все-таки ограничивает? В теории он мешать не должен, но практика часто расходится с теорией. Бриар мог чего-то не учесть, упустить из виду какую-нибудь мелочь.

Он еще раз повторил звуковую комбинацию. Нет, оговорки нигде не было, все произнесено правильно. Абсолютная точность не требуется – живое заклинание не разумно в привычном понимании этого слова, но достаточно сообразительно. Если не слишком коверкать слова, оно поймет сигнал.

Еще часов шесть Бриар просидел за столом, проверяя все по новой. Пищеграмма дважды вспыхивала, выдав сначала завтрак, а затем обед, но узник даже не смотрел в ту сторону. Ему не хотелось ни есть, ни пить.

И в конце концов его лицо просветлело.

Как это часто бывает, он действительно упустил из виду

крошечную деталь. Живое заклинание обитает в своем листе бумаги. У него нет глаз и ушей. Оно все же воспринимает окружающий мир, но совсем иначе, труднопредставимо для человека.

И для того, чтобы оно распознало звуковую комбинацию, нужно войти с ним в эфирный контакт. Плотнo сомкнуть астральные тела.

Самый простой способ это сделать – тактильный.

Пламя Паргорона, как же глупо. Бриар невольно рассмеялся. Величайший волшебник Парифата, господа. Шесть часов ломал голову, не догадываясь взять листок в руки.

Но теперь он это сделал. В последний раз взглянул на вид за окном и снова произнес:

– Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Отзвучало последнее слово – и Бриар Всемогуший растворился в воздухе.

Глава 5

Искатели Криабала гадали, что с ними сделают. Мектиг, Плацента, Джиданна, Дрекозиус и Имрата стояли в окружении прихвостней, среди прочих пленников Бельзедора, и ждали, когда тот обратит на них внимание.

– Нам нужно наброситься на них разом, – сказала титанида. – Я раскидаю их, а вы бегите.

– Усмири свой пыл, дочь моя, мысли благоразумно, – тихо ответил жрец. – Бесславно сложить головы мы всегда успеем.

– Но...

– Мы уже пробовали сбежать, – брюзгливо напомнила Джиданна. – Успех был поразительным.

После битвы Бельзедора и Антикатиристо они действительно попробовали дать деру. Сотканное из чистой Тьмы чудовище забрало все Криабалы, больше их тут ничто не удерживало.

Даже Имрата это неохотно признала.

Но покинуть Цитадель Зла не удалось. Бельзедор погиб, но его приспешники остались в добром здравии. Управляющий лично преградил искателям Криабала путь и вежливо сообщил, что им бы желательно еще задержаться здесь на какое-то время.

И это не просьба.

Имрата попыталась отшвырнуть этого человечка с как

будто наклеенными усиками. Но в отличие от Бельзедора, тот не дал ей красивого поединка. Просто хлопнул в ладоши – и всех пятерых перенесло в камеры.

В те самые камеры, откуда их с таким трудом освободил Плацента. Только уже полностью отремонтированные. С заново наложенным замком в женской камере и починенными прутьями в мужской.

А на следующий день их вытащили и пригнали обратно в тронный зал. Тот уже почти полностью привели в порядок, вдоль стен вновь толпились прихвостни всех видов, а на железном колючем троне восседал Темный Властелин.

Опять живой и здоровый.

Был он разве что сейчас не в доспехе, а в черном костюме из толстой замши. Добрых девяти локтей ростом, с чеканным лицом цвета старой бронзы и чернильно-черной копной волос, лорд Бельзедор восседал перед мольбертом и писал картину. Жуткий, зловещий, но по-своему красивый пейзаж, панораму Бриарогена.

– Как вам моя работа, лорд Гвыфнюр? – спросил он, оценивающе склонив голову.

– Изумительно, Властелин! – с подчеркнутым подобострастием произнес тощий крысолюд. – Восхитительно! Вы непревзойденный талант! Художники всего мира – сущие ничтожества в сравнении с вами!

– В таком случае я жертвую эту картину на благотворительность, – снял холст с мольберта Бельзедор. – Продайте

ее с аукциона в Ридолено, Торо или другом городе, знающем толк в живописи.

– Потом выкрасть обратно? – ухмыльнулся Гвыфнюр.

– Разумеется. Не мне вас учить.

– И продать снова?

– Да, но уже в другом городе.

– Другие ценности тоже красть?

– Само собой. Мою картину будут покупать тонкие ценители – у них наверняка найдутся и другие прекрасные полотна. В последнее время моя картинная галерея прискорбно перестала обогащаться – поручаю вам это исправить.

– Повинуюсь, мой Властелин, – склонился приспешник, едва не касаясь пола длинными резцами. – А на какую именно благотворительность жертвовать вырученные деньги?

– Вам в карман, лорд Гвыфнюр. Вы же сирота, кажется?..

Передав этому приспешнику картину, лорд Бельзедор так же стремительно разобрался с еще несколькими мелкими делами. Распорядился натравить виверн и хищных ящеров на Миртанию – небольшую страну по соседству с Империей Зла. Приказал устроить дождь из кальмаров в нескольких случайно выбранных королевствах. А приспешнику в белоснежном смокинге приказал отправиться в империю Гранд-пайр и массово осквернить там лестницы и лифты.

– А теперь перейдем к более важным вопросам, – поднялся с трона Бельзедор. – Господин управляющий, вы что-то хотели мне сказать?

– О да, Властелин, – преподнес ему странный черный предмет управляющий. – Спешу обрадовать – вас снова признали лучшим злодеем года! В сто сорок первый раз!

– О, как это лестно! – торжествующе ухмыльнулся Бельзедор. – Передайте членам жюри мою признательность и выпустите из темниц их родных.

Прихвостни восхищенно захлопали. Темный Властелин раскланялся на все четыре стороны, грохнул об пол черным посохом, откашлялся...

– Пойдите, Властелин! – воскликнул управляющий. – Вы забыли надеть плащ! Нельзя выступать без плаща!

– Ох ты, – спохватился Бельзедор. – Благодарю вас, господин управляющий. Я чуть было не осрамился.

Действительно, старый его плащ был уничтожен в битве с Антикати́сто. А настоящий злодейский плащ – это очень важно. Он должен красиво развеиваться. Должен внушать ужас. Должен быть мягким, но вместе с тем прочным.

И черным. Радикальный черный цвет. Это очень важно. Черные плащи – одно из главных изделий текстильной промышленности. Плох тот портной Империи Зла, что не умеет шить такие.

Бельзедору поднесли самый лучший. Он запахнулся в него, снова откашлялся и принялся... петь. Зал наполнился как будто раскатами грома – гулкий, зычный голос Темного Властелина разносился так далеко, что вороны взлетели с крыш. Управляющий аккомпанировал ему на огромном

черном органе, которого вроде бы еще только что в зале не было, а теперь вот появился откуда-то.

*Я во мраке ночи насылаю кошмары!
Легионы злодеев повсюду я шлю!
Не получит пощады ни юный, ни старый!
Причинять людям горе я очень люблю!*

*Ненавижу всей душой я эльфов и людей,
Уничтожить их хочу, очистить мир скорей!
Пусть он будет гол и пустынен,
Пусть проклинаят все мое имя!
Взвейся, нечисть, что мне подвластна,
Смерть всех настигнет, и это прекрасно!*

*Гремит война, планету потрясая,
Зловещий мрак окутал города!
Герои тщетно этот мир спасают,
Я буду сеять ужасы всегда!*

Прихвостни раскачивались в такт, притопывали, щелкали зубами и хором подпевали:

*Он могуч, велик, прекрасен,
Злобен и непобедим,
Он всегда от крови красен,*

Наш любимый Властелин!

– Что происходит? – растерянно спросила Имрата.

– Тс-с!.. – шикнул на нее Дрекозиус.

Но было уже поздно. Несколько прихвостней придвинулись к искателям Криабала и с явной угрозой пропели:

Трепещи, дрожи и слушай,

Бельзедор уже идет!

Плоть пожрет, поглотит души

И на части всех порвет!

Управляющий в последний раз опустил руки на клавиши. Орган издал последний зловещий звук – и Бельзедор громогласно расхохотался. Смех Темного Властелина наполнил тронный зал, выплеснулся наружу, разнесся над всем Бриарогеном. Прихвостни бешено захлопали, заулюлюкали, преданно взирая на Бельзедора.

– Я даже не знаю, что сказать, – безучастно произнесла Джиданна. – Что это было?

– Всего лишь злодейская песня нашего Властелина, – произнес управляющий, каким-то образом оказавшийся у нее за спиной. – Он сочинил ее сегодня утром.

– И часто он их... сочиняет?

– Регулярно. Наш Властелин постоянно в творческом поиске.

– А зачем это вообще?

– Как это зачем?! – поразился управляющий. – Если ты злодей – необходимо время от времени исполнять злодейские песни. Это очень важно.

– А если тролль на ухо наступил? – любопытствовала волшебница. – Если петь не умеешь?

– Боюсь, в таком случае вам никогда не стать подлинным злодеем, – покачал головой управляющий. – Вульгарные злодеяния вы творить сможете, конечно, но в них не будет стиля. Не будет души. Это уровень обычных мелких прихвостней, но никак не приспешников. И уж тем более не Темного Властелина.

Объяснив это, управляющий предложил искателям Криабала предстать перед Бельзедором. Точнее, их подтолкнули к трону пять огров со зверскими рожами. Заминка возникла только с Имратой, которая оказалась сильнее, поэтому ее огр просто вежливо попросил девушку не создавать проблем.

Усевшийся обратно на трон Бельзедор смерил их пристальным взглядом. Трясущийся от мелкой злобы Плацента притаился за широкой спиной Мектига, туда же отступила Джиданна, а где-то еще дальше пытался спрятать свои тела Дрекозиус. Имрата, которая все еще дискутировала со своим огром, немного приотсталла, так что в итоге Бельзедор оказался один на один с Мектигом.

Дармаг выдержал его взгляд без труда. Могучий хирдманн не умел бояться врага, облеченного в плоть, и смотрел на

Темного Властелина без тени страха, с одной только холодной яростью.

Бельзедор. Мектиг ненавидел Бельзедора.

Рядом с троном возник управляющий. Темный Властелин повернулся к нему и дружелюбно попросил:

– Господин управляющий, представьте мне моих гостей, пока их головы еще не отделены от тел.

– Прекрасный набор, Властелин, – любезно ответил управляющий. – Отличная слаженная команда героев, от души рекомендую. Вот это, извольте видеть, Мектиг Свирепый. Тридцать семь лет. Дармаг, родом из Свитьодинара, когда-то был первым бойцом тинглида. Покинул дом после убийства ярла Солетунга, с тех пор ведет жизнь охотника за головами. Берсерк, одержим духом лемминга. Беспощаден к врагам, но беззаветно предан друзьям, предельно неразговорчив. Севигист с уклоном к Энзирису. Любимое оружие – боевая секира. Одна Сущность – Самозатачивающийся Клинок.

Мектиг никак не прокомментировал данную ему характеристику. Только на лице его мелькнуло беспокойство – он удивился, что в Империи Зла так много о нем известно.

– А это, с вашего позволения, Плацента, – продолжил представлять искателей Криабала управляющий. – Тридцать шесть лет. Полугоблин, родом из Эрдезии, профессиональный вор. Сын вора-гоблина и опустившейся шлюхи, вырос на улице. Щипач и домушник, немного подвержен клепто-

мании. Жаден, коварен, подл, жесток, страдает копролалией. Эготеист. Любимое оружие – парные кинжалы или аналогичные короткие клинки. Одна Сущность – Бранный Полиглот.

– На кир иди, ыррыть материа! – огрызнулся Плацента, выглядывая из-за Мектига.

– Мэтресс Джиданна Спецеял, – представил волшебницу управляющий. – Тридцать четыре года. Человек стандартного типа, родом из Эрдезии. Окончила Клеверный Ансамбль, институт Унионис, факультет великодушия. Лицензиат. Фамиллиар – императорская белка. Считает себя неудачницей, инертна и ленива, страдает эмоциональной глухотой. Ктототамка. Любимые заклинания – Слияние Сознаний, Огненное Дыхание, Исцеляющий Зверь, Дублирование, Царь Зверей. Одна Сущность – Зеленое Яблоко.

– Худшая Сущность из тех, что были в Дарохранилище, – равнодушно произнесла Джиданна, сотворив себе яблоко.

– Отец Дрекозиус, урожденный Магет Риарико, – указал на жреца управляющий. – Сорок семь лет. Человек стандартного типа, родом из Грандпайра. Жрец Космодана, закончил духовную семинарию в городе Ридолено. Тридцати лет от роду переехал в город Пайнк, что в Эрдезии, где вскоре получил должность видама при епископе Суйме. На протяжении последних семнадцати лет разыскивает Криабалы. Очень умен, красноречив, корыстен, лицемерен. Набожность отсутствует, хотя все же севигист. Две Сущности –

Спящий Человек и неизвестного наименования.

Дрекозиус издал чуть слышный вздох. Он сразу понял, конечно, что это за Сущность у него неизвестного наименования – способность видеть во сне Криабалы. Но он и понятия не имел, что это, оказывается, Сущность... хотя стоило бы догадаться.

Интересно, откуда об этом знает управляющий Бельзедора? Откуда он вообще так много о них знает? Даже его дожреческое имя, которое Дрекозиус грешным делом уже сам с трудом припоминал.

Их не допрашивали, не пытали, не психозрительствовали... хотя это можно сделать и незаметно, ладно.

– И юная титанида Имрата Аэтернида, дочь некоронованного царя титанов...

– Про нее не нужно, – перебил Бельзедор. – Благодарю вас, господин управляющий. Что же до вас пятерых... вы голодны, надеюсь?

– Нас ни разу не кормили, – сухо произнесла Джиданна. – Мы ели только мои яблоки.

– Они вкусные? – осведомился Бельзедор.

– Нет, очень кислые.

– Рад это слышать. Я очень старался, чтобы вам не понравилось.

– Мерзавец!.. – шагнула вперед Имрата. – Ты смеешь...

Бельзедор вскинул ладонь, и титанида словно врезалась в невидимую стену. От Темного Властелина изошла цепеня-

щая волна – мысли сразу притихли, движения стали вялыми.

– Обсудим наши разногласия позже, – сказал Бельзедор. – Сейчас я приглашаю вас разделить со мной обед.

– Это огромная честь для всех нас, – елеиным голоском произнес Дрекозиус. – Но будет ли мне позволено спросить, есть ли у нас выбор?

– Разумеется. Вы можете пойти на обед, а можете вернуться в темницу.

– А там нас покормят?! – подал голос Плацента.

– Нет.

– Ярыть, придется идти с тобой... а в сортир сначала можно? Я срать хочу.

Обед у Темного Властелина – опыт, которым мало кто может похвастаться. Ни Мектиг, ни Плацента, ни Джиданна, ни Дрекозиус никогда не думали, что однажды им доведется посидеть за этим столом, среди злых волшебников, великих преступников, нечистых тварей, беглых тиранов и прочих приспешников лорда Бельзедора. Дрекозиус заметил тех, кого уже видел в вещих снах – лорда Тысячезуба, леди Мурррр Чи, лорда Золотую Бороду... и только леди Хионы по понятным причинам не было.

Имрата ни о чем подобном не думала и подавно. Проведя в глыбе колдовского льда несколько тысячелетий, она до недавнего времени знать не знала ни о каком Темном Властелине. Ее родной Парифат был совершенно иным местом, абсолютно не похожим на Парифат нынешний.

Во главе стола восседал, понятное дело, сам лорд Бельзедор. По левую и правую руки – две его жены, похищенные принцессы из великих империй. За спиной господина замер бессменный управляющий. На коленях Темный Властелин держал важного белого кота. А большую часть остальных мест занимали бесчисленные приспешники.

Искателей Криабала разместили в самом дальнем конце, и чувствовали они себя не в своей тарелке. Рядом сидели еще два каких-то типа – явно не приспешники, тоже какие-то гости или пленники.

Тут это почти одно и то же.

– Танзен, – коротко представился один из них. – Магистр Метаморфозиса.

– Джиданна Спецеял, лицензиат Униониса, – кивнула Джиданна, кормя свою белку серебряными монетами. Ей подали их целую горсть, на отдельной тарелочке. – Вы из Кустодиана?

– Что меня выдало? – пристально посмотрел Танзен.

– Взгляд... выражение лица... что-то в ауре... не знаю, – неопределенно пожала плечами волшебница. – Просто когда вас увидела, то сразу подумала – агент Кустодиана.

– Вы очень наблюдательны, мэтресс. Я видел вас там... в зале... когда наш хозяин сражался с Антикати́сто.

– А я вас там не заметила. Хотя я не вглядывалась.

– Я выглядел иначе.

– Ну да, Метаморфозис же...

С другой стороны отец Дрекозиус расспрашивал брата Массено. Он, разумеется, сразу узнал солнечного монаха по багровой рясе, и теперь осторожно выяснял, что тот здесь делает. Солнцегляд отвечал любезно, но уклончиво, не слишком распространяясь о своей миссии, и уж подавно не упоминая о пайцзе нунция.

Имрата сидела кислая, как лимон. Она неотрывно тарасилась на Бельзедора – а тот словно ничего и не замечал. За обедом Темный Властелин был весел и дружелюбен, шутил с женами и приспешниками, да и вообще больше походил на главу большого счастливого семейства, чем на грозу всего Парифата.

Подали первое. Кристальной чистоты черепаховый суп. По обе стороны от блюда лежали приборы – три разного размера ложки, столько же вилок, два ножа и тонкая серебряная заковырка. Джиданна слышала, что ею положено есть моллюсков, но их пока на столе не появилось.

Плацента ел суп с видом ценителя. У него почему-то была только одна ложка, остальные приборы куда-то пропали.

– Хм-м... – с видом ценителя произнес он, почмокав. – Какой необычный сорт говна...

Сделав еще несколько глотков и сожрав все мясо, он вылил бульон во флягу, тут же свернув воронку из листа бумаги. Откуда он взял флягу и бумагу – знал только сам Плацента.

– А бульон у тебя там не протухнет? – спросила Джиданна.

– Ничего. Настоится.

– И ты будешь это есть?

– Ты совсем дура, что ли, Джи-Джи? – сплюнул на пол Плацента. – Это фляга. Из нее пьют.

– А. Ясно, – вернулась к супу Джиданна.

Суп нравился ей больше, чем Плацента. Он оказался и в самом деле вкусным. На редкость даже вкусным. За обе щеки его уплетали почти все.

Нос воротил только монах с повязкой на глазах, но он солнцегляд. Солнцегляды всю жизнь блюдут строжайший пост, об этом Джиданна где-то слышала.

– Превосходно, – рек Бельзедор своим особым голосом, который разносился гулким эхом. – Мои комплименты повару. Но, кажется, мой суп отравлен... и недосолен.

В гробовом молчании он тряхнул солонкой над тарелкой, потом поднес ее к глазам и молвил:

– Соль тоже отравлена.

Бельзедор спокойно продолжил есть, а приспешники спрятали глаза, склонившись над тарелками. Один из них, крохотный лысый старичок в пенсне, рассеянno царапал свой бокал бриллиантовым кольцом.

– Мэтр, пожалуйста... – поморщился Бельзедор. – Мне эти фузеры на свадьбу подарили.

– Простите, Властелин, – ответил приспешник, продолжая царапать.

Подали второе. Тушеное говяжье рагу с молодым карто-

фелем и черносливом. Его Плацента уже никуда не засовывал – просто смолотил и завертел носом в поисках добавки. Его ложка бесследно исчезла, и вместо нее он украл у Мектига вилку. Дармаг все равно пользовался только одним прибором, и не очень умело.

Потом принесли десерт – воздушную халву и фрукты. Полуобнаженные горничные разлили чай, управляющий заиграл на зловещем черном органе, который каким-то образом переместился из тронного зала в столовую.

Искателям Криабала раздали анкеты, чтобы они описали свои впечатления от темницы Цитадели Зла. Там было полтора десятка пунктов – питание, освещенность, жестокость тюремщиков, безнадежность, взламываемость, голодные муки и тому подобное. Дрекозиус любезно проставил везде низший балл, и только графа «пытки» получила оценку «удовлетворительно». Пытать их не пытали – скорее всего, просто не успели.

Остальные искатели анкет заполнять не стали. Полуграмотный Мектиг толком и не понял, что это такое, Плацента фыркнул, скомкал свою и бросил на пол, а Джиданна удостоила ее одним лишь взглядом и продолжила есть халву. Она обожала сладости.

– А как тебя зовут? – подергали ее за подол.

Волшебница повернулась и безразлично уставилась на девочку и мальчика лет шести-семи. Детей Джиданна терпеть не могла и каких-то других просто отогнала бы.

Но эти дети – не просто дети. Это дети лорда Бельзедора. Они тоже сидели за столом, со своими матерями, но им быстро прискучило, и они принялись путешествовать вокруг него, общаясь с приспешниками и отцовским котом. Тот с важным видом ел розовую мышь.

А потом дело дошло до гостей-пленников. И особенно детей Бельзедора заинтересовала Джиданна, потому что у нее была белка. Они зачарованно смотрели, как зверек точит монеты. Грызет серебро, как ореховые скорлупки.

– А она умеет плясать и петь? – спросила девочка.

– Умеет, – неохотно ответила Джиданна. – Но не любит.

– Почему?

– Просто.

– А имя у нее есть?

– Нету.

– Почему?

– А зачем оно ей?

– Ну а как ты к ней обращаешься?

– Никак. Она фамиллиар.

– Милые детушки, а как зовут вас самих? – влез в разговор Дрекозиус. – Скажите нам с тетушкой Джиданной, сделайте такую милость.

– Одезит, – сказал мальчик.

– Дарина, – сказала девочка.

– Ах, какие чудесные имена! – расплылся в улыбке жрец. – Сразу видно, что вы замечательные дети. А кто ваши папочка

и мамочка?

– Ты что тут к нам подлизываешься, жирный? – хмыкнул мальчик. Он выглядел постарше девочки. – Сам прекрасно знаешь, чьи мы дети. Я ему скажу, он тебя паргоронскими псами затравит.

Дрекозиус осекся и втянул голову в плечи. Маленький Одезит снова хмыкнул, с явным удовольствием стукнул жреца кулаком в плечо и убежал играть с сестрой.

– Какие испорченные отроки... – пробормотал Дрекозиус.

– Те еще бррык азурата, – скрипнул зубами Плацента. – Особенно девчонка. Она сгоблинила мои кукри, марах товиалли-товаэлли! Видели, видели?! Они у нее на поясе висят!

– Стихни, – произнес свое первое за день слово Мектиг. – У твоей белки правда нет имени?

Фраза была необычно длинной для дармага, и Джиданна взглянула на него с удивлением.

– Нету, – помедлив, ответила она. – Некоторые дают имена своим фамиллиарам, а многие создают их из ручных животных, у которых имя было и до возвышения... но вообще это не общепринято. Фамиллиар – автономная часть меня самой и одновременно колдовской инструмент. Как дополнительная рука на четырех лапках. Или волшебный жезл, покрытый шерстью. Ты же не даешь имен своим частям тела или оружию... хотя ладно, с оружием плохой пример.

Мектиг угрюмо засопел. У него снова отобрали оружие, а без топора на поясе он чувствовал себя почти голым. Без

верной... секиры, которой он действительно так и не дал имени. Просто не успел придумать.

Мектиг угрюмо засопел. Джиданна кисло скривилась. Плацента злобно ругнулся. И глядя на это царство уныния, Дрекозиус тяжело вздохнул.

– Дети мои, не сочтите за укор, не примите в обиду, но отчего вы всегда так мрачны и угрюмы? – горестно спросил он. – Не помню, чтобы хоть раз я видел на лице кого-то из вас самую обычную улыбку. Почему вы никогда не улыбаетесь?

– Улыбаться только тем людям, которым ты действительно рад – хорошая профилактика лицемерия и мимических морщин, – ответила Джиданна.

– Но ты же вообще никогда не улыбаешься, – фыркнул Плацента.

– Потому что среди вас нет людей, которым я действительно рада.

– Что, даже я?

– Даже... – Джиданна осеклась, сообразив, кто ее спрашивает.

Лорд Бельзедор. Темный Властелин подошел сзади и с живым интересом рассматривал искателей Криабала. Те притихли, не зная, чего от него ждать.

– Мое почтение, лорд Бельзедор, – слащаво улыбнулся Дрекозиус. – Примите, кстати, мое искреннее восхищение вашим полотном. Я и подумать не смел, что вы увлекаетесь живописью.

– Всегда нужно оставлять немного времени для хобби, – кивнул жрецу Темный Властелин. – Где мы окажемся, если из нашей жизни исчезнет искусство?

– О, безусловно, безусловно!.. – рассмеялся Дрекозиус, ощупывая Бельзедора колючим взглядом. – Так приятно видеть человека, открытого для творческих веяний!

– Человека?.. – чуть склонил голову Бельзедор. – Ну что ж. Надеюсь, вы сыты, потому что обед закончен, и нам с вами предстоит беседа. Со всеми семерыми.

Глава 6

Лахджа вышла через главный вход. Он всегда стоял нараспашку, потому что створы ворот не сумел бы сдвинуть и великан. Сколько в них, метров десять?... двенадцать?... Хальтрекарок ростом с обычного человека, но специально сотворил себе громадную дверь, чтобы иметь возможность войти со всем своим величием.

Господи, какой же он самодовольный позёр. Лахджа искренне поражалась его чувству собственной важности. Никто в мире, наверное, не мнит о себе так много, как ее муж и повелитель. Хотя кем бы он был, не получи отцовского наследства? Да никем!

Не так уж давно Лахджа стала супругой демолорда. Не так уж давно поселилась в его дворце. И уж совсем недавно стала демоном... впрочем, об этом она особо не жалела.

Быть демоном оказалось весело.

Когда-то Лахджа была человеком. Хальтрекарок похитил ее из родного мира... шесть лет минуло с тех пор. Большинство похищенных этим похотливым демолордом остаются самими собой, обретая лишь вечную молодость, но ей удалось продвинуться дальше. Она сумела заслужить доверие своего мужа и повелителя.

Стать избранной. Пройти перерождение в чреве Матери Демонов. Обрести парочку очень мощных Ме. И занять ме-

сто среди высшей знати Паргорона.

Не на самом верху, конечно. На самом верху демолорды. Мажоритарные акционеры Банка Душ, контролирующие пятьдесят один процент общего капитала.

А у Лахджи этих самых процентов ровно нисколько. Нет у нее счета в Банке Душ – она, как и остальные жены, приписана к счету Хальтрекарока. Совместное владение... хотя пользоваться она им может только как кредитной картой. Купить в Паргороне можно что угодно, а вот творить с его помощью чудеса – это нет. Такого Хальтрекарок своим женам не позволяет.

Всего в Паргороне пять сословий. Выше всех демолорды, их двадцать семь, ниже всех простодемоны, их сотни миллионов. Мелкие тварьки без особых способностей. Слуги, крестьяне и чернорабочие. Те же храки, харгаллы и Безликие. От смертных отличаются только тем, что не стареют.

Второе сословие – мещане. Средний класс, чиновники и военные. Храпоиды, развраги, чрепокожие, вехоты, а также зажиточные простодемоны. В Паргороне система кастово-видовая, но социальные лифты все-таки имеются, подняться повыше возможно.

Третье сословие – аристократы. Шесть высших демонических народов – гохерримы, гхьетшедарии, ларитры, кэ-миало, бушуки и кульминаты. Кроме того, к аристократам причисляются полукровки-вайли, первородные дети Мазекресс и те немногие из мещан, кому удалось добиться высоких по-

стов.

А четвертое сословие – титулованные аристократы. Их где-то сотни полторы. Бароны гхьетшедариев, банкиры бушуков, вексилларии гохерримов, Дамы ларитр и Великие Умы кэ-миало. Они подчиняются только демолордам и по силе уступают тоже только демолордам.

Официально Лахджа ни к какому сословию не принадлежит. Но жены-демоны демолордов приравнены к аристократам. А любимые жены – к титулованным аристократам. Моществом Лахджа примерно им и соответствует – баронам и вексиллариям.

Может, все-таки немного слабее.

И опыта у нее, конечно, тоже гораздо меньше.

Но он постепенно копится. Хальтрекарок то и дело гоняет ее по каким-то поручениям. Заставляет делать все то, что нельзя поручить мелкой прислуге, но при этом лень самому.

Однажды она две недели провела в океане, спасаясь от упорной группы демоноборцев. Попутно помогла одному морскому народцу и потопила пиратский корабль. Потом целый месяц болталась в Мертвой Земле, прислуживая личу, заключившему сделку с Хальтрекароком. И еще как-то раз три недели проработала уборщицей в чертоге бога смерти.

А вспомнить ту ее охоту на двурога!..

Вот и он, кстати. Легок на помине. Лахджа вошла в лабиринт и встретила взглядом с чудищем, похожим на двурогого коня. Злобного, плотоядного, очень агрессивного коня.

Паргоронский антипод единорога.

– Иди сюда, мой хороший!.. – протянула кусок колбасы Лахджа. – Ну иди!.. Иди ко мне!..

Двурог пристально посмотрел на колбасу. Фыркнул, выдохнув облако раскаленного пара. А потом резко развернулся и бросился наутек.

– Я что, все еще недостаточно хороша для тебя?! – завопила Лахджа, потрясая колбасой. – Ну погоди у меня!

В лабиринт демоница явилась, чтобы поискать улики. Она собиралась выяснить все об этих ворах, и начав решила с места, где те участвовали в крысиных бегах.

Знаменитого на весь Паргорон лабиринта Хальтрекарока.

Сейчас тут относительно безопасно. Сегодняшнее представление закончено, да и с лабиринтом оно связано не было. Постоянные обитатели остались на своих местах, но среди них нет способных навредить Лахдже.

Она взяла из архива кэ-миало воспоминание о тех крысиных бегах. Теперь оно крутилось у нее в голове, заново представало перед глазами. Все шоу Хальтрекарока запоминаются летающими мозгами досконально, в мельчайших деталях и подробностях. Сейчас Лахджа шагала как бы рядом с теми ворами – видела, как они избегают ловушек, как сражаются с чудищами.

Не было бы ничего сложного и в том, чтобы просто узнать, где они сейчас... если бы Лахджа знала их имена. Зная имя и хоть какую-то дополнительную информацию, можно отыс-

кать кого угодно. Но если имен нет... все очень резко усложняется. А Хальтрекарок никогда не утруждал себя анкетированием жертв.

Вот и приходится разматывать клубочек постепенно.

Всего на пять минут демоница отвлеклась, заметив тентаклевый куст. Опять пророс. Цепкое у них семя – чуть-чуть не уследишь, и сразу прорастает, начинает охотиться. Храки их выпалывают, но везде не успевают. А сам Хальтрекарок может просто пожелать, и все кусты на его территории исчезнут навсегда, но разве у него допросишься?

Лахджа иногда подозревала, что он сам их тут и развел.

Впрочем, это не самое опасное растение. По-своему даже милое. Лахдже всегда было немного жаль от них избавляться, но ничего не поделаешь.

Впрочем, этот растет в лабиринте. Среди других чудищ. Пожалуй, его можно оставить – если он поймает кого-то из игроков, то это даже придаст шоу дополнительную пикантность. При мысли об этом Лахджа почувствовала легкое возбуждение и улыбнулась кустику.

Пусть себе растет.

А про воров она в лабиринте ничего интересного не узнала. Да, здесь она могла слышать их разговоры, но они не говорили ни о чем важном. В основном препирались и костерили друг друга.

Хотя команда у них подобралась неплохая. Противоречивая, неуживчивая, но странным образом слаженная. Дар-

маг оказался редкого мастерства воином, полугоблин отличался удивительной проницательностью, волшебница для своего юного возраста очень неплохо колдовала, а жрец впечатлял остротой ума и убедительностью. Лахджа удивленно присвистнула, когда тот уговорил орка-конкурента оставить жизнь ему и убить другого конкурента. Одними только словами избавился от двух противников разом.

И они одолели нехедраха. Это не разумный демон, а только зверь, чудовище – но все равно очень опасное. Лахджа бы, конечно, расправилась с ним куда быстрее, но то она.

Убедившись, что в лабиринте улик нет, демоница вернулась во дворец. Выяснила, в какой камере держали тех четверых, и внимательно ее осмотрела. Жаль, времени прошло слишком много, харгаллы давно все починили. Теперь непонятно даже, как узникам удалось сбежать.

Зато понятно, куда они после этого направились. К сокровищнице. Возможно, поплутали по дороге – дворец-то у Хальтрекарока громадный, – но в итоге добрались, это уже известно.

Лахджа вызвала старших Безликих и велела бросить клич по слугам – кто видел этих четверых? Наверняка кто-нибудь видел – во дворце на каждом шагу челядь.

Храпоиды и развраги никого не видели. Но это Лахджу и не удивило – попадись вторженцы на глаза стражникам, их либо вернули бы за решетку, либо... либо стражников бы стало меньше. Как уж повезет.

А вот среди Безликих и харгаллов свидетели нашлись. Первые бесстрастно сообщили, что не получали указаний насчет этих существ, поэтому ничего и не делали. Вторые же рассказали, что видели их в зале бальных танцев, когда восстанавливали его после пожара.

Лахджа наведалась туда и с удовольствием убедилась, что зал блестит, как новенький. Словно и не был обуглен до головешек Князем Тьмы.

Демоницу аж передернуло, когда она вспомнила ту историю. Асмодей – любимый бро Хальтрекарока, но при этом редкий говнюк. Он вечно заявляется сюда тусить, ведет себя, как последний обрыган, домогается до всех, кого видит, и просто страдает херней.

В тот раз он показывал фокусы с адским пламенем. Ву-мерть набухался, встал посреди зала и радостно заревел: «Хотите узнать, что такое адский гейзер?!»

Все уже знали, что такое адский гейзер в исполнении Ас-модея, а потому бросились бежать, роняя кал. Кто-то даже застрял в дверях. Хальтрекарока рядом не оказалось, остановить ужравшегося Князя Тьмы оказалось некому, так что он успешно призвал адское пламя и одновременно адски пер-данул.

Огнетушитель эта скотина, конечно, не приготовила.

Потом, он, правда, показал еще и адский фонтан, так что от жара кристаллизовался не весь дворец, а только один зал. Но про это Лахдже вспоминать уже совсем не хотелось.

Так или иначе, вору ничего в этом зале не делали. Просто прошли мимо. Их видела парочка харгаллов, но и только-то.

Еще их видел один из дворцовых куржуев, но этого допрашивать бесполезно. Нет более ленивых и тупых существ, чем куржуи. Они как живые мусорные баки – просто лежат на одном месте и жрут все, что им приносят. Голодный куржуй становится смертельно опасным, но пока накормлен – хоть танцуй вокруг него, ничего не заметит.

Демоница пыталась расспрашивать всякую мелочь – шуков, газенят, паргоронских котят, – но уже совсем безрезультатно. Эти носятся по дворцу в невообразимом количестве и занимаются только тем, что болтаются под ногами.

Демолорду вроде Хальтрекарока вся эта челядь не нужна абсолютно. Они здесь только для антуража. Хальтрекароку нравится, что куча народа перед ним пресмыкается. Заглядывает в рот, осыпает комплиментами, смеется над его шутками. Вот и наполнил дворец приживалами и прихлебателями.

Платить им, конечно, ничего не платят, но работа непыльная, жизнь сытая, а служба престижная. Да и всегда есть шанс получить подачку, а то и пробиться на хлебную должность. Паргорон – это такое место, где выгоднее всего быть подле кого-то из демолордов.

Повторно осмотрев сокровищницу и ничего нового там не увидев, Лахджа пустилась дальше по следу. Тот, конечно, успел порядком остыть, но она точно знала еще по крайней

мере одно место, где воры побывали до того, как сбежать.

Зона отдыха. Пляж с развлечениями. Здесь она сама их видела – и, наверное, стоило остановить их еще тогда... но кто же мог знать?

Вообще-то, Лахджа не имела ничего против, когда пленникам Хальтрекарока удавалось бежать. Все-таки ее и саму приволокли сюда насильно. Она со временем притерпелась, нашла в этом свои плюсы и никуда уходить не собиралась... но другим жертвам все еще сочувствовала.

После демонизации – меньше, чем раньше, но тем не менее.

Тем более, что далеко не все после похищения получают бессмертие, демоническую силу, высокий статус и регулярный секс, как она. Большинство просто отдает концы на арене или в лабиринте. Ее мужа и повелителя прозвали Темным Балаганщиком – и это то, чем он занимается по жизни. Развлекает Паргорон своими шоу.

Вот она, зона отдыха. Лахджа остановилась у края воды, любясь набегающими волнами. Все-таки могущество демолордов впечатляет. Полное ощущение, что она на морском берегу, хотя это просто одна из дворцовых комнат. Вон двери, в крупных валунах по краям пляжа. За ними снова обычные коридоры.

Сейчас здесьлюдно. Самого Хальтрекарока нет, зато его жен – по крайней мере полсотни. Одни загорают, другие купаются, третьи катаются на байдарках и лопают вкусняш-

ки. Большую их часть когда-то похитили из отчего дома – и большая же часть теперь не уйдет, даже если будут гнать пинками. Хальтрекарок умеет привязывать к себе.

Ага. Вот здесь Лахджа с Сидзукой занимались гимнастикой, когда мимо пробежали те воры-беглецы.

И с ними еще был Совнар. Лахджа это точно помнила.

Она не стала говорить об этом Хальтрекароку, решив вначале побеседовать с самим Совнаром. Но он как в воду канул. Обычно этот бушук всегда крутится где-нибудь поблизости – его достаточно окликнуть, чтобы вышел откуда-нибудь из-за угла. Чаще всего – в облике рыжего кота.

Но сегодня... он явно от нее прячется. Значит, точно как-то связан с этой историей, а не просто случайно оказался в том же месте.

И можно, конечно, пойти и доложить мужу... но не стоит с этим торопиться. Совнар тот еще пройдоха, но Лахдже он по-своему нравился. Он уже не раз ее выручал – причем почти что бескорыстно. Это Совнар в свое время помог ей тут освоиться и овладеть демонической силой. И это Совнар однажды спас ее в одной очень серьезной передраге.

Так что она не собиралась портить с ним отношения, пока не выяснит, какое он имеет отношение к беглецам и украденной ими шкатулке.

К сожалению, в тот раз на пляже было не таклюдно. Только она сама, Сидзука и... да, Асмодей. Но старый черт ничего не видел, потому что дрых... да, вон в том месте. Там,

где лежит и сейчас.

Лахджа недоверчиво уставилась на Асмодея. Так уж совпало, что сегодня он снова здесь валяется. Облюбовал участок пляжа. Впору уже табличку ставить: «Зарезервировано для Асмодея, не занимать».

– Привет, Асмодей, – неохотно поздоровалась демоница.

– Привет, Лахджа! – оскалился Асмодей, прихлебывая пиво из бокала. – Хочешь выпить?

Лахджа на секунду задумалась, не лучше ли удрать подобру-поздорову. Асмодей производит впечатление нелепого жирного свинтуса, но по большому счету это просто прикраса. Многие демоны предпочитают носить маски. Прикидываться добренькими, слабенькими или глупенькими.

Им так проще охотиться. Проще собирать души.

Асмодей свою маску носит постоянно. Лахджа его в другом состоянии и не видела. Только иногда, очень-очень редко, под этим тупым пропитым мурлом проглядывает что-то... взгляд на долю секунды становится острым и внимательным...

– Ну что, по пивку? – снова предложил Князь Тьмы, опрокидывая в пасть бокал. Пива в нем не убывало. – Подь сюда, не ломайся.

– Ну даже не знаю, – насмешливо произнесла Лахджа, оставаясь на месте. – Это не ловушка, случайно?

– Не-е-е!.. – гыгыкнул Асмодей, колыхнув жирным пухом. – Какая это может быть ловушка? Разве что ловушка

любви!

– Скорее прелых складок и потных подмых, – покачала головой Лахджа.

– Зря ты так к этому относишься. Не знаешь, что теряешь. Демоница закатила глаза. Она еще и поэтому не любила общаться с Асмодеем. Он каждый раз пытается подкатывать к ней яйца.

Он вообще ко всем их подкатывает, но к ней – особенно упорно.

Это не очень-то приветствуется среди бугров – клеиться к чужим любимым женам. Но Хальтрекароку в целом похер, и Асмодей у него давний бро. Так что приходится отбиваться самой. Причем просто дать пинка невозможно – это Князь Тьмы, он Лахджу в блин может раскатать.

И прекрасно это знает... а что еще хуже, знает, что она это знает.

– В моем гареме как раз есть вакантное место, не интересно? – подмигнул Асмодей. – Мои женщины – самые счастливые женщины во всех мирах.

– Когда ты здесь, а не с ними?.. Ну возможно.

– Я сделаю вид, что не слышал этой неудачной попытки меня оскорбить, – помрачнел Асмодей. – А ты не отказывайся так сходу-то. Ты подумай.

– Мне лестно, конечно, но я не променяю красавчика-мужа на пенсионера с ослиными ушами, – сухо ответила Лахджа.

– У меня ослиные не только уши. Хе-хе-хе-хе.

– Так, все, я пошла. У меня дела, вообще-то.

– Твоя беда в том, что ты все время чем-то занята, – нравоучительно произнес демон. – Ты не умеешь расслабляться, Лахджа. Садись лучше ко мне на колени – и сразу забудешь о своих делах.

Лахджа пристально на него посмотрела. Она не очень понимала, почему Асмодей все время пристаёт именно к ней, когда вокруг столько других потаскушек.

Они все доступны. Более чем доступны – только помани.

Хотя именно в этом и дело, подумала Лахджа. Скорее всего, Асмодее в ней привлекает именно то, как мало она подвержена влиянию скверны. Для демоницы Лахджа невероятно добродетельна, если можно так выразиться.

А совращение добродетельных – его любимая тема.

Но Лахджа знала его натуру, так что с ней это не работало. И Асмодей это тоже знал, поэтому толком и не старался. Просто лениво клеился время от времени. Инстинкт у него срабатывал.

И когда Лахджа пошла к выходу, Асмодей сразу о ней забыл.

Изучить осталось немного. Скотный двор на четвертом этаже. Именно там держали вехота, которого те воры освободили и с помощью которого сбежали.

Найти что-то в его клетке Лахджа не надеялась. Ее давно вычистили и посадили нового зверя – шипастого обезьяно-

подобного карака. Тот жалобно подвывал и тряс решетку.

Зато Лахджа просмотрела записи старшего скотника. Этот грязный толстый храк представил демонице многостраничный талмуд, куда много лет от руки вписывал имена, родословные и привычки своих подопечных.

Про вехота запись была на диво подробная. Раньше-то он был одним из личных вехотов Хальтрекарока – тех, что приписаны к его дворцу и лабиринту. Развозил по домам пьяных гостей, иногда катал жен. Бывало, что и сам хозяин счастливил его своим присутствием, хотя гхьетшедариям транспорт обычно не нужен, они мгновенно переносятся куда пожелают.

Но этот Хальтрекарока иногда все же возил. Когда тому приходила блажь полетать над своими владениями, возлежав в роскошном ландо. Вехоты умеют превращаться в любой вид транспорта, какой только существует в этом или близлежащих мирах.

А еще Хальтрекарок любил поболтать со своим возницей. Вехоты – существа высокоинтеллектуальные и с широким кругозором. Они могут поддержать беседу практически на любую тему.

Жаль, что этот конкретный вехот не уловил момент, в который его мнение не сошлось с мнением хозяина. А злить демолорда всегда чревато неприятностями. Особенно если этот конкретный демолорд – избалованный деспот-самодур вроде Хальтрекарока. Ему разумное существо убить – что

листок с дерева сорвать.

Вехота он, правда, не убил, но исключительно потому, что тот разозлил его особенно сильно. Хальтрекарок сбрил ему гриву, чтобы не сбежал, и заковал в цепи. Решил поизмыться подольше... но потом просто забыл о нем.

У Хальтрекарока вообще память, как у золотой рыбки.

Так или иначе, вору вехота освободили. Разбили цепи... скорее всего, секирой Рузульвета. Демоница уже выяснила через сеть кэ-миало, что эта секира – помнящий артефакт, принадлежавший древнему титану Рузульвету. В общем-то, ничего особенного, но обладает одним полезным свойством – повышенным уроном клеткам, цепям, замкам и прочим запорам. Рузульвет был слегка повернут на теме освобождения узников.

И это значит, что вору все-таки действовали не наобум. Они точно знали, куда идут и что делают. Золотишко и прочую ерунду, наверное, прихватили просто так, насовали в карманы по дороге... а вот секиру взяли целенаправленно.

Или же им просто повезло. На самом деле элемент случайности тоже не стоит отбрасывать – многие важные события происходят просто потому, что какая-нибудь дура разлила масло.

Так или иначе, даже демонические цепи перед этой рубилкой не устояли, и вору сбежали с вехотой и шкатулкой. Где их теперь искать – непонятно.

Немного подумав, Лахджа спросила, кто брил вехоту гри-

ву и где его шерсть. Оказалось, что старший скотник и брил, а шерсть сберег, ожидая дальнейших указаний. Шерсть с гривы вехота – ингредиент ценный, какие-нибудь колдуны заплатили бы золотом по весу.

Но Хальтрекарок на подобную мелочевку плевать хотел, и шерсть несколько месяцев просто лежала в коробке среди прочего хлама. Немного сопрела, но ничего критичного. Лахджа взяла прядь погуще, потерла ее между пальцев, рассмотрела как следует ауру.

Интересно, чем она пахнет? Лицо демоницы резко вытянулось, превращаясь в морду гончего пса. Обоняние сразу же обострилось, мир наполнился запахами. Она принялась к шерсти, но все, что смогла сказать – след давно простыл. Даже если вехот все еще в Паргороне... хотя самостоятельно он его покинуть и не может. Без гривы-то.

Нет, так не получится. Эфирная нить стала слишком размытой и не читается. Не хватает на это способностей Лахджи. Нет среди ее Ме ничего подходящего.

Значит, нужно новое. Поисковое.

Речь о его драгоценной шкатулке, так что Хальтрекарок вряд ли откажет.

Глава 7

Мектиг стиснул рукоять секиры. Никто бы не сказал этого по угрюмому дармагу, но внутри у него все запело. Да, это не верная Крушила, которой он сражался большую часть жизни, но тоже добрый и надежный топор.

– Если не ошибаюсь, это секира Рузульвета, – пристально посмотрел на нее Бельзедор. – Любопытно. Она считалась утраченной еще в эпоху Ледника.

– Секира Рузульвета?.. – переспросил Мектиг. – Ты ее знаешь?

– Встречал упоминание в каталоге потерянных артефактов. Неплохое оружие.

Когда дармагу вернули его топор, Джиданна и Дрекозиус немного расслабились. Кажется, Темный Властелин и в самом деле не собирается их убивать.

Плацента, это увидев, тоже перестал бояться и моментально обнаглел. В нем каким-то образом сочетались жуткая трусость и абсолютное бесстрашие, причем переходил он из одного состояния в другое с невероятной легкостью.

– У меня тоже оружие забрали! – дерзко заявил он. – Кудесные кукри! Верните их, тля!

– Кукри?.. – повернулся к начальнику оружейной Бельзедор. – Были?..

– Нет, Властелин, – развел руками тот. – У этой коман-

ды изъяли только секиру и пять ножей. Один боевой, один складной, один сапожный, один канцелярский и один тычковый. Кукри не было.

Ножи лежали тут же на столе. Мектиг сунул за голенище сапожный, Джиданна забрала канцелярский, Плацента сгреб остальные. Но он все еще не собирался сдаваться.

– У меня были еще и кукри, тля! – процедил он. – Я отдал их твоему блеваному отпрыску!.. ярыть!..

Бельзедор одарил Плаценту спокойным взглядом, и тот невольно присел. Его как будто придавило к полу чем-то невидимым.

– Я не стану отнимать игрушку у своей дочери, – мягко произнес Темный Властелин. – Но чтобы ты не считал себя обделенным, полугоблин, я возмещу ущерб. Можешь выбрать любое оружие взамен утраченного.

Плацента сразу воспрянул духом. Уже считавший себя покойником из-за пары неосторожных слов, он восторженно забегал по оружейной, разглядывая полки и витрины.

Ох, сколько же прелестных штучек оказалось у лорда Бельзедора! Плаценту разрывало на части – так хотелось прикарманить все без исключения! Но надо было выбрать что-то одно, и полугоблин трясся от возбуждения.

Радужный хозяин, Бельзедор предложил не стесняться и остальным. Разрешил каждому взять что-нибудь для самозащиты – но больше никто предложением не воспользовался. Мектигу более чем хватало возвращенной секиры, Им-

рата предпочитала сражаться голыми руками, а волшебники и клирики предпочитали разрешать конфликты иными способами.

Зато уж Плацента оторвался. Бродил и бродил вдоль бесконечных рядов мечей, топоров, палиц, копий, кнутов, луков, арбалетов, жахателей...

В конце концов он завис у витрины с гоблинским оружием. Оно всегда нравилось Плаценте больше человеческого. Более легкое, более удобное, более изящное. Посмотрите хоть на этот черенок от лопаты – настоящее произведение искусства, лучшее оружие для гоблинского воина.

Но потом его внимание привлек изумительной работы двуручный кинжал – и Плацента почувствовал, что это любовь с первого взгляда. Он словно видел самого себя, воплощенного в форме оружия. Острого металлического полугоблина.

Есть клинки-бастарды. Полуторные мечи, которые можно держать как одной рукой, так и двумя. А есть клинки-ублюдки. Странные, нестандартные, неудобные на первый взгляд штуковины, которые однако тоже находят своих поклонников.

Двуручный кинжал – классический пример. Уродливый отпрыск, внебрачное дитя обычного кинжала и копья. Он неудобен в качестве кинжала, потому что держать нужно двумя руками. Неудобен и в качестве копья, потому что рукоять слишком короткая. Это очень специфическое оружие

и сражаться им нужно очень специфическим образом.

Но гоблины его обожают. При их телосложении и манере двигаться двуручный кинжал – отличный выбор. Плацента, конечно, полугоблин, но тоже прекрасно умел управляться с этим клинком-ублюдком.

У него был такой в юности – только потом сломался, оставив половину в туше жирного стражника. А найти новый в убогом городишке Пайнк так и не удалось.

Пока полугоблин определялся с выбором, Бельзедор обратился к отцу Дрекозиусу с необычной просьбой – уснуть.

– Вы просите меня... уснуть? – недоуменно переспросил жрец. – Правильно ли я понял вас, Властелин?

– Какие-то проблемы? – внимательно посмотрел Бельзедор. – Мне известно, что у вас есть Сущность Спящего Человека, святой отец. Можете прилечь вот на эту кушетку.

– Но... я... о, кажется, я понимаю, – запнувшись на секунду, промолвил Дрекозиус. – Вам известно о моем... особенном навыке.

– Если вы хотели его скрыть, вам не следовало упоминать о нем в моей темнице. Отныне, с этого дня, с этого момента, вы будете докладывать мне обо всех перемещениях Криабалов. Если Антикатисто заполучит еще какой-нибудь из них – вы немедленно об этом сообщите. И проверить желательно прямо сейчас.

Дрекозиус чуть растерянно улыбнулся и послушно прилег на кушетку. Обращаться со своей Сущностью он вполне на-

учился, так что уже через несколько секунд крепко спал.

– Разрешите спросить, – подал голос брат Массено. – Сколько было у вас Криабалов... кхм... Бельзедор?

– Пять, – спокойно ответил злой лорд, не прокомментировав пропущенный титул. – Я похитил Синий, Красный, Серый и Бурый. Что же до Белого, то он сам упал мне в руки.

– А у Антикати́сто был Черный... значит... осталось всего два?..

– Да. Зеленый – у владычицы Галлерии, и Рванный – неизвестно где.

– И что будет, если Антикати́сто соберет все?

– Возможно, у этого мира появится новый Темный Властелин, – пожал плечами Бельзедор.

По спинам собравшихся пробежал холодок. Всем вдруг стало понятно, почему владыка Империи Зла переменял свое к ним отношение. Под ним шатается трон.

А особенно спал с лица Танзен. Он уже пытался прозеркалить в Кустодиан, сообщить новости Сарразену, но его дальнoзеркало отказывалось работать в Цитадели Зла.

А прозеркалить нужно срочно. Потому что если Антикати́сто скинет Бельзедора и воцарится вместо него – то это еще полбеда. Куда хуже то, что он явно не оставит поиски Апофеоза. Возможно, уже нашел и Криабал ему нужен только, чтобы его отремонтировать.

А единственный способ применить Апофеоз – накрыть мир чакровзрывающим полем. Убить всех волшебников. Ни

для чего другого он не пригоден.

– Вы хорошо изучили Криабалы, лорд Бельзедор? – осведомился Танзен.

– Смею надеяться, что кое-что о них я знаю, – уклончиво ответил Темный Властелин. – Вас интересует что-то конкретное, мэтр?

– То, что вы с ними проделали. Как вы превратили Белый Криабал в световой клинок, а остальные – в энергетические спирали?

– Полагаю, Кустодиану это было бы очень интересно, – согласился Бельзедор. – Но я не тот, кто удовлетворит ваше любопытство. Скажу лишь, что Криабалы – не то, чем вы их считаете, мэтр. Книга заклинаний – просто видимая оболочка.

– Это мы подозревали всегда, – ответил Танзен. – Обычные книги заклинаний так не работают. Тем более, что у Криабалов есть и собственные свойства.

– Есть. Белый Криабал исцеляет одним прикосновением. Черный защищает от нечистой силы. Серый заставляет повиноваться нежить. Синий позволяет дышать под водой. Но это все – тоже не главное. Не более чем мелкие побочные эффекты.

– А главное, я предположу... это то, что я видел? Чистая магическая энергия?

– Также не совсем. Впрочем, я бы не хотел лишать Мистерию радости сделать открытие самостоятельно...

– Простите, что прерываю, но отец Дрекозиус и должен так метаться? – перебил Массено.

Толстый жрец в самом деле спал очень беспокойно. На его лице выступила испарина, рот приоткрылся, а правая нога мелко тряслась.

И неудивительно. Дрекозиус видел настоящий кошмар.

Он уже был здесь в одном из прежних снов. Эльфийском городе-саде... только не том же самом, в котором случилась битва меж эльфами и хримтурсами. Другом, в совсем иной области. Но здесь тоже росли чудесные деревья, в воздухе разливалось волшебство, а над всем этим возвышался исполинский клен с человеческим лицом. Древний дух-хранитель Тирнаглиаля.

Словно со стороны Дрекозиус взирал на прекрасную Галлерию Лискардерасс, доброго волшебника Медариэна и каких-то отроков, детей лет десяти. У них был Зеленый Криабал... и за ним явился Антикатиство.

Кажется, иноки ордена Солнца все же сумели ему навредить. Чудовище двигалось медленней, чем прежде. Короче были его щупальца Тьмы. Медариэн поднялся в воздух, перенесся к этой чернильной туче... и все утонуло в яркой вспышке. Даже во сне Дрекозиус почувствовал боль в глазах.

Из-за этого он проморгал исчезновение отроков. Видно, владычица Галлерия отправила их в безопасное место. Но жрецу и не было до них дела – куда сильнее его занимала битва Света и Тьмы, великого добра с великим злом, Меда-

риэна и Антикатиство... жаль, ее не удавалось рассмотреть. Дрекозиус не мог управлять своими снами – в центре внимания всегда были Криабалы.

А Зеленый Криабал покинул арену вместе с Галлери-ей. Эльфийская владычица исполняла просьбу Медариэна – спасала волшебную книгу. Меж ней и быющими волшебниками встал гигантский леший – он вытянул из земли ноги-корни и распахнул исполинскую крону.

Галлерия созывала помощь. Воздух, вода, почва – все испускало струящиеся волны. Потом волшебница хлопнула в ладоши – и во все стороны разнесся гудящий звук. Облака в поднебесье стали менять форму, там появились знаки и письмена.

Галлерия трубила общий сбор.

Огромный зеленый олень выпрыгнул из-под земли. Эльфийская владычица взлетела ему на спину, и чудесный зверь помчался прочь – все дальше и дальше от Медариэна и Антикатиство.

Гигантский леший шагал за ней. Он полнеба уже закрыл разрастающимися ветвями. С его листьев срывались искрящиеся капли – то в небо поднимались природные духи. Бесчисленные крошки-нимфы.

Другие деревья тоже оживали. Галлерия скакала через редколесье, отнюдь не чащобу, но древних стволов и тут было порядочно. И всякий выкапывался из земли, едва владычица проносилась мимо. Воздух наполнялся зеленой дым-

кой.

Появились на сцене и прямые Галлерии подданные – эльфы. Целый отряд их уже скакал параллельно владычице на черных и белых конях. Они двигались в таком идеальном порядке, словно были не живыми существами, а шахматными фигурками.

Но им наперерез уже устремился другой отряд. Невесть откуда взявшиеся рыцари в корониевой броне. Антимаги. Явные союзники Антикатисто, они врубались в ряды эльфов, выбивая их из седел шестами, швыряя тяжелые болас. У некоторых были длинные жакатели – раскаленное железо просто сносило всадников вместе с лошадьми.

И с ними были еще какие-то твари. Жуткие создания, похожие на гигантских мокриц, изгибающихся кверху. Дрекозиус никогда таких не видел. То ли боевые звери, то ли неведомые разумные индивиды, они набрасывались на эльфов со всех сторон.

Галлерия призывала все новых духов. Воплощаясь в плоть, они обретались в тварном мире – причудливые, диковинные создания. Но антимаги обступали волшебницу все плотнее, среди них мелькали магистры и даже гроссмейстеры. Одним своим присутствием они мешали колдовать, одними взглядами разрушали чары.

Бесстрашные эльфы-стражи завязли среди гигантских мокриц. Нашпиговывали их стрелами и полосовали мифриловыми клинками – однако тех словно не убывало. По земле

пробежала трещина, и из нее повалили новые твари.

А потом из одной особо крупной выплеснулась магма. Взметнулась в небо фонтаном, обрела устойчивые очертания и сформировала магматика – колоссальных размеров элементаля. Всем чудовищам чудовище, он врезался в гигантского лешего, и тот страшно затрещал. Ветви объяло пламя, громадное дерево превратилось в живой факел.

И за первым магматиком вылезло еще двое. Лешему пришлось действительно худо.

Но и эльфам приходилось несладко. И самой Галлерии. Ее создания уже почти не могли защитить хозяйку – антимаги прекрасно умели противостоять и чародеям-призывателям. Их магистры глушили контроль, разрушали эфирные связи – и рыцари подступали все ближе.

И когда они зажали Галлерию в тиски, то расступились. Из их рядов выехала огромная повозка, влекомая ревущим бегемотом. Правил ею не кто-нибудь, а гроссмейстер антимагии – и еще двое сидели по бокам.

Сверля эльфийскую владычицу тройным взглядом, они сделали ее слабой, как котенок. Заблокировали волшебные способности. Всего лишь антимаг-послушник подошел к Галлерии и вырвал из рук Зеленый Крибал...

На этом месте Дрекозиус проснулся. Уселся на кушетке и горестно ахнул:

– Дети мои, Зеленый Крибал тоже пропал для нас! И эльфийская владычица, боюсь, обречена!

Бельзедор нахмурился. Стоявший в это время в другом конце оружейной, он одним движением перенесся к кушетке и коротко бросил:

– Где они?

Дрекозиус растерянно развел руками. Во сне он понимал лишь, что это Тирнаглиаль... но Тирнаглиаль огромен! Размером он не уступает Империи Зла, весь покрыт лесами и населен десятками миллионов эльфов!

Ладно бы еще Дрекозиус увидел во сне определенный город или еще что-нибудь приметное...

Хотя кое-что там все-таки было! Гигантский леший! О нем, сбиваясь и волнуясь, жрец и поведал Темному Властелину.

Тому этого хватило. Он прищелкнул пальцами и произнес:

– Господин управляющий, портал мне.

– Уже наводим, Властелин!

Все происходило с умопомрачительной скоростью. От универсального портала Бриарогена в мгновение ока отогнали обычных путешественников, и служители направили его на черный приусад, где растет верховный леший Тирнаглиаля. Его местонахождение хранится в секрете, но не для Темного Властелина.

Агенты Зла выведали его давным-давно.

Бельзедор отправился лично. Не тратя времени на сборы, цenia каждую секунду, он исчез в портале – и оказался за ты-

сячи вспашек от Цитадели Зла, на совсем другом континенте.

С одной стороны все утонуло в хаосе. Там бушевало грозовое облако, из сердца которого полыхали слепящие молнии. Кружились хороводом песчинки, разрывающие на части воздух. Вспухали вакуумные сферы.

Бельзедор уже видел подобное буйство стихий. Так сражается Медариэн. Профессор Спектуцерна и Ингредиора, великий ясновидец и телекинетик. Сейчас он бросил всю свою мощь против Антикатиство – и, кажется, проигрывал. Но у них бой честный, один на один, и если Медариэн падет... что же, у Бельзедора станет на одного заклятого врага меньше.

Потому Темный Властелин рванулся в противоположную сторону. Сокрушил огромную стену, зачем-то выстроенную посреди ровного поля, и разметал толпу йоркзериев, шарахнув парой невидимых кос. Сотни инсектоидов попадали разваленными надвое.

Так же походя Бельзедор уничтожил громадного магматика – и сразу же второго. Сейчас он не тратил время на ритуалы, на расшаркивания. Не соблюдал обычных своих правил.

Просто неся живой бурей и убивал.

Сзади зашумел листвой лесий. С гибелью двух магматиков из трех ему сразу стало легче. Его крону объяло пламя, но могучий гигант жил в этих лесах тысячелетиями и перенес десятки лесных пожаров. Схватив руками-ветвями последнего элементаля, он повалил его наземь и принялся топ-

тать корнями.

А Бельзедор расшвыривал антимагов. Колдовство не действовало рядом с такой массой корония, но не только колдовством владел Темный Властелин. Он бил рыцарей просто силой воли, глушил их голым взглядом, расшвыривал ударными волнами. Кнут Верберус удлинился настолько, что мог опоясать большой дом – и Бельзедор превращал им людей в кучки пепла.

Когда он достиг Галлерии, та была еще жива. Ее подавляли сразу три гроссмейстера, но эльфийская владычица честно заслужила премию Бриара. Даже так, даже теперь она держалась, хотя и из последних сил. Ее последние духи осаждали антимагов, отвлекали их и дергали со всех сторон.

Стоило одному ослабить напор, как Галлерия тут же хлестала чарами. Оживляла землю под ногами, закруживала ветер в воздушных элементах. Меркнувшим взглядом искала того послушника, что забрал Зеленый Криабал, пыталась бросить в погоню духов. Подняла громадного скального элемента – тот схватил рыцаря-антимага и раздавил в кровавую кашу...

А потом один из гроссмейстеров сдернул с повозки покрывало. Под ним оказался странный предмет, похожий на усеченный конус, увенчанный кольцом шариков. Пока два его собрата удерживали Галлерию, третий возложил руки на макушку артефакта...

Эльфийская владычица закричала и упала набок. Все ее

тело пронзило болью, а чакры страшно запульсировали. Она поняла, что сейчас умрет... и тут все прекратилось.

Каменный конус разлетелся на осколки. Разнесший вдребзги и его, и повозку, Бельзедор спокойно схватил двух гроссмейстеров за шеи... и оторвал им головы. Третий, сидевший на загривке бегемота, тонко вскрикнул, хлестнул поводьями – и зверь с ревом побежал прочь. Гроссмейстер с ужасом обернул к Бельзедору лицо, покрытое ожогами.

Но Бельзедор не стал его преследовать. Он внимательно смотрел на обломки конуса. Подняв один из них, Темный Властелин задумчиво произнес:

– Чакровзрыватель. Как интересно.

От находки его отвлек слабый стон. Бельзедор повернулся, поднял бесчувственную Галлерию, окинул взглядом все еще бьющихся с йоркзериями эльфов и произнес:

– Господин управляющий, откройте портал.

Глава 8

Своего мужа и повелителя Лахджа услышала издали. Его раскатистый смех, его горделивые возгласы. И многоголосое женское воркование, всегда окружающее Хальтрекарока.

Темный Балаганщик нежился в бане. Возлежал в облаке пара, в мелком бассейне с горячей водой. Одна супруга разминала его мускулистые плечи, другая охаживала грудь листовым опахалом, третья чесала пятки, а четвертая громко стонала, подпрыгивая на...

– Привет, Киша, – поздоровалась Лахджа.

– При!... ве-е!... – неразборчиво выдохнула Киша.

– Прекрасно, наши ряды пополнились, – улыбнулся Хальтрекарок. – Присаживайся ко мне, Лахджа. Я одарю тебя следующей.

В его руке возник бокал вина. Второй возник у Лахджи, и она машинально выпила. Белое. Опять. Она ненавидит белое, и тысячу раз говорила об этом Хальтрекароку, но он каким-то образом запомнил это наоборот.

– Твое любимое, верно? – самодовольно ухмыльнулся демолорд.

– Почти. Спасибо за вино, мой муж и повелитель, но я здесь немного для другого, если позволишь.

– Ну естественно ты здесь для другого, – скинул Кишу в воду Хальтрекарок. – И я дам тебе это.

Лахджа на секунду задумалась, но потом решила, что не настолько она торопится. В конце концов, это ей разве нужна украденная шкатулка? Это Хальтрекароку она нужна.

Зачем она пришла, демоница заговорила уже после. Когда на лице мужа расплылась широченная улыбка, она аккуратно слезла, и Хальтрекарок тут же пригнул к промежности головку одной из новеньких жен, миловидной эльфиечки. Судя по некоторым деталям – уже отчасти трансформированной под вкусы господина.

– Надеюсь, не слишком отвлеку, если попрошу об одном подарке? – деликатно спросила Лахджа.

– Конечно, моя дорогая, – ответил Хальтрекарок. – Только теперь придется немного подождать. Выпей пока еще вина, твоя очередь скоро наступит.

– Я не о том. Твой член великолепен, мой муж и повелитель, но он не поможет мне в поисках похищенного.

– Похищенного?.. – нахмурился Хальтрекарок. – О чем ты?

– Твоя шкатулка. Та, которую украли. Мы все еще о ней помним? – осведомилась Лахджа.

– Ах, эта шкатулка!.. – спохватился Хальтрекарок. – Да-да, я помню... а ты что, все еще ее не нашла?! Я же поручил тебе ее вернуть! Ты все еще этого не сделала?! Почему ты медлишь?!

– Уже лечу, мой дорогой и любимый, – заверила его Лахджа. – Уже лечу на крыльях любви. Только ты уж будь

так добр, помоги мне немного. Сделай мне одно малюсенькое-малипусенькое Ме.

– О Древнейший, Лахджа, как же ты меня иногда утомляешь, – простонал Хальтрекарок. – Тебе что, мало того, что я тебе уже дал? Ты что, не можешь справиться без моей помощи? Древнейший, я окружен бездарностями...

– Господин мой, так почему бы тебе самому просто не разыскать свою собственность? – подпустила яду в голос Лахджа. – Ты же почти всемогущ! Тебе это сделать будет гораздо проще, чем мне!

– Конечно, проще.

– Так в чем дело? Разве ты не чувствуешь гнева, что тебя обокрали?!

– Чувствую, конечно! Но лень я тоже чувствую!

– Но...

– Убирайся! Даже не заикайся ни о чем – просто верни мою шкатулку, и побыстрее!

Лахджа окинула мужа ледяным взглядом. Посмотрела на стоящее подле его локтя блюдо со сладостями. Резко расширила рот, отрастила бутон зубов, вытянула удлинившуюся шею и сожрала сладости одним глотком, вместе с блюдом.

Потом демонстративно развернулась и вышла.

Ох уж этот Хальтрекарок. Типичный гхьетшедарий. Только удовольствия, больше ничто его не волнует. Если ему хотя бы намекнуть, что надо чуточку потрудиться, сделать что-нибудь, лично ему скучное или неприятное, как он сразу

приходит в бешенство.

С этими демонами очень тяжело иметь дело.

И ведь он, скорее всего, даже не понял ее жеста. Решил, что она просто захотела сладостей.

Ну что ж, придется справляться самой. Возможно, что-то найдется в ее сундучке с мелочами. Там много пустячков, накопленных за пять лет. Большая часть – просто сувениры, подобранные тут и там, но есть и очень полезные приبلуды.

Но ничего полезного Лахджа в сундучке не нашла. И даже сам сундучок не нашла. Обычно он стоял на третьей полке, между томиком Честертона и хрустальным фаллоимитатором, но сегодня словно отрастил ножки и сбежал.

– Си, ты не видела мой сундучок?.. – окликнула она. – Си, ты дома?..

Никто не ответил. С Хальтрекароком Лахджа Сидзуку тоже не видела. Пошла поесть?.. погулять?.. или пытается подружиться с кем-то из новеньких?..

Но больше сундучок взять некому. Хальтрекароку барахло жен даром не нужно, Совнара там тоже вряд ли что могло заинтересовать, а никто другой в их покой войти не мог. Гаремные жены живут попарно, у каждой пары свой покой, и он только для них двоих.

И не такие уж эти покои и просторные. Уютные – да. Комфортные – да. Прямо-таки задыхающиеся от роскоши – пожалуй. Но места не так уж много. Гарем занимает одну из основных башен, и в нем ровно сто покоев. И жен у Хальтре-

карока когда-то было ровно сто. Но в один прекрасный день он решил, что этого недостаточно, и удвоил их количество.

А количество комнат не удвоил. Слишком тщательно в свое время свернул тут пространство – чтобы это изменить, пришлось бы перестраивать весь дворец. А Хальтрекарок – удивительный лодырь.

Вот и живут с тех пор его жены парами. Лахджа – с Сидзукой. Хальтрекарок похитил ее из того же мира, что и Лахджу, только на несколько лет раньше. И прижилась она в Парггорне даже лучше, чем сама Лахджа, хотя в демоницу ее так и не превратили.

Просто немного... видоизменили.

И отношения у них в общем теплые. Соседки все-таки. Из одного мира, хоть и с противоположных его концов. Лахджа считала Сидзуку ближайшей подругой, а потому прощала ей и непосредственность, и сексуальные домогательства, и приступы kleptomanii.

Прощала. Но не доверяла ни на грош. Если кто и спер сундучок, то точно она. Возможно, имеет смысл заглянуть в ее личный погребок...

Но прежде, чем Лахджа к нему шагнула, крышка распахнулась сама – и оттуда выбралась Сидзука. Ослепительно красивая, с двумя тонкими косичками и очень фигуристая, как все жены Хальтрекарока. При виде соседки она вздрогнула, но тут же расплылась в улыбке.

– Сидзука, мы должны с тобой серьезно поговорить, – ска-

зала демоница.

- Опять? – вздохнула соседка. – Вчера же говорили.
- Опять. Потому что ты опять стянула мою вещь.
- Неправда, это не я, – очень быстро ответила Сидзука.
- Точно?.. А можно посмотреть в твоём погребке?
- Нет там ничего, – загородила люк Сидзука.

Лахджа пристально на нее уставилась. На самом деле она ни разу еще не была в погребке соседки. Даже не знала точно, какого он размера и что там лежит.

Жены Хальтрекарока быстро обрастают всяким барахлом – муж у них щедрый и рассыпает подарки горстями. Да и к его счету в Банке Душ у всех доступ свободный, так что многие увлекаются шопингом.

А Сидзука – жуткая скопидомка. Тащит все, что привлекает ее сорочий взгляд. Еще до появления здесь Лахджи она обзавелась личной пространственной складкой – и один только бог знает, сколько сокровищ там накопилось.

К Хальтрекароку-то она попала совсем юной девушкой, студенткой первого курса. Спокойно мылась под душем, закрыла глаза... и почувствовала чье-то прикосновение к ягодице. Открыла глаза – а перед ней Хальтрекарок. Голый.

Он всегда голый. Как и все гхьетшедарии.

Сидзука по секрету рассказывала Лахдже, что поначалу очень испугалась голого мускулистого гайдзина. Приняла за взломщика или насильника. Но потом оказалось, что все не так ужасно, это просто влюбившийся в нее ёкай.

Оправившись от шока, она удивительно быстро приняла изменения в своей судьбе и освоилась в Паргороне. Здесь сразу начала проталкиваться наверх, и сейчас входит в десятку любимых жен. Даже пятерку, пожалуй.

– Сидзука, я люблю тебя, но ты меня бесишь. Верни мой сундучок, – по-хорошему попросила Лахджа. – По-хорошему прошу.

Соседка пару секунд молчала, явно размышляя, что бы такое соврать. Но потом поняла, что спалилась, вздохнула и полезла обратно в погребок.

– Я просто думала, что ты уже ушла на это свое расследование, и тебя долго не будет, а там ты еще и помрешь, может быть, потому что командировка опасная, – приглушенно оправдывалась она из погребка. – А вещи пропадут, а ты бы хотела, чтобы они достались мне, потому что я твоя лучшая подруга.

– Не, я бы их лучше на благотворительность отдала, – возразила Лахджа.

Сундучок, который Сидзука неохотно вернула, стал менее увесистым. Возможно, конечно, Лахдже это просто показалось – после демонизации у нее не всегда получалось правильно определять вес. Что тяжелее – эта гирия или этот арбуз?.. Черт его знает, они ощущаются одинаково легкими.

Но вроде бы ничего не пропало. Даже подозрительно. Наверное, хитрая Сидзука сперла именно те сокровища, о которых Лахджа забыла.

Хотя какие тут сокровища, ладно уж. Пустячки разные. Набор гадальных карт, золотой жетон, жемчужный панделок и прочие памятные сувениры. Фибула от плаща путешествий, только сам плащ потерялся. Бонбоньерка с зельем бушуков, которое вообще-то стоит вылить. Полупустая бутылка языкового эликсира. Дыхатель, зачем-то подаренный Морским Епископом и с тех пор лежащий без дела.

Нет, ничего полезного.

– Си, а у тебя нету чего-нибудь отслеживающего? – показала прядь волос Лахджа. – Мне нужно разыскать одного вехота.

– Если бы и было, я бы не дала. Ты же наверняка не вернешь.

– Сидзука... не все в этом доме такие сороки, как ты. Что у тебя есть? Давай-давай, выкладывай.

Соседка снова вздохнула и неохотно достала из погребка почти новый аурометр, блестящий поисковой кристалл и совсем немного потрепанную Книгу Тайн.

– А, вспомнила, что у меня пропало, – спокойно сказала Лахджа. – Аурометр.

– Он тебе все равно не нужен был, – напомнила Сидзука. – Не пользуешься сама, дай попользоваться людям.

Лахджа не стала спорить. Аурометр ей и в самом деле не нужен – он не показывает ничего такого, чего она не видела бы просто глазами. Поэтому, собственно, демоница и хранила его в сундучке с барахлом, поэтому и забыла о том, что

он вообще у нее есть.

Поисковой кристалл – штука более полезная. С его помощью можно очень здорово находить пропавшие вещи и людей.

Но не демонов, к сожалению. Лахджа для проверки коснулась им шерсти вехота – никакого эффекта. Нужно средство посильнее.

Книга Тайн – именно такое средство. Лахджа могла только гадать, у кого Сидзука ее стянула. Если уметь Книгой Тайн пользоваться, можно узнать практически что угодно.

Но это если уметь пользоваться. А Лахджа не умеет. И садиться прямо сейчас за учебу – решение сомнительное. Хальтрекарок обычно не вспоминает о своих поручениях, пока жена не является с отчетом, но вдруг у него именно в этот раз случится приступ хорошей памяти?

– Си, а ты Книгой Тайн пользоваться умеешь? – на всякий случай спросила Лахджа.

– Не-а. Я ее придерживала, чтобы загнать подороже.

– А больше у тебя ничего нет?

– У меня не ломбард, – сухо ответила Сидзука.

– Ладно. А у кого есть, не знаешь? Мне бы совсем малюсенькое Ме, а Хальтрекарок говняется.

– А ты к брату его сходи, – предложила Сидзука. – Он же к тебе неровно дышит.

– О! – оживилась Лахджа. – А это мысль!

– Удачки, – кивнула Сидзука, забирая аурометр, поиско-

вой кристалл и Книгу Тайн. А судя по взглядам, которые она бросала на сундучок с мелочами, он тоже исчезнет в погребке, как только Лахджа выйдет за порог.

Ну да и бог с ним. Все равно там нет ничего ценного. Лахджа не любила обрастать барахлом, предпочитая прирастать способностями. Ме гораздо удобнее – их не украдешь и не потеряешь, они всегда с тобой, не занимают места в карманах и в любой момент готовы помочь.

За пять лет в женах Хальтрекарока Лахджа обзавелась аж одиннадцатью Ме разной степени полезности. Призыв Дождя, Землевладелец, Защита Разума, Зов Еды, Электрошок, Пятиминутная Копия, Закрытие Портала, Ядовитые Пчелы, Создание Ложки, а самые главные и мощные – Регенерация и Метаморфизм.

Эти два последних она получила, когда проходила перерождение в чреве Мазекресс. Ей тогда предоставили выбор – десяток обычных Ме, два-три больших или одно огромное. Она взяла два больших и получила Регенерацию и Метаморфизм.

Первое позволяет в считанные минуты залечивать любые раны. С ним все понятно. Второе же – превращаться в кого угодно. Но только органическое и массой от восьмидесяти грамм до восьмидесяти тонн.

Как нетрудно догадаться, в своем нормальном состоянии Лахджа весит восемьдесят килограмм. Может, чуть больше. До демонизации весила всего шестьдесят, но потом у нее от-

росли крылья, хвост... да и в целом она стала повыше и помассивнее...

Рогов хоть не выросло – и на том спасибо.

А мысль насчет Фурундарока – она правильная. Старший брат Хальтрекарока уже дважды дарил невестке Ме – Защиту Разума и Закрытие Портала. От щедрот. Фурундарок – злобный извращенный психопат в младенческом теле, но Ме он раздает с легкостью. Щелкнул пальцами – и вот тебе какая-нибудь способность.

Даже Сидзуке один раз подарил, хотя вообще-то Сидзука его нервирует. Не любит он таких, как она.

Живет Фурундарок не очень далеко. Лахджа просто распахнула окно, распахнула крылья – и полетела. Гхьет Хальтрекарока закончился быстро – он богатый, но небольшой. Дворец, арена с лабиринтом, всякие прилегающие территории – вот, в общем-то, и все. Хальтрекарок – шоумен, земельные владения ему неинтересны. Он предпочитает получать дань с баронов и мелких гхьетшедариев.

А вот Фурундарок – именно землевладелец. Агропромышленник. У него самый большой гхьет в Паргороне. Колоссальная латифундия. Хорошо, что главная резиденция не в самом центре, а то бы Лахджа не один час летела.

Конечно, Фурундарок дал ей позволение его призывать, но делать это на таком небольшом расстоянии просто невежливо. Он и так злобный, незачем раздражать его лишний раз. А то он запросто может тоже заговняться и не то что Ме –

картошины гнилой не дать.

Внизу проносились поля мавоша. Гхьеты Хальтрекарока и Фурундарока находятся во Мглистых Землях, здесь всегда темно, и только на горизонте сверкают зарницы, но Лахджа сделала себе ночное зрение. Ее Ме Метаморфизма на самом деле очень мощное и прекрасно заменяет гору обыкновенных Ме.

Научись им пользоваться, главное.

Так что Лахджа прекрасно видела и бесчисленных храков-батраков, и мавош, который те собирали. Такая чисто паргоронская культура, основа питания для низших демонов. Универсальная, как хлеб или рис, но даже отдаленно не злак. Собственно, вообще не растение, а совсем другое царство. Клетки имеют целлюлозные оболочки, но к фотосинтезу не способны, питаются гетеротрофно и имеют зачатки нервной системы. Плодов или съедобных семян у мавоша нет, зато его «кора» в толченом виде отлично заменяет муку.

Еще в латифундии Фурундарока выращивают мясные горы. Тоже очень паргоронская агропромышленность. Вроде как животноводство, но мясные горы – в общем-то, не животные. Это именно что мясные горы – бесконечно разрастающаяся клеточная масса, автономные раковые опухоли. Их не забивают, а просто отрезают куски и едят. То тут, то там Лахджа замечала эти колышущиеся холмы, и вокруг каждого тоже сустились храки. Одни подкладывали подкормку, другие пластали ломтями мясо.

Впереди показалась резиденция. Ее окружали сады личинок Хлаа. Главного паргоронского деликатеса – удивительно вкусного и потрясающе мерзкого. Эти твари размером с кошек и похожи на помесь мокриц и креветок с почти человеческими головами. Есть их надо живыми, и выглядит это очень неаппетитно.

Там, в самой сердцевине, и разместился маленький уютный домик Фурундарока. То есть он совсем не маленький, конечно, а роскошная четырехэтажная усадьба, но в сравнении с помпезным дворцом Хальтрекарока – просто хибара.

Слуг и домочадцев у Фурундарока тоже гораздо меньше. И даже жен всего-то дюжина. Неудивительно, конечно, он же вынужденный младенец. Физически не способен употреблять своих жен по прямому назначению, так что для него это скорее признак статуса.

Лахджа приземлилась на балконе и с интересом заглянула внутрь. Она всего-то раз до этого была в гостях у Фурундарока, года три назад. Хальтрекарок почти никогда не навещает старшего брата. Вот Фурундарок заявляется к нему чуть ли не каждую неделю – на представления, пиры, оргии, а то и просто побесить.

У этих двоих сложные отношения. Фурундарок и не пытается скрывать, что ненавидит Хальтрекарока, а тот удивительным образом этого не замечает. И даже не по близости, а потому что Хальтрекароку на ум прийти не может, что его кто-то может не любить, такого великолепного. Одна

мысль о подобном кажется ему дикой.

– Ау, господин Фурундарок?.. – окликнула Лахджа, заглядывая в очередную спальню.

Тут было много спален и мало людей. Фурундарок любит роскошь, но не любит слуг. Из челяди он держит во множестве только поваров, потому что терпеть не может сотворенную пищу. При этом вкусы в еде у него нестандартные – Фурундарок предпочитает гвозди, чернила и прочие несъедобные вещи.

Хотя для гхьетшедариев это не редкость. Они жрут все подряд. Гнилое яблоко увидел – сожрал. Окурок на дороге нашел – сожрал. Как голодные поросята, суют в рот все, что видят.

А желудки у них бездонные. В чреве самых древних гхьетшедариев скрываются целые города.

Хотя по большинству из них этого ни за что не скажешь. Особенно вот по этому. Сунувшись в очередную дверь, Лахджа увидела грудного младенца, спящего на груди грязных трусов и носков. То ли сон сморил Фурундарока во время очередной трапезы, то ли он проводил тут какую-то безумную оргию. Гхьетшедарии – фантастические извращенцы, от них чего угодно можно ожидать.

Кровать, кстати, в спальне отсутствовала. Хотя еще недавно была – на ковре видны четыре вмятинки. И расстояние между ними огромное – не кровать была, а пятиспальный траходром.

Скорее всего, Фурундарок ее съел. Лахджа на секунду задумалась, что же за события этому предшествовали, но потом решила, что знать ей этого не нужно.

– Величайший Господин Фурундарок, тебя можно потреть? – осторожно потянула она за крохотную ножку.

– Можно, – открыл глаза демолорд. – Тебе чего?

– Мне бы Ме, если не трудно. Маленькое-малюсенькое-малипусенькое. Если у тебя найдется лишнее. А то я иначе не смогу выполнить задание мужа.

– А его это ужасно расстроит, да? – мерзко ухмыльнулся Фурундарок.

– Наверняка расстроит. Так можно мне Ме? Пожалуйста.

– Не понял, – уставился на демоницу Фурундарок. – Ты чем-то это заслужила? Не помню такого. Может, я тебе что-то задолжал? Тоже такого не помню. Может, ты в списке людей, которые мне нравятся и которым я что-то делаю просто так?

– А у тебя есть такой список? – удивилась Лахджа.

– Разумеется, Лахджа... разумеется, нет!!! – резко перешел на ор Фурундарок. – Тупая курица, подумай своими куриными мозгами, может ли у меня быть такой список!

– Да господи, чего ты так развопился? – вздохнула демоница. – Ну нет и нет. Я просто подумала – ты же у нас такой великий и могучий. И поумнее моего мужа. Он же у нас, знаешь, инвалид. Умственный. Я его попросила – а он меня даже не понял. Вот я и решила обратиться к тебе.

– А какие причудливые завихрения твоего разума привели тебя к мысли, что я должен чем-то вам двоим помогать? – злобно прошипел Фурундарок.

– Ты вроде как его старший брат и мозг нашей большой и дружной семьи. К кому мне еще обращаться?

Фурундароку грубый комплимент понравился. Выражение его лица смягчилось, и он самодовольно сказал:

– Ты все равно не преуспеешь.

– Почему это? – немного обиделась Лахджа.

– Просто будь ты хоть на что-то способным демоном, тебе бы не приходилось каждый раз приползать ко мне и униженно просить дары. Но Ме я тебе дам. Потому что, да, я именно такой, как ты описала. Какое тебе нужно?

– А вот, я все написала на листочке! – наивно хлопая глазами, сунула бумагу Лахджа.

Фурундарок внимательно прочитал. Потом еще раз внимательно прочитал. Потом перекосялся от бешенства и прочитал в третий раз. Лахджа расписала нужное ей Ме в мельчайших деталях. Даже таблицу нарисовала со свойствами и параметрами.

Сколько Фурундарок ни изучал ее, он не мог найти способа исказить просьбу. Добавить какой-нибудь подвох. Что-нибудь, что заставило бы Лахджу потом горько пожалеть о подарке.

– Ты слишком хорошо меня знаешь... – скрипнул зубами Фурундарок. – Но ладно, раз уж обещал... на тебе!!!

Он с силой хлопнул демоницу по лбу. А сил-то ему было не занимать. Демолорд все-таки, хоть и в младенческом тельце. Лахджу пронзило нестерпимой болью, а в глазах потемнело.

Кажется, треснул череп.

Но ее Ме Регенерации быстро все поправило. Несколько секунд демоница еще шаталась, ощущая тошноту и дезориентацию, а потом неуклюже кивнула. Новое Ме Фурундарок ей выдал, это она тоже ощущала. Где-то там, на краю сознания словно добавилась новая иконка.

– Спасибо, господин Фурундарок, – не без труда выговорила демоница. – За Ме.

– Иди отсюда, – огрызнулся демолорд.

– Конечно, господин Фурундарок, – поклонилась Лахджа, пятясь к выходу. – За то, что отпускаете живой – тоже спасибо.

– Пошла нахер отсюда!!! – заревел Фурундарок, резко сжимая кулачки.

Целая стена превратилась в пыль, и Лахджа поспешила убраться.

Глава 9

Бельзедор поднимался по ступеням, неся бесчувственную эльфийку. Прихвостни таращились изо всех щелей, восхищенные размером добычи. Жены-принцессы гневно сверкали глазами.

Ведь на сей раз это не дочка какого-нибудь захолустного короля, а сама Галлерия Лискардерасс. Верховная владычица эльфов. Глава Эльфийского Содружества. Императрица Тирнаглиаля. Королева Альварии, Ароса, Гармальина, Джакхара и Дымчатых островов. Протектор Белого Альянса. Почетная предводительница Оккузана.

Она лежала на руках Бельзедора, как мешок с картошкой.

– А нас ты в Цитадель не заносил в беспамятстве, – ревниво сказала принцесса Дарен.

– Да, у нас не так романтично было... – жалобно добавила принцесса Ньенна.

Бельзедор не обращал внимания на ворчание любимых супругов. Тем более, что Галлерия как раз очнулась. Она открыла глаза, увидела Темного Властелина и возмущенно воскликнула:

– Ты опять меня похитил, мерзавец?!

– Не похитил, а пригласил в гости, – спокойно ответил Бельзедор. – Исключительно из тревоги за вас, государыня.

Он внес ее в тронный зал и только там опустил на пол.

Бережно, как хрупкую статуэтку. Галлерия, которой уже доводилось бывать в Цитадели Зла и сражаться с Бельзедором, сделала шаг назад и настороженно замерла. Очень высокая и довольно полнотелая для эльфийской девы, рядом с Темным Властелином она казалась крохотной и субтильной.

Сказать Галлерия ничего не успела, потому что в зале сверкнула вспышка, и из нее вышел человек в серой тунике. Добрый волшебник Медариэн – и был он сильно потрепан, а лицо заливала кровь.

– Итак, мой старый враг, мы вновь встретились! – гулко воскликнул Бельзедор, беря на изготовку кнут. – Сегодня состоится решающая схватка, в которой ты наконец умрешь! Буа-ха-ха-ха!!!

– Прости, не сегодня, – устало отмахнулся Медариэн. – Я по другому делу.

– А, ну тогда присаживайся, – убрал кнут Бельзедор. – Выпьешь что-нибудь?

– Молока, если есть, – опустил в кресло волшебник. Он провел рукой вдоль лица – и кровь стала исчезать, а рассеченная бровь срослась.

Искатели Криабала и другие гости молча наблюдали за происходящим. Даже Имрата замерла и притихла. Владычица Галлерия не обратила на них внимания, а вот Медариэн окинул быстрым взглядом и с полуулыбкой кивнул брату Массено.

Со времени их прошлой встречи волшебник стал заметно

старше. Все еще молод, но уже не безусый мальчишка. Теперь он выглядел лет на двадцать пять, если не все тридцать.

– Кто победил? – осведомился Бельзедор, пока услужливые прихвостни разливали напитки.

– Ты о моей битве с Антикати́сто? – сразу догадался Медариэн. – Не он, как видишь. Я жив. Но и не я, к сожалению. Он ранил меня и исчез. А я поспешил сюда.

– Зачем ты вмешался? – гневно спросила Галлерия у Бельзедора. – Мне не нужна была твоя помощь. Чья угодно, но только не твоя.

– Боюсь, у вас не было такого уж большого выбора, госуда-
рыня, – ответил Темный Властелин. – А у меня не так много
достойных врагов, чтобы я позволил кому-то из них пасть не
от моей руки. Всего лишь жалкие антимаги – не та смерть,
которой должна погибнуть бессмертная Лискардерасс.

– Это были не просто жалкие антимаги, – вздохнула Гал-
лерия, машинально беря чашку с травяным чаем. – Это бы-
ли прислужники Антикати́сто. Они знали, где меня искать.
Заранее продумали нападение. Застигли нас врасплох. При-
вели странных союзников. И у них было оружие... такого я
еще не видела... что-то непостижимое...

– Это был чакровзрыватель, – сообщил Бельзедор. – По-
гибель чародеев. Однажды я откопал такой, но не сумел за-
ставить заработать. Но где свой взяли антимаги... этого я не
знаю.

– Я знаю, – подал голос Танзен.

Медариэн и Галлерия устремили к нему взгляды. Они не были знакомы с агентом Кустодиана. Но Бельзедор кивнул, позволяя тому говорить, и Танзен изложил события, в конечном итоге приведшие его сюда.

Затем Бельзедор попросил рассказать о своем расследовании брата Массено, а потом слово ненадолго взял отец Дрекозиус. Сложив эти три истории, волшебники в беспокойстве переглянулись.

– То есть Антикатисто собирает Криабалы, чтобы отыскать или восстановить Апофеоз, – подытожила Галлерия. – Ты из-за этого пытался похитить мой? Чтобы предотвратить сегодняшнее нападение?

– Разумеется, нет, – невозмутимо ответил Бельзедор. – Я просто собирался сам обрести это абсолютное могущество. И у меня бы все получилось, если бы не одна пронырливая эльфийка.

– Ко мне тебе следовало являться лично, – процедила Галлерия. – Как ты явился в Мистерию. Посылать против меня какую-то снежную ведьму было... унижительным.

– Я не посылал ее против вас, государыня. Вас не должно было в тот день быть в том месте. А с обычной стражей Зеленого Криабала леди Хиона бы справилась. Она была одной из сильнейших колдуний, а ваши подданные плохи против морозного волшебства.

– И теперь она стала деревом, – равнодушно произнесла Галлерия. – Надеюсь, ты не ждешь от меня извинений за то,

что я с ней сделала?

– Мои приспешники знают, где живут и кому служат. Время от времени я их теряю. Я ценю их преданность и способности, но среди них нет незаменимых. Кстати, каким деревом она стала?

– Уродливым, – коротко бросила Галлерия. – Я бы приказала ее срубить, но ни один эльф не выполнит такого приказа.

– А вот мои прихвостни выполняют любые приказы, – с чуть заметной насмешкой сказал Бельзедор. – Хотя среди них есть и эльфы.

– Они не заслуживают права так называться, – отрезала Галлерия.

– Видовая принадлежность – это не право. Это факт.

– Давайте перестанем препираться, – устало встрял Медариэн. – Хотя бы сейчас. Всем известно, насколько давняя история сплетает тебя и Бельзедора, моя госпожа, но прямо сейчас тебе поневоле приходится быть ему благодарной.

– Мне смешны твои слова, Медариэн, – холодно произнесла Галлерия. – Не вижу ни единой причины быть благодарной этому отродью.

– Он все же спас тебе жизнь, – напомнил Медариэн. – Преследуя собственные цели, но спас. Пусть и отнял ради этого несколько сотен других жизней, чего я, конечно, не могу одобрить.

– О боги, Медариэн, избавь нас от своих нравоучений, –

поморщилась Галлерия. – Право, иногда ты и впрямь выводишь меня из себя этим морализаторством. Уж что-что, а смерть этих недоумков-антимагов и тех тошнотворных созданий, которых они непонятно где взяли...

– Это были йоркзерии, – перебил Бельзедор. – Очень древний народ. Они появились на Парифате задолго до эльфов.

– В самом деле, это были они? – искренне удивилась Галлерия. – Я полагала, что они вымерли еще до Ледника.

– Многие так полагают. А еще больше вообще никогда о них не слышали. Но йоркзерии не вымерли и в некотором смысле даже процветают. Просто обитают они в таких глубинах, до которых не добирались даже гномы. И они действительно уже тысячи лет не появлялись на поверхности. Я пока не знаю, что побудило их присоединиться к Антикатиство.

– Ты мог их об этом спросить, – вздохнул Медариэн. – Но это не пришло тебе в голову. Ты просто их убил.

– Они убивали эльфов. Благодаря мне эти эльфы живы. Давай спросим их – не следовало ли мне вначале побеседовать с йоркзериями?

– Ты мог спасти их и без лишних убийств. Я знаю твои возможности – их хватило бы. Ты умеешь решать проблемы без единой капли крови. Просто удручающе редко это делаешь.

– Я был ограничен во времени, Медариэн. Мне было некогда искать бескровное решение.

– А если бы у тебя было больше времени – что-то бы изменилось? Ты бы попытался всех спасти, никого при этом не убив?

– Разумеется, нет. Я же Темный Властелин, ты помнишь? Мы с тобой заклятые враги. Мы диаметрально противоположны.

– Не диаметрально... – вздохнул Медариэн. – Бельзедор, я же прекрасно понимаю твои истинные мотивы. Но твои методы я не могу ни понять, ни принять. Ты мог бы действовать гораздо эффективнее, если бы изменил их. Тебе незначит сидеть в мрачном замке и запугивать весь мир. Это же просто глупо.

– Мы уже беседовали на эту тему, Медариэн. Ты помнишь, чем закончился наш прошлый разговор?

– Ты попытался меня убить.

– Но тебя это ничему не научило. Кто же из нас глуп?

– Ты можешь снова попытаться меня убить. И снова. Я буду сражаться с тобой столько, сколько потребуется.

– Ты мой самый заклятый враг, Медариэн, и за это я тебя ценю. Но тебе никогда не победить меня, признай это. Ты слишком ничтожен. Все твои попытки убить меня провалились с треском.

– Я никогда не пытался тебя убить, Бельзедор, и ты это прекрасно знаешь. Только обезвредить.

– Как я и сказал. Ты слишком ничтожен.

– Я не убиваю, Бельзедор. Никого. Никогда. Даже тебя я

не стану убивать.

– Не пытайся свалить свою ничтожность на высокие моральные принципы. Я слишком хорошо тебя знаю.

– Я тоже хорошо тебя знаю. И мне ведомо, что под этой черной броней бьется благородное сердце. В тебе есть добро, Бельзедор, но ты посвятил жизнь тому, чтобы никто о нем не узнал. Ты мог бы стать величайшим героем этого мира – а вместо этого стал величайшим злодеем. Но это было худшей твоей ошибкой. Ты пошел длинной извилистой дорогой там, где есть прямая и короткая.

– Какое красивое сравнение, – саркастично произнес Бельзедор. – Однако заметь, что прямо сейчас, пока ты убеждаешь меня перейти на светлую сторону, где-то там по-прежнему куражится Антикатиство. Это означает, что для тебя важнее не торжество добра, а идеологическая победа над злом. Надо мной.

– Ты в очередной раз все переврал, – вздохнул Медариэн.

– Но этот мерзавец в чем-то прав, мэтр Медариэн, – вмешалась Галлерия. – Нам сейчас не до пустых споров.

– В этом я с тобой согласен, бессмертная Лискардерасс. Бельзедор был Темным Властелином тысячи лет, и пробудет им еще... недолго, надеюсь. Но прямо сейчас наши и его цели совпадают.

– В таком случае обсудим дальнейшие действия, раз мы на какое-то время делаем вид, что перестали быть врагами, – откинулась в кресле Галлерия. – Однако сразу предупрежу,

что я не перестану презирать тебя ни на миг и никогда не прощу всего того, что ты сделал мне, моему мужу и моему народу.

– Приятно это слышать, государыня, – поклонился Бельзедор. – Я очень старался, чтобы вы никогда меня не простили. Но сейчас вы у меня в гостях, я временно вам не враг и предлагаю пригласить к нам еще одного гостя.

– Да, согласен, – кивнул Медариэн. – Нужно его известить.

В тронном зале было не очень много народу. Только сам Темный Властелин, его управляющий, кот, несколько теней-прихвостней, Галлерия, Медариэн и искатели Криабала вкупе с Танзеном и Массено. Теперь же Бельзедор хлопнул в ладоши, и стало казаться, что людей еще меньше, поскольку тронный зал погрузился в сумрак. Окна словно заволокло мглой, факелы погасли, остался только зеленоватый светильник. В его тусклом мерцании были видны лишь контуры Бельзедора, Галлерии и Медариэна, а все остальные исчезли во тьме.

Потом засветилось огромное дальнзеркало. Глядя белого кота, Бельзедор зловеще произнес:

– Итак, мы снова встретились, мой старый враг.

– Пока еще только увиделись, – донесся насмешливый голос. – Не встретились. Не надо форсировать события.

За гладкой поверхностью появился длиннобородый старец в каменном кресле. Танзен и Джиданна узнали его сразу

же – Зодер Локателли, председатель ученого совета Мистерии.

Верховный маг.

– Мэтр Медариэн, – приветливо кивнул он. – Бессмертная Лискардерасс. Рад видеть вас в добром здравии.

– Мир вам, мэтр Локателли, – ответила Галлерия.

– Мир тебе, Зодер, – коротко кивнул Медариэн.

– И тебе мой привет, Бельзедор, – прищурился Локателли. – Хотя тебя я видеть и не слишком рад. Мы расстались не на дружеской ноте.

– Будь благодарен, что я не сравнял твою школу с землей, старик, – пророкотал Темный Властелин. – Кстати, как там поживает мэтр Хаштубал?

– Немного прихворнул. Кажется, что-то с нервами.

– Это все от стрессов. Ему стоит себя побережь.

– Обязательно передам ему твой совет.

Внимательно следящий за происходящим у трона Плацента зло сплюнул. Растерев плевок ногой, он процедил:

– Тля, я так и знал, что власти нас все время обманывают...

– Развей свою мысль, – повернулась к нему Джиданна. – Я внимательно слушаю.

– Ну они же нормально общаются! Как будто они друзья!

– Это большая политика, сын мой, – вздохнул Дрекозиус. – Даже заклятые враги на официальных встречах переходят на язык высокой дипломатии. Где бы мы оказались, если

бы каждый просто говорил все, что думает, не стесняясь в выражениях?

– В гораздо лучшем мире, – сумрачно произнесла Имрата.

Тем временем в круге зеленого света два великих волшебника, эльфийская владычица и Темный Властелин тихо обсуждали возвращение Антикати́сто и что с этим делать.

Посвящать Локателли в события почти не пришлось. Он уже знал большую их часть. Словно старый паук в центре колдовской паутины, председатель ученого совета знал чуть ли не все, что творится в мире.

– Кто еще в курсе того, что наш общий знакомый снова жив и деятелен? – сварливо спросил Локателли.

– Те, кто находится в этом зале, само собой, – ответил Бельзедор. – Еще несколько моих приспешников. Весь орден Солнца. И, полагаю, также об этом известно Кустодиану. Как минимум мэтру Сарразену.

– Еще мэтр Мазетти, – добавил Медариэн. – Он знает не все, но значительную часть.

– Ну и достаточно, думаю, – подытожил Локателли. – Не стоит делать это достоянием масс, ни к чему нам шумиха. Хотя Хаштубала я потом все-таки тоже посвящу, а то он обидится.

– Может, тогда еще кого-нибудь позовем? – предложила Галлерия. – Как насчет мэтра Прандаксенгида или высокочтимого Аэтернуса?

– Или даже... гм... святого Машибухера?.. – вставил Ме-

дариэн.

– Аэтернус не покинет свой остров, – возразил Бельзедор. – Прандаксенгид – просто еще один волшебник, который давно отошел от дел. А святой Машибухер... ему безразличны все эти мелкие склоки.

– Хорошо, не будем тревожить отшельников, – согласился Локателли. – Мы все тут взрослые дяди и тети. Сами справимся как-нибудь.

– Изначально я предполагал, что справлюсь и в одиночку, – заметил Бельзедор. – Однако Антикатиство убил меня, несмотря на все собранные Криабалы.

– Кстати, как давно ты узнал о возвращении Антикатиство? – прищурился Локателли.

– Достаточно давно. Среди его прислужников были агенты Зла, и они доносили мне о его планах. Правда, они занимали не слишком высокие посты, так что информация была неполна и недостаточна. Например, я до последнего момента не подозревал об этой его затее с чакровзрывателями. Но о поиске Криабалов я узнал почти сразу же.

– А почему же ты не предупредил нас?! – вскричала Галлерия.

– Наивный вопрос, бессмертная Лискардерасс, – усмехнулся Локателли. – Чтобы Бельзедор – и кого-то предупредить? Ты как будто первый век на свете живешь.

– Я планировал уничтожить Антикатиство сам, – спокойно продолжил Бельзедор. – Он слишком опасен и его невозмож-

но контролировать. Шестьсот лет назад я сделал ему предложение стать моим приспешником, но он отказался и убил меня. Возродившись, я проникся уважением к его силе и сделал новое предложение – стать моим автономным вассалом. Он отказался и убил меня. Возродившись повторно, я сделал ему последнее предложение – разделить сферы влияния. Он отказался и убил меня. После этого я предоставил его собственной судьбе.

– Мы знаем, что было дальше, – ворчливо сказал Локатели. – Мистерия прекрасно помнит те события.

– А на что ты рассчитывал в этот раз? – внимательно посмотрел на Бельзедора Медариэн. – Я рассчитывал на Черный Криабал, но...

– Я тоже рассчитывал на Криабалы, – ответил Бельзедор. – Хотел выяснить, зачем их ищет Антикатиство. Прежде всего я захватил те, что были на виду – Синий, Серый и Красный. С Зеленым не получилось. Я изучил их, но узнал только, что там нет ничего, способного уничтожить Антикатиство. Я захватил Бурый, немного подравшись с мэтром Хаштубалом, но он мне тоже ничем не помог. По счастью, в дальнейшем мне улыбнулась удача – ко мне в руки явился Белый, давно утерянный. Сам собой явился, причудливым стечением обстоятельств. Уверен, на этот счет есть какое-то древнее пророчество. Они всегда есть в таких ситуациях.

– Это не было стечением обстоятельств! – выкрикнула Имрата.

– Тише, – поднял ладонь Бельзедор. – Сейчас говорю я. Именно Белый Криабал дал мне то, что я разыскивал. Заклятие Очищения. Не просто обычное заклятие, которым владеют даже студенты, а одно из тех ультимативных заклятий, что придают Криабалам такую ценность. Оно могло уничтожить Антикатиство. И я его применил.

– Темный Властелин применяет белую магию, – с сарказмом произнес Медариэн. – Темный Властелин избавляет мир от Тьмы. Иронично.

– Я всего лишь устранял конкурента, – с каменным лицом возразил Бельзедор. – Мы уже договорились, что я злобный мерзавец, и каждый мой поступок продиктован чистым эгоизмом. Не сходи с этих позиций, Медариэн. Тем более, что я все равно не преуспел. Оказалось, что пока я собирал остальные Криабалы, Антикатиство гонялся за Черным – и он его нашел. Понятия не имею, где.

– Эту лакуну заполню я, – заговорил Медариэн. – Черный Криабал находился там, где я спрятал его десять лет назад. В другом мире. Фантастическом мире. Удивительном. Оставайся он там и дальше, Антикатиство разыскивал бы его очень долго, но так сложилось, что полгода назад его нашли другие. То ли совершенно случайно, то ли Черный Криабал сам как-то здесь повлиял... мы до сих пор очень мало знаем об этих книгах и их свойствах.

– Кто именно его нашел? – спросил Локателли.

– Двое юных индивидов. Они применяли его не слишком

мудро, но бед причинили гораздо меньше, чем прежние владельцы. Не стану рассказывать все в подробностях, это не имеет отношения к делу. Скажу лишь, что в конце концов их занесло к нам, на Парифат... и здесь Черный Криабал очень быстро перешел в руки Антикати́сто. Не могу сказать, как он о нем узнал. К счастью, индивиды остались живы, и мы с бессмертной Лискардерасс помогли им вернуться домой... – Галлерия в этом месте кивнула, – ...но Черный Криабал к тому времени был уже ими утрачен, и следующим его увидел Бельзедор. А забрав у него всю добычу, Антикати́сто ринулся за Зеленым Криабалом. Правда, в битве с орденом Солнца он был серьезно потрепан – поэтому, видимо, и не осмелился прийти один. Поэтому и привел с собой небольшое войско. Поэтому и я остался жив.

– У Антикати́сто превосходные злодейские задатки, должен заметить, – произнес Бельзедор. – Суметь незаметно переместить целое войско и подвести его в самый нужный момент – это очень немало. Жаль все же, что он не согласился стать моим приспешником.

– Какая трагедия, ай-яй-яй, – посочувствовал Локатели. – Антикати́сто, кстати, воспользовался нашими же порталами. Мне тут буквально полчаса назад доложили о инциденте на станции Яминии и Утера-Данголля. Антикати́сто обрушился на нее глухой ночью, захватил, перекрыл связь, убил большую часть свидетелей и заставил служителей открывать портал только в Тирнаглиаль.

– На нашей стороне ничего такого не заметили, – нахмурилась Галлерия, приложив два пальца к виску. Там плавали три зеленых точки – природные духи. – Мои подданные утверждают, что портал работает, как обычно.

– Ваш портал управляется вашими же эльфами, мэтресс Галлерия, – саркастично сказал Локателли. – Вы сами настаивали на этом в свое время. Там не такая надежная охрана, как в остальной сети. Молодцы из моей Порталики уж точно бы не проморгали такую большую группу антимагов, а вот ваши подданные – проморгали.

– Этого не может быть! – возмутилась Галлерия.

– В таком случае вам просто приснился плохой сон и никаких антимагов у вас там не было, – ласково сказал Локателли. – Уверен, что вскорости вы проснетесь в своей постели.

– Мэтр Локателли, я люблю вас, как родного отца, но иногда вы откровенно непереносимы, – нахмурилась Галлерия. Ее глаза стали зелеными, как крыжовник.

– Могу ли я напомнить, что вы старше меня на полторы тысячи лет, бессмертная Лискардерасс? – прищурился Локателли. – Мне приятно, что я напоминаю вам покойного папеньку, но по возрасту я скорее гожусь вам во внуки.

– Хорошо, что вы не мой внук, – холодно произнесла владычица эльфов. – Мне было бы тяжело видеть, как годы превращают вас в несносного старика.

– Туше, – произнес Бельзедор, закидывая в рот горсть

подкорма.

– Ну вот, мы порадовали Темного Властелина своей перебранкой, – сокрушенно вздохнул Локателли. – Мне кажется, это просто ужасно. А вы как считаете, бессмертная?

– Я согласна, – ровным голосом произнесла Галлерия. – Но мне все-таки не до конца понятна эта ситуация. Допустим, антимагов мои подданные еще могли не распознать. Они редко нас тревожат. Но как сумели пробраться те подземные твари? Они сильно отличаются от обычных гостей Тирнаглиаля, их бы точно заметили в таком количестве.

– На этот вопрос я пока ответить затрудняюсь, – сказал Локателли. – Портал Яминии и Утера-Данголля сейчас закрыт и опечатан, там работает Кустодиан. Когда они закончат, мы узнаем и это... но вообще-то это уже частности, я считаю. Проникли и проникли. Применили какую-то уловку. Так ли уж важно, какую именно? Антикатиство – очень могущественный чародей, да и у Йоркзериев наверняка есть трюки, о которых нам неизвестно. Те же магматики, которые служат им, как псы.

– А почему именно этот портал? – спросил внимательно слушавший Медариэн. – Тому была причина или они просто захватили случайный?

– Станция Яминии и Утера-Данголля расположена в Джарии, – пояснил Локателли. – А именно в недрах Джарии обитают йоркзерии. Кроме того, Яминия сейчас захвачена Подгорным Ханством, которое в союзе с йоркзериями и, я подо-

зреваю, с Антикатиство.

– Кроме того, в Утере издавна хранился Серый Криабал, – прокомментировал Медариэн. – Это тоже важный момент.

– В Джарии их было целых три, – подтвердил Локателли. – Именно там ведь когда-то жил мэтр Вален, самый известный собиратель Криабалов. Я подозреваю, что именно из-за этого Антикатиство затеял там... все то, что он затеял.

– Три?.. – нахмурился Медариэн. – Серый был в Утере. Красный – в Новой Стране. Местонахождение остальных мне тоже известно, так что остается... Рваный?..

– Да, Рваный. Он в Яминии, у цвергов. Был там до недавнего времени.

– Откуда вам об этом известно, мэтр Локателли? – спросил Медариэн.

– Они обращались ко мне не так давно. Предлагали обменять его на военную помощь. Но Мистерия всегда нейтральна, я отказал им.

– Нам нужен этот Криабал, – негромко сказал Бельзедор. – Он последний. Нельзя позволить Антикатиство заполучить и его.

– Я сразу же направил в Халлар агентов Кустодиана, – сказал Локателли. – Город осажден хобиями, и это затрудняет работу, но они выяснили, что после меня цверги обратились к Новой Стране, и та согласилась на сделку.

– Глупцы! – фыркнула Галлерия.

– Им неизвестно об Антикатиство, – мотнул головой Ме-

дариэн. – Они не знают, какую опасность навлекают на себя. Рванный Криабал уже в Новой Стране?

– Еще нет, – ответил Бельзедор. – В их Комитете Старших есть агент Зла – он сразу бы доложил мне о таком.

– Агент Зла в Комитете Старших?! – изумился Медариэн. – Даже там? Кто это?

– Попробуй угадать сам, мой старый враг. Я не стану облегчать тебе жизнь.

– Агенты Зла есть везде, – тяжело вздохнул Локателли. – Иногда я подозреваю, что они таятся даже у меня под кроватью, и потому каждый вечер туда заглядываю. Пока не видел – но не исключено, что они просто давно это разгадали и перебираются на это время в шкаф.

– Прекратите ерничать, мэтр Локателли, – закатила глаза Галлерия. – Если Рванный Криабал все еще не у людей, но уже не у цвергов... где он?

– У одного маленького кобольда, – сказал Бельзедор. – Выйдите на свет, отец Дрекозиус. Поведайте моим гостям то, что поведали мне.

Из темноты выступил толстый жрец. Угодливо кланяясь великим мира сего, он торопливо представился и рассказал, как некий кобольд похитил Рванный Криабал из драконьей пещеры.

– И откуда вы это знаете, святой отец? – спросил Медариэн.

– Мне интереснее, почему мы думаем, что Криабал все

еще у кобольда, – добавила Галлерия. – Я знаю цвергов. Они жадны, как сам Гушим, и наверняка давно отняли у него книгу. Хорошо, если оставили в живых.

– На самом деле он оставался у него как минимум до нашего разговора, – сказал Локателли. – Теперь я припоминаю, что когда они показывали мне Криабал, то его держал какой-то кобольд. Помню, я еще удивился, отчего эту реликвию хранит не цверг, но не придавал значения...

– Рванный Криабал все еще у кобольда, высокочтимые мои господа, – елеино произнес Дрекозиус. – Иначе я увидел бы это во сне.

– Во сне?.. – не поняла Галлерия.

– Именно так, – сказал Бельзедор. – Отец Дрекозиус обладает необычной Сущностью, природу которой я пока еще не разгадал. Он видит вещие сны – всегда связанные с Криабалами. Видит, когда они меняют владельцев. Именно благодаря этому он и его друзья нашли титульный лист, оглавление, а потом и Белый Криабал. Кроме того, он был незримым свидетелем того, как я и мои приспешники изымали Криабалы. И перипетии, которые прошел Черный Криабал, тоже были ему известны. А вам, государыня, вообще следовало бы преподнести ему памятный подарок или даже вознаградить орденом.

– Это от него ты узнал, что антимаги явились за Зеленым Криабалом? – догадалась Галлерия.

– Именно так. Не увидь отец Дрекозиус свой вещий сон,

вы сейчас были бы крайне неприглядным трупом, государи-
ня. Жертвы чакровзрывателя выглядят отвратительно.

– В таком случае я выражаю отцу Дрекозиусу глубочай-
шую благодарность, – коротко кивнула Галлерия. – Но вер-
немся к вопросу о Рваном Криабале. Мы знаем, где сейчас
этот кобольд?

– Мы знаем его маршрут, знаем конечную цель и время,
которое он уже в пути, – ответил Бельзедор. – Найти его не
будет сложным. К сожалению, все Криабалы обладают свой-
ством необнаружимости, и оно частично переходит и на их
владельцев, поэтому мое Всевидящее Око и другие средства
бесполезны. Но кобольд не знает, что его ищут, поэтому вряд
ли станет сильно петлять. А если он утратит Криабал, отец
Дрекозиус это сразу узнает.

– Я попытаюсь его отыскать, – сказал Медариэн. – Но ни-
чего не могу обещать. Криабалы действительно практиче-
ски недоступны для ясновзорческих чар. Вот если восполь-
зоваться одним из них, прочесть хотя бы одно заклинание...
в этом случае устанавливается определенная связь, которая
сохраняется до конца жизни. В этом случае найти «свой»
Криабал вполне возможно даже без оглавления и титульного
листа. Но я, к сожалению, никогда не использовал Черный,
а других у меня в руках не было.

– Я тоже никогда не применял Бурый, – сказал Локател-
ли. – Не было потребности, я и так не знаю себе равных в
волшебстве. А вы, бессмертная Лискардерасс, использовали

Зеленый?

– Да, но очень давно, – ответила Галлерия. – Мы применяли его вместе с Моргантосом. И я действительно чувствую с ним связь... думаю, если Антикатисто им воспользуется, я это почувствую.

– Это прекрасно, но в этом нет нужды, – отмахнулся Бельзедор. – У нас тут есть дева, которая применяла Белый Криабал, да и сам я пробовал заклинания из нескольких, пока они были у меня. А кроме того, у нас есть куда более надежное средство, о котором ты должен помнить, Медариэн.

– Ах да, моя астроябия! – спохватился Медариэн. – То есть не моя, а Вескатуччи... но сделал ее я... брат Массено, вы не могли бы ее показать?

К трону подошел слепой монах. Бельзедор, Галлерия и Локателли в дальнотеркале внимательно осмотрели астроябию.

– Какая изящная работа, – похвалила Галлерия. – Слово сработано эльфами.

– Моим скромным умениям далеко до ваших кузнецов, но я старался, – спрятал улыбку Медариэн. – Она все еще действует, святой отец?

– По всей вероятности, – ответил Массено. – Хотите проверить?

– Не вижу смысла, – заявил Бельзедор. – Антикатисто победил меня и одолел весь ваш орден. И это при том, что у него был только один Криабал. А на что он будет способен с

почти полным набором? Особенно когда залечит раны, полученные от солнцеглядов.

– Лично мне откровенно непонятно, как он вообще вернулся к жизни, – брюзгливо произнес Локателли. – Мы очень надежно его уничтожили. Мэтр Бецалли создал для этого специальное заклинание... кстати, не владеет ли им кто-нибудь здесь, случайно?

– Я уже взял текстовку методы у мэтра Мазетти, – ответил Медариэн. – Но она сильно отличается от моего основного профиля – понадобится немало времени.

– А кроме того, вы умрете, – заметила Галлерия. – Вы же помните, что метода Бецалли – суицид? Если мне не изменяет память, она в некотором роде антипод методы Антикати́сто. Кратковременное превращение в высшего элемента́ Света... и взаимоуничтожение.

– Это так. Но в качестве последнего средства...

– Даже в качестве последнего средства это не даст стопроцентной вероятности, – заметил Локателли. – Когда Бецалли применял свою методику, у Антикати́сто не было Криабалов.

– Один был, – напомнил Медариэн. – Черный. С его помощью он стал тем, кто он есть.

– Но не держал при себе. Иначе сейчас он лежал бы рядом с Бурым... то есть... – запнулся Локателли. – Ну вы понимаете, что я имею в виду.

Волшебники и Бельзедор погрузились в молчание. Все четверо привыкли влиять на ход истории. Медариэн неодно-

кратно менял судьбы людей и целых держав. Локателли полностью реформировал Мистерию. Галлерия стояла во главе всего эльфийского сообщества. О Бельзедоре нечего и говорить.

Но сейчас даже этим фигурам всемирного значения предстояли нелегкие решения.

– Просто чтобы удостовериться... – задумался вдруг Медариэн. – Этот зеленый светильник – он же не просто для антуража? Я знаю, как важны для тебя ритуалы и декорации, Бельзедор, но в данном же случае есть и другая причина, верно?

– Это Лампа Тайн, мой старый враг, – ответил Бельзедор. – Сказанное в ее свете останется секретом даже для богов.

– Хорошо. Просто хотел удостовериться. Кого ты отправишь за Рваным Криабалом?

– Хочешь – отправляйся сам, – равнодушно ответил Темный Властелин. – Я тебе доверяю, ты честный.

– Не могу, – мотнул головой Медариэн. – Простите, друзья, но я полностью посвящу себя штудированию методы Бецалли. Она чрезвычайно сложна, и мне нельзя будет отвлекаться ни на что, пока я ей не овладею. Теперь, возможно, это наш последний шанс.

– Мы все знаем, что ты мечтаешь сдохнуть во имя добра, – сказал Бельзедор. – Только как это будет сочетаться с твоим принципом никого не убивать?

– Я заплачу за это собственной жизнью, – ровным голосом сказал Медариэн. – В мире не появится нового убийцы.

– Как удачно для меня, – покивал Бельзедор. – Лишусь сразу двух заклятых врагов. Я посажу на твоей могиле кактусы.

– Прояви уважение, посади хотя бы розы, – цокнул языком Локателли. – Они тоже колючие.

– Прекратите! – возвысила голос Галлерия. – Медариэн, мы все уважаем твою готовность принести такую жертву, но оставь это на самый последний случай!

– Для этого мне все равно потребуется сначала овладеть этой методой, – спокойно произнес Медариэн. – И я этим займусь. У меня единственного здесь нет в подчинении державы, которая постоянно требует внимания.

– Ладно, начну заранее подыскивать себе нового главного противника, – подытожил Бельзедор. – А за Рваным Криабалом я тогда отправлю отца Дрекозиуса и его друзей.

– Покажите-ка мне их, – попросил Локателли. – Мне из-за этого стекла ничего не видно.

По приказу Бельзедора Мектиг, Плацента и Джиданна выступили вперед, к Дрекозиусу. Галлерия, Медариэн и Локателли осмотрели искателей Криабала, и Галлерия скептически произнесла:

– Дармаг-головорез, полугоблин-вор и чародейка невысокого уровня. Никого получше у вас не нашлось, лорд Бельзедор?

– В них скрывается большее, чем кажется на первый взгляд, – спокойно ответил Темный Властелин. – Они сумели похитить оглавление из казны демолорда, выбраться из Паргорона, пройти через Шиасс, отыскать на краю света Белый Криабал, уничтожить мой Артефакт Силы и бежать из моей темницы. Я за них ручаюсь.

– Ручаетесь?.. Вы?..

– Если они вас не устраивают, я пошлю моих приспешников. Лорд К или лорд Гвыфнюр разыщут кого угодно...

– Нет, пусть уж лучше эти типы, – торопливо сказала Галлерия.

– Согласен с бессмертной Лискардерасс, – подтвердил Локателли. – Простите, лорд Бельзедор, сейчас мы вынуждены с вами сотрудничать, но никто из нас не доверяет ни вам, ни вашим приспешникам. Надеюсь, вы не обиделись.

– Ну что вы, я даже польщен. Кстати, против совместной команды я тоже не возражаю. Давайте Галлерия предоставит кого-то из своих эльфов, Локателли даст волшебника, я – убийцу-предателя, а Медариэн... не знаю, кто там у тебя есть?.. у тебя есть пони?.. добавь в команду пони. С радужной гривой.

– Мы уже сказали, что не против этой четверки, – поморщился Локателли. – У нас не так много времени, чтобы согласовывать кандидатуры с нуля, а у этих хотя бы уже есть нужный опыт.

– Давайте не усложнять, мы понимаем, что сейчас мы

все заинтересованы в сотрудничестве, – согласился Медариэн. – Только снабдите их всем необходимым. У вас есть все необходимое, господа? Возьмите на всякий случай Перстень Дружбы – с его помощью вы сможете призвать меня на помощь в случае нужды. Только не злоупотребляйте, пожалуйста. В ближайшее время я буду чрезвычайно занят.

Перстень на пальце Медариэна ярко засветился – и от него отделилась копия. Дрекозиус с подобострастной улыбкой нацепил эту копию на пухлый палец.

Мектиг, который еще не до конца понял суть происходящего, хмуро переглянулся с Джиданной. А вот Плацента внезапно взбунтовался.

– Тля, какого кира вообще?! – заверещал он. – Мы вам кто, тля, сибиррих почтальоны?! Какого кира мы должны шляться по вашим поручениям?!

– Это нужно для спасения мира, – ласково ответил Локатели.

– В анналы спасение мира! И тебя тоже в анналы!

– Ты что разорался? – пробасил Мектиг, раздраженно глядя на полугоблина.

– Ты что, не понимаешь, тупой варвар?! – истошно завизжал тот. – Нас опять пытаются подписать на какую-то суету!

– Ты боишься?

– Я боюсь?! Нет, тля, я не боюсь! Просто мне сердце подсказывает, что мы там сдохнем! А если сердце подсказывает, что куда-то лучше не ходить, то лучше прислушаться к сво-

ему голосу трусости!

Плацента всегда слушал свой голос трусости. Это не раз спасало ему жизнь.

– Ладно, я сейчас подберу кого-нибудь другого, – сказал Бельзедор. – Извините, враги мои, но нам все же придется согласовать новые кандидатуры.

– Ох, опять какие-то проволоочки... – поморщился Локатели.

– Повремените с этим решением, о высокочтимые! – поспешно закудахтал Дрекозиус. – Мои добрые друзья просто немного растерялись в первый момент, но они совершенно не против, уверяю вас! Мы с радостью исполним все, что от нас ожидается, и смиренно будем ожидать достойной награды за наш труд... но даже если награды не последует, то уже само свершение доброго дела станет для нас величайшей наградой!

Медариэн окинул жреца грустным взглядом. Он слишком хорошо видел, насколько мало искренности в его словах.

Но также он видел, что стараться эти четверо будут изо всех сил. Далеко не из благородных побуждений, но они делают все, что им поручат. Они надеются на щедрый куш в случае успеха и прекрасно понимают, что им не удастся скрыться в случае попытки схитрить. Одного Бельзедора будет достаточно, чтобы достать их даже на луне.

– Хорошо, пусть эти индивиды разыщут Рваный Криабал, – заключила Галлерия. – Но постарайтесь спрятать его

получше. А то мы уже убедились, что Антикатиство заберет его у любого из нас.

– М-да, – отвел глаза Локателли. – Что уж самим себе врать. Осрамились мы. Оскандалились.

– Антикатиство – это враг, какого еще не было, – тихо произнес Медариэн.

– Да в том-то и проблема, что был, уже два раза, – язвительно произнес Локателли. – Давайте уж хоть в третий раз разберемся с ним окончательно, а? А то будут меня спрашивать внуки: дедушка Зодер, а почему мы такие мертвые? А что я им отвечу? А я им ничего не отвечу. Я тоже мертвый буду, а мертвые не разговаривают. Хотя, конечно, этот диалог если и состоится, то на том свете, а там я вполне себе разговорчивый буду... вам всем я, кстати, там все припомню, если не сумеете мою смерть предотвратить. Вы хоть представляете, какая это будет потеря для всего волшебного сообщества, если я погибну? Вам этого не простят. Без вас-то всех мир как-нибудь еще проживет, а вот без Зодера Локателли Мистерия осиротеет.

– Если Антикатиство преуспеет, никакой Мистерии тоже не останется, – напомнил Медариэн.

– Фух, хоть какое-то утешение, – вздохнул Локателли. – Некому будет по мне грустить.

– Не переживай, старик, на твоей могиле я тоже посажу кактусы, – пообещал Бельзедор.

Искатели Криабала тихонько совещались. Дрекозиус

быстро сумел убедить их, что в этот раз дело будет совсем легким. Просто охота за головой одного кобольда. У того, правда, есть Криабал, но в случае чего они просто вызовут Медариэна и предоставят разбираться ему.

А награда... с наградой пока неизвестно, но уж не обидят, наверное. Конечно, куш точно не будет таким огромным, как Криабал, так ведь и задача гораздо проще.

– Итак, с Рваным Криабалом мы определились, – кивнула Галлерия. – В общем-то, сам по себе он нам не нужен – просто нельзя допустить, чтобы его получил Антикати́сто. Мэтр Медариэ́н посвятит себя нашей пока что единственной надежде от него избавиться. Но я считаю, что этим ограничиваться нельзя. Нужно поискать и другие способы.

– Согласен с вами, бессмертная, – кивнул Локателли. – Бецалли боролся с Антикати́сто шестьсот лет назад – волшебная мысль с тех пор не стояла на месте. Я брошу все силы на поиски альтернативного способа уничтожить такого элементаля.

– А я обращусь за советом к миру духов, – пообещала Галлерия. – У меня немного болят чакры после атаки антимагов, но я постараюсь восстановиться побыстрее и сразу же приступлю к делу. Узнаю все возможное о Антикати́сто и Апофеозе. И если в тонких сферах есть кто-нибудь, кто сможет что-нибудь подсказать – я его найду. В конце концов, моя основная специальность – элементаристика.

– Я бы на это не рассчитывал, – сказал Бельзедор. – По-

сле победы над Антикати́сто никто не пытался искать новые способы его убить – зачем бы?.. А если бы что-то могли поведать духи, они бы поведали это еще в прошлый раз. Духам нет дела до живых, а элементали мыслят слишком инако.

– И что же ты предлагаешь? – осведомилась Галлерия. – Попросить помощи у богов?

– До них слишком сложно докричаться. Я предлагаю для начала понять, как Антикати́сто вернулся к жизни. В этом ключ к разгадке, как мне кажется.

– Разумное предложение, – кивнул Локателли. – Мэтр Танзен, не могли бы вы подойти?

Танзен, после своего рассказа вернувшийся в тень, снова вступил в круг света.

– И вы тоже, брат Массено, – попросил Локателли.

К волшебнику присоединился монах.

– Если остальные не возражают, я предлагаю поручить расследование этим двоим, – сказал Локателли. – Свою профессиональную пригодность они уже доказали.

– Я могу поручиться за брата Массено, – кивнул Медариэн.

– А мэтр Сарразен очень хорошо отозвался о мэтре Танзене, – добавил Локателли. – Бессмертная Лискардерасс, ваше мнение?..

– Агент Кустодиана, магистр Метаморфозиса и лидер оперативной тройки, – задумчиво произнесла Галлерия. – Монах Солары, солнцегляд-великосхимник и нунций Космода-

на. Нет, против них у меня нет возражений. Тем более, что они уже посвящены во все детали.

– В таком случае я выдам им свою печать, – заявил Бельзедор. – Открытый ордер на расследование в пределах Империи Зла и иных территорий, где боятся моего имени.

– Я присовокуплю свое кольцо, – сняла его с пальца Галлерия. – Оно откроет доступ к чему угодно на территории Эльфийского Содружества.

– Я тоже расширяю ваши полномочия, агент Танзен, – добавил Локателли. – Мистерия, порталные станции и любой официальный волшебник помогут вам в чем угодно.

– А кроме того, у брата Массено уже есть пайцза нунция, обеспечивающая всецелую поддержку церкви, – подытожил Медариэн. – Полагаю, этого хватит.

– Отчитываться будете непосредственно передо мной... нами, – сказал Локателли. – Запишите номер моего дальнотелескопа и будьте постоянно на связи.

Танзен посмотрел на Массено. Слепой монах не повернул головы, но его губы растянулись в слабой улыбке, а ладонь легла на Ктаву. Кажется, ему хотелось спросить у священной книги совета – Танзен уже знал об этой привычке солнцегляда.

– А в самом деле, что скажет нам Ктава? – спросил Медариэн, тоже внимательно глядевший на монаха.

Тот раскрыл книгу в медном переплете и прочел:

– *«Когда рушатся небеса, свои плечи должны подста-*

вить великаны».

– Потрясающе глубокомысленная чепуха, – кивнул Бельзедор. – Так и поступим. А теперь, напоследок, я хочу обсудить еще одну малость. Выйди на свет, Имрата Аэтернида...

Глава 10

4035 год до Н.Э.

Бриар взвесил на руке посох. Хороший баланс. Даже чуть лучше, чем у прежнего. В руке сидит еще не так привычно, но это понятно. Тем посохом Бриар пользовался без малого двести лет, а этот даже не доделал еще до конца.

Жаль, вернуть прежний так и не удалось. После побега из Бирюзового Холма сенат крепко разозлился. Три года Бриар Всемогущий провел в розыске. Его пытались представить воплощенным злом, самым страшным магиозом за всю историю Парифата.

Вышло у них не очень-то. Бежав из самой надежной тюрьмы в мире, Бриар удивительным образом стал для многих кумиром. По-настоящему впечатлил весь мир.

В особенности тем, что сделал это с помощью магии. Миллионы волшебников изнывали от желания узнать, как ему удалось превзойти короний. Что за волшебство унесло его оттуда.

И возвращаться в камеру Бриар не собирался. Это в первый раз он отправился туда добровольно. Когда еще верил в справедливость сената. Когда считал, что это просто формальность, что ситуация быстро разрешится.

Теперь же... попробуй-ка, арестуй Бриара Всемогущего, если он того не желает. Попробуй его хотя бы разыщи.

А у сената и без него хватало хлопот. Республика продолжала трещать по швам. Провинции бурлили все сильнее, граждане волновались, преступность росла. Многие ставили под вопрос уже саму идею республики. Спрашивали, так ли уж правильно она устроена, не пора ли перетряхнуть эту пыльную систему сверху донизу.

Власти не успевали латать дыры.

И в конце концов им надоело срамиться. Сенаторы решили сделать хорошую мину при плохой игре и объявили Бриара амнистированным. Но в качестве наказания за побег и отказ вернуться в руки правосудия – лишили его посоха. Торжественно сломали на специальной церемонии.

Казнили посох, не в силах казнить его хозяина.

Так что теперь Бриар делал новый. На этот раз не ивовый, а из драконьей кости. С серебряным набалдашником в виде черепа. Возможно, немного претенциозно, но очень стильно.

– Это будет хороший посох, – произнес он, нанося рунный узор. – Добротный.

За окном шумел народ. Набережная Асвальтура, одного из красивейших городов южного побережья Мирандии. Когда-то здесь была одна из провинций Империи Крови, и люди с закатом запирались по домам, надеясь, что сегодня изберут не их.

Теперь ночью жизни становится как бы не больше, чем днем. В жаркий полдень все лежат в тени, а вечером высыпают на улицы, радуясь свежему воздуху.

Бриар снимал здесь квартиру на втором этаже. Небольшую, не слишком роскошно обставленную – но он никогда и не тяготел к роскоши. С деньгами у него после заточения и побега было не густо, зато друзей осталось немало. Да и волшебная сила никуда не делась.

При желании Бриар мог наколдовать себе целый дворец. Скрыться на дне морском или сотворить летающий остров. Мог исчезнуть в одном из множества других миров и забыть навсегда о Парифатской республике.

Но он не собирался этого делать. Без республики Бриар себя не мыслил. Он не желал кинуться в эмиграции или уходить в отшельники.

Он еще не стар. Седина в волосах и бороде почти не заметна. Он крепок, бодр, энергичен и многое еще способен дать миру. Бриар собирался вновь реформировать саму систему волшебства – и зримое этого воплощение лежало сейчас на столе.

Шестьдесят лет назад именно Бриар придумал язык Каш. Простую, удобную и понятную систему, которой сейчас пользуются все волшебники. Парифат стоит на волшебстве, а волшебство стоит на языке Каш.

Но для своего нового проекта Бриар придумал новый язык. Никому не известный. Полностью с нуля.

Все дело в магии. Ее психологических ухабах. Ограничениях, порожденных сознанием. Когда-то волшебники составляли заклинания на древнем красивом языке – титано-

вой речи. А потом титанову речь стали знать все. Сейчас на ней говорит весь мир. Сейчас мало кто даже помнит, что изначально это язык титанов – его называют просто парифатским языком.

И он перестал годиться для заклинаний. Какое же это заклинание, если все понимают его смысл? В нем нет никакой загадочности, а по телу не пробегает мистическая дрожь.

И магия не работает.

Чтобы решить эту проблему, Бриар и создал язык Каш. Исключительно для волшебства. В принципе не годящийся для обыденной беседы, совершенно иначе устроенный.

Но... теперь и язык Каш тоже знают все. Не обыватели, конечно, но волшебники – все.

И теперь он тоже не так эффективен. Заклинания стали слабее. Все больше усилий приходится прилагать, чтобы они просто действовали как раньше.

Магия – довольно подлая вещь, которая требует таинственной атмосферы. Вычурных одежд и непонятных бормотаний. Чем она обыденней и доступней, тем больше в обществе чародеев, но и тем реже среди них встречаются по-настоящему великие. Волшебство из Искусства превращается в ремесло.

Так что этот новый язык Бриар держал в тайне ото всех и даже в определенном смысле от самого себя. Строго говоря, у него нет даже словаря. Бриар не стал придавать словам конкретные значения. Действовал по наитию, записывал

звукосочетания так, как казалось правильным.

Может показаться, что это старая добрая методика абракадабры. Составление заклинаний с помощью заведомой бессмыслицы. Но это не совсем так. В заклинаниях Бриара смысл есть.

Просто их язык... его понимают только они сами.

Разумные заклинания. С собственным сознанием. Живущие в страницах, в чернилах... и одновременно не существующие вовсе. Бриар все сильнее радовался открывающимся возможностям. День за днем переносил на бумагу все чары, что знал сам... а знал он их удивительно много!

– Уруки тагета ша остопира, – произнес Бриар, держа лист бумаги и карандаш. – Закина дара торота. Ас Остраго Мальфет ирта бока. Зурути.

Карандаш исчез. Через несколько минут зеркало на стене засветилось, и в нем появилось седовласое морщинистое лицо.

– Испытываешь на мне новые заклинания? – спросил он.

– Почему ты так решил? – делано удивился Бриар.

– А кто еще мог прислать мне старый карандаш?

– Как всегда проницателен, – отметил Бриар. – Но это не новое заклинание, это просто Письмо.

– К чему, в таком случае? Я бы предположил, что тебе захотелось надо мной подшутить, но шутку ты мог придумать и поизящнее. В чем смысл?

– Испытываю новую методику. Не хочешь заглянуть на

чашку какао?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Остраго. – Как насчет завтра?

– К чему откладывать? Давай сегодня.

– Не успею, – заглянул в Книгу Тайн Остраго. – Портал в Асвальтур через час, а мне еще сумку собрать и летадло вызвать. Портируюсь следующим, завтра.

– А еще ты можешь просто дать мне разрешение на призыв, – напомнил Бриар. – Я не буду использовать его без предупреждения, обещаю.

– Можно и так, конечно, – вздохнул Остраго.

Через минуту он стоял рядом с Бриаром и отряхивался. Остраго Мальфет, один из крупнейших философов Парифата, относился к тем опасливым людям, что не любят давать разрешение на призыв. Их нервирует знание того, что теперь тебя в любой момент могут сдернуть с места, перенести на другой конец света.

Конечно, разрешение можно в любой момент отозвать. Или просто не откликаться. Но это как-то невежливо. Сам разрешил, а теперь на попятную. Может быть, мы больше не друзья?

При этом сам Остраго призвать никого не мог, поскольку принадлежал к немогущим. Ему не подчинялись даже элементарнейшие заклинания, и приходилось обходиться артефактами.

– Так в чем там тонкость с этим Письмом? – спросил он,

отхлебнув сотворенного Бриаром какао. – Даже мне известно, что это заклятие базисного уровня. Что нового ты в него принес?

– В само заклинание – ничего. Принес в способ применения.

Бриар показал Острога стопку листов и объяснил, что это такое. Тот сразу заинтересовался.

– Я нужен тебе в качестве подопытного? – прищурился философ. – Хочешь проверить, сработает ли в руках немогущего?

– Нет, конечно! – делано возмутился Бриар. – Но если ты сам захочешь испытать – возражать не буду.

Острога усмехнулся. Еще немного полистав страницы, он убедился, что заклинания тут только самые обычные, широко распространенные. Бриар оттачивал метод на пустяках, но постепенно двигался к более сложным чарам.

– Любопытно, – произнес Острога, просмотрев страницы до конца. – А зачем такие подробные комментарии? Ты же и так знаешь, как что действует.

– Самому первому заклинанию уже четыре года, – ответил Бриар. – Суть я помню, конечно, но не слова-переменные. Мне так проще работать.

– И сколько всего ты уже создал заклинаний?.. где-то полсотни?.. Почему бы не сшить их в книгу?

– В книгу?.. – задумался Бриар. – Думаешь, нужно?..

– Но ты же не уделяешь каждому заклинанию отдельный

лист. Они начинаются на одном, продолжаются на другом... сшей их вместе. Будет неудобно, если перепутаются.

– Я стараюсь их структурировать, – показал Бриар. – Тут у меня элементаристика, тут – природное волшебство, тут – бытовые чары, тут – медицинская магия...

– Боевую не добавлял?

– Нет, пока только безвредное. Потом, возможно, обращусь и к боевой, и к психозрительской, и даже, может быть... впрочем, посмотрим. Возможно, это все-таки лишнее. А насчет книги... подумаю. Мысль интересная, но эта методика – просто промежуточный пункт. Я надеюсь с ее помощью дойти до универсального заклинания.

– И оно тоже будет действовать даже в руках немогущего? – внимательно посмотрел Острога.

– В этом цель.

– А ты не слишком круто замахнулся, Бриар? Ты в самом деле надеешься дать каждому гражданину силу творить все, что пожелается?

– Почему бы и нет? Чем немогущие хуже одаренных?

– Я не о моральной стороне вопроса. Я о том, что это звучит несколько... фантастично. Проектерски, я бы сказал.

– А вот это – не фантастично? – весело кивнул на стопку листов Бриар. – Смотри, сколько их. Возьми – и считай себя волшебником.

– У меня полно артефактов.

– Артефакты – вчерашний день. Мои заклинания – веч-

ные. Им не нужна мана. Они работают сами от себя.

– А их можешь создавать только ты или и другие одаренные? – спросил Остраго.

– Честно говоря, не знаю, – смутился Бриар. – Понимаешь, дружище, мне самому это кажется очень простым, но...

– Ты владеешь многими заклинаниями, которые никто еще не сумел повторить, – спокойно напомнил Остраго.

– Виновен. Не стану зря скромничать. Но я попробую научить других создавать криабалы.

– Криабалы?..

– Я так называю эти живые заклинания.

– Подожди, не объясняй, – задумался Остраго. – Язык Каш называется так, потому что заклинания там начинаются с объекта применения, а слово «каш» у тебя там означает «колдующий». Соответственно, это самое распространенное начало. А здесь, полагаю... хм... можно снова посмотреть текстовки?..

Остраго несколько минут листал страницы криабалов, пытаясь найти там это слово. Бриар смотрел на это с озорным блеском в глазах.

– Хорошо, нет, – сдался Остраго. – Может, это термин из какого-то языка? У тебя есть лингва для Книги Тайн? Я свою дома оставил.

Бриар молча указал на полочку с мелочами, где рядом с часоведом, укалывателем, чернильным набором и бинтальными каплями лежала переливающаяся лингва. Остраго оза-

рил свою Книгу Тайн и стал искать слово «криабал» по всем парифатским языкам – живым и мертвым.

В эльдуюльяне такого не нашлось. И в старом эльдуюльяне тоже. Не нашлось и в рупиане, на котором когда-то говорили перволюди и по сей день говорят в Человекии. И в драконьем не нашлось, и в языке великанов оксетунге, и в подгорном, и в тролльском, и в кобринском...

А в страбарском Остраго не стал даже искать – там вместо слов только гудение и пощелкивание.

– Паргоронский, возможно?.. – задумчиво произнес он. – Или сальванский?

– Ты идешь по ложному следу, предупреждаю, – насмешливо сказал Бриар.

– Литорея?.. – предположил Остраго. – Анаграмма?.. Цикадово бормотание?..

– Ты не догадаешься, – сжалился Бриар. – Это криптофазия.

– Криптофазия?.. – приподнял брови Остраго.

– Если помнишь, у меня был брат-близнец, Брокер. Когда мы были маленькими, у нас было что-то вроде собственного языка. Мы по-своему произносили обычные слова, коверкали их, искажали. Нам нравилось общаться на языке, который понимаем только мы двое. В общем-то, именно оттуда идут истоки моего языка Каш.

– И «криабал»...

– На нашем детском языке это означало «колдовать». Гла-

гол, вообще-то, но в нашем языке он был многогранным. Означал и магию как общее понятие, и отдельные заклинания, и их носители – гримуары...

– Ты всегда любил лингвистику, – задумчиво кивнул Остраго.

– Да, мне нравилось выдумывать новые языки, – улыбнулся Бриар. – Да и сейчас нравится. Это чем-то сродни составлению заклинаний.

– Интересный проект, – согласился Остраго, кладя на стол стопку бумаги. – Я буду ждать с нетерпением, когда ты доведешь его до конца. Но раз уж я здесь, скажи... а наш прошлый разговор ты обдумал?

Бриар замолчал, и на лицо его набежала тень. Великий волшебник подошел к окну и несколько секунд стоял молча.

Вот его внимание привлек цветок в волосах прелестной девушки. В глазах сверкнули веселые искры, Бриар сделал быстрое движение – и цветок переместился ему в руку. Девушка вздрогнула, поискала взглядом – и Бриар привнес себя ее зрению. Их разделяла целая улица, но Ярлыки сместились, стали почти совсем рядом. Девушка шутливо погрозила пальцем, Бриар покаянно всплеснул руками – и цветок обернулся целым букетом, который он тут же и переместил обратно.

– Мне нравится этот город, – разомкнул уста волшебник, провожая взглядом изящную фигурку. – Тут очень красиво, Остраго. Круглый год тепло, но не жарко. Морской воздух.

Красивые девушки. А ты видел, как цветут здесь каштаны?

– Видел. Я понимаю тебя, Бриар. Ты устал от политики.

– Устал, – честно признался Бриар.

– Хотя ты особо-то ей и не занимался никогда. Даже избегал, скорее.

– Если тебе вручили титул Всемогущего, выбора особого и нет, – сумрачно произнес Бриар. – Политика настигнет тебя – избегай ее или не избегай.

– И ты разочарован в демократии.

– Я не разочарован в ней. Я все еще считаю, что это хорошая система. Просто...

– Просто на практике она работает из рук вон плохо.

– Монархия работает еще хуже, – возразил Бриар. – До республики на Парифате были почти сплошь монархии. Империи. Кобринская империя, страбарская, арахнидская, эльфийская... Империю Крови мы с тобой сами помогли спровести на тот свет.

– Моя помощь была не слишком значительной, – усмехнулся Остраго.

– Но ты же воевал.

– Просто в общих рядах, как простой солдат. Я ничего особенного не сделал, не был ранен и не получил наград. Я не убил Кровавого Князя и не разрушил Шепельд.

Бриар отвел взгляд. Иногда он стеснялся своих достижений. Становилось неловко от мысли, что почти все окружающие глядят на него снизу вверх, разинув рот. Видят в нем

не живого человека, а мраморную статую, какой-то памятник самому себе.

– Все монархии доказали свою несостоятельность, – помолчав, сказал он. – Республика тоже далека от идеала, согласен, но это пока что лучшая система правления из нам известных.

– Не согласен, – покачал головой Остраго. – Я еще раз готов изложить тебе аргументы в пользу того, что лучшая система правления – абсолютная монархия.

– Кеннис... ты ведь его помнишь?..

– Но при одном условии! – вскинул палец Остраго. – Личность монарха. Во главе абсолютной монархии должен стоять индивид абсолютных достоинств. Он должен быть благ, мудр и справедлив, а кроме того – бессмертен и могуществен. При отсутствии одного из первых условий его правление будет ужасным. При отсутствии одного из вторых – конечным. Ибо даже самый достойный правитель рано или поздно умрет или будет свергнут.

– Я не такой индивид, Остраго, – устало ответил Бриар. – Я понимаю, к чему ты ведешь, но я... я не такой.

– Бриар, – терпеливо произнес философ. – Ты самый умный, честный и добрый среди моих знакомых... а у меня много знакомых, и среди них есть очень незаурядные! И ты величайший волшебник Парифата. Ты – самый очевидный кандидат.

– Мне не нужна власть. Я не хочу править.

– И это тоже делает тебя хорошим кандидатом. Тот, кто ищет власти, как правило, ее не достоин.

– Остраго, право же...

– Бриар, выслушай. Мне двести сорок лет. Ты на четверть века старше. При этом ты выглядишь всего лишь зрелым мужем, а я уже сед и мне все труднее просыпаться по утрам.

– Чепуха, ты еще крепок.

– Не надо, Бриар. Ты сам знаешь, что немогушие в среднем живут меньше одаренных. Если бы не эликсир, который я пью, от меня бы давно не осталось и праха. В то же время ты... как думаешь, сколько еще ты проживешь?

Бриар пожал плечами. Честно говоря, он вообще не соби-
рался стареть. Даже легкая проседь в его волосах была больше частью стиля. Ему нравились эти пряди, белое на черном.

– У тебя впереди полно времени, Бриар. А у меня нет. Возможно, я протяну еще лет тридцать, хотя дозу эликсира и приходится постоянно увеличивать. А возможно, уже через год-другой мою мумию уложат в гробницу. Я хочу увидеть перед смертью новый Парифат, Бриар. Лучше, чем нынешний.

– Ты так сильно веришь в меня? – растерянно спросил Бриар.

– Мои родители были беженцами из Империи Крови. Они жили под тиранией царя вампиров. Небо Мирандии круглый год было застлано тучами, Бриар. А ты это изменил. Не в одиночку, я знаю. Но посмотри правде в глаза – если не ты,

то кто? Ты видишь кого-то лучше? Я – нет.

Бриар отстукал пальцами барабанную дробь. Острога был искренен, он это чувствовал. Бриар не заглядывал в чужие умы без прямой просьбы, но поверхностный слой эмоций читал даже помимо своей воли.

И сейчас он слышал в речах Острога искреннее желание убедить. Старому философу в самом деле хотелось изменить Парифат. Не так, как хотел изменить его сам Бриар, не с помощью волшебного прогресса, а реформировать саму социальную структуру.

И во многом это перекликалось и с мыслями самого Бриара. Ему тоже иногда приходило в голову, что лучшим решением было бы просто взять все в свои руки. Он же прекрасно видел, насколько случайные и недалекие люди заседают порой в сенате. Помнил их неразумные решения – в том числе те, что едва не привели к гибели республики.

Причем Бриар всегда понимал их неразумность еще в самом начале. Ему это было очевидно. Он каждый раз с уверенностью мог сказать – это ошибка, надо действовать иначе. И его ужасно удивляло, что кроме него этого никто не замечает.

Может, и в самом деле будет лучше, если он сам начнет принимать такие решения.

– Ты убедил меня, мой друг, – произнес Бриар. – Но теперь осталось убедить республику. Это не обещает быть простым и быстрым делом.

– Дорога длиной в тысячу вспашек начинается с одного шага, – ответил Остраго. – Главное – сделать этот шаг.

Глава 11

Танзен и Массено шли по улице Алхимиков. Одной из самых длинных улиц Валестры, столицы Мистерии. По сторонам толком не глядели – Танзен знал город, как свои пять пальцев, а Массено вполне налюбовался на достопримечательности в прошлое посещение. Танзен был в своей форме № 50 (сорокалетний человек), Массено – в багровой рясе и повязке на глазах.

Отсюда, с Мистерии, расследование предложил начать Танзен. То есть, да, теперь они знают, что источник Тьмы Антикатиство – Хиард... но в Хиард просто так не нагрянешь и не спросишь. Возможно, проще попасть на луну, чем в эту тюрьму для бессмертных.

Остается искать ответы в прошлом. И в городе Мухзаза, родине Антикатиство, Массено уже побывал, ничего там не найдя. За столько веков от самого города-то осталось немного.

Что же до башни Антикатиство, то она ответов дала множество, но больше не даст ни одного. Да и к тому же она разрушена до основания самим же Антикатиство.

А вот в Мистерии... Радож Токхабаяж здесь учился. Здесь прожил много лет. Здесь стал магистром и профессором, а потом одну за другой получал премии Бриара всех трех степеней. Мистерия – настоящее сердце парифатского волшеб-

ства.

И теперь, когда они получили новую информацию, следует снова ее навестить.

Вчера Массено побывал у Танзена в гостях. Волшебнику требовалось прихватить какие-то вещицы. Монах с удовольствием познакомился с его престарелой матушкой и двумя доброжелательными горничными, а на следующее утро вернулся в Валестру верхом на виверне. Именно такое обличье приобрел агент Кустодиана, чтобы сократить путь.

– Хотите заглянуть в музей? – предложил Танзен, указывая на вывеску. – Там есть стенд, посвященный нашему общему знакомому.

– Стенд Антикати́сто? – удивился Массено.

– Да, он ведь важная часть нашей истории. Не то чтобы там было что-то, чего мы не знаем, но, знаете, иногда полезно взглянуть на очевидное свежим взглядом. Вы ведь не бывали в нашем научно-историческом музее?

– Не довелось.

– О, это интересно. И по утрам там обычно немного посетителей.

Посетителей и впрямь было немного. В огромном зале сидел один-единственный человек – пожилая билетерша. Она мазнула быстрым взглядом по Танзену, распознала в нем гражданина Мистерии и денег не спросила. Мазнула таким же по Массено, распознала гостя страны и предложила купить билет.

– Какое просторное здание, – вежливо прокомментировал монах. – Снаружи оно таким не казалось.

В музее Массено видел почти так же странно, как в библиотеке Клеверного Ансамбля. Пространство преломлялось, двоилось и троилось. Солнечное Зрение порой пасовало перед хитросплетениями чародеев-зодчих.

Но многочисленные картины и статуи это рассматривать не мешало. Крупнейший музей Мистерии собрал немислимых размеров коллекцию экспонатов. Здесь были как образцы современного искусства, так и очень древние, еще времен Парифатской империи.

Эти последние отличались монументальностью. Большая часть творений имперских скульпторов сгинула в пучине тысячелетий – до наших дней дожили только самые прочные, закаленные специальными чарами. Нержавеющие сплавы, особый чародейский камень и вещество, чей секрет поныне не раскрыт – архитектурный кристалл. В империи из него делали в основном элементы декора, но здания, наверное, выглядели потрясающе.

Остатки той старой архитектуры можно увидеть в каменных порталах и мертвых городах. Ее до сих пор хранит величественный Реликтаун. Но сейчас так строить не умеют. Даже волшебники Мистерии, вернувшие из небытия многие забытые знания.

Были в музее и природные диковины. Чучела и скелеты редких зверей, образцы минералов и совсем загадочные

предметы, что разыскивают по всему миру агенты Тезаро-квадики.

– Взгляните, это любопытно, – остановился перед большим стендом Танзен. – Остановленные стихии.

Массено чуть повернул угол зрения и с интересом рассмотрел ряды полок. Там застыли в неподвижности языки пламени, порывы ветра, слепящие молнии. Пойманные в поле застывшего времени, они навечно замерли здесь, на обозрении зевак.

Перед этим стендом публики было побольше, чем перед другими. Галдела группа детей, записывали что-то в книжечки студенты, стояла разинув рот престарелая пара паломников. Они часто посещают Мистерию, хоть этот остров и не может похвастаться святыми местами.

Многие сейчас, увы, совершают паломничества не ради поклонения реликвиям, не ради приобщения к сакральному, а просто так. Поглазеть на достопримечательности, послушать байки ушлых проводников, привезти друзьям подарки из далеких краев. Для этих целей Мистерия подходит не хуже, а в чем-то и лучше большинства святых мест.

Чего-чего, а достопримечательностей и подарков в этой стране хоть отбавляй.

– У этого стенда всегда полно народу, – прокомментировал Танзен. – Вон тех троих видите? Молодые метаморфы. Подыскивают себе новые формы.

– Молнии и огонь?.. – переспросил Массено.

– Ну да. Самый доступный способ снять с них матрицу. Я сам взял тут формы № 96 и № 97. Удобно же.

Стенд, посвященный Антикатиство, Танзен и Массено нашли в зале лауреатов премии Бриара. Точнее, таких залов в музее оказалось целых три – для третьей, второй и первой степеней.

У лауреатов третьей степени были даже не стенды, а крохотные полочки. Бюст, пара личных вещей и табличка с датами жизни и основными фактами. Неудивительно – ведь третью степень вручают каждый год, так что бюстов накопилось уже полторы тысячи. И этот зал был двухэтажным, с шеренгами стеллажей, как в библиотеке.

Лауреаты второй степени чувствовали себя вольготнее, занимая уже целые отделения. Их-то в десять раз меньше... точнее, в девять. Ведь вторую степень присваивают кому-то из обладателей третьей.

Ну а каждому лауреату первой степени выделили по сути отдельную комнатку. Пятнадцать штук – со статуей в полный рост, с подробной биографией, со множеством экспонатов.

Массено прогуливался по залу, читая имена мертвых и живых волшебников. Эльфийская дева Галлерия Лискардерасс – первая лауреатка премии Бриара первой степени. Карликовый тролль Данду, ставший первым председателем ученого совета. Инкромодох Мазетти, что обитает сейчас в библиотеке Клеверного Ансамбля. Трагично скончавшаяся Плезия Лиадонни. Бесподобная Ма Нери, вторая пред-

седательница ученого совета. Прандаксенгид, великан-отшельник, живущий сейчас где-то за облаками. Ордор Бецалли, третий председатель ученого совета, который ценой собственной жизни уничтожил Антикатиство. Радож Токхабаяж, которого все знают под другим именем. Лазурный дракон Уль-Шаам, четвертый председатель ученого совета. Освельдек Арминатти, пятый председатель ученого совета. Аристинда, покойная супруга Бельзедора. Огр Ябудаг, один из самых страшных магиозов в истории. Зодер Локателли, нынешний председатель ученого совета. Медариэн, величайший из добрых волшебников. Полудракон Хаштубал Огнерукый, сильнейший боевой маг.

– А когда объявят шестнадцатого? – с любопытством спросил монах.

– Через двадцать лет, – ответил Танзен. – В тридцать восьмом году.

– И кого именно? У вас есть предположения?

– У всех есть, – хмыкнул Танзен. – Имена следующих лауреатов – это самая благодатная тема для обсуждений. Даже насчет третьих и вторых степеней спорят иногда до хрипоты. А уж первая степень... я еще в институте обсуждал это с соучениками, святой отец. А это было полвека назад, когда до следующего многие еще не знали, доживут ли. Ну а сейчас, когда осталось уже не так долго...

– Так все-таки?

– Сложно сказать, – подумав, сказал Танзен. – Это будет

обладатель второй степени. Скорее всего, кто-то из уже получивших. Хотя вторую степень еще будут выдавать в следующем году и в двадцать восьмом – у них тоже будет шанс. Но если из уже получивших... нет, сложно сказать. Даректы, Ганцара, Чу, Альянетти... кто-то из них, наверное. Сейчас среди кандидатов нет кого-то, на голову превосходящего остальных, так что выбирать будут долго и трудно. Вот если бы Россильяни не сошел с ума, или Яркен не поставил себя вне закона... безумцам и магиозам премий не вручают, как вы понимаете.

– Сумасшедший гений Бельзедора... мэтр Курдамоль. Как вы считаете, он бы получил такую премию? Если забыть о том, что он... ну... безумец и магиоз одновременно.

– Наверняка, – без сомнений ответил Танзен. – Курдамоль Адоразы – один из самых одаренных волшебников-исследователей. У него бы наверняка уже была третья степень. Насчет второй вот не уверен.

– Почему он вообще стал работать на Темного Властелина? – задумался Массено. – Он не очень похож на злодея.

– А вы видели его исследования, святой отец? Среди волшебников нередко такие, кому знания важнее законов. Им кажется, что Мистерия заключает их в слишком жесткие рамки – и они ее покидают. Многие из них находят приют у Бельзедора – и это еще относительно безобидный вариант, скажу я вам. Потому что альтернатива... альтернатива вот.

Танзен и Массено стояли у стенда Токхабаяжа, восьмого

лауреата премии Бриара первой степени. Здесь высилась его статуя – того, каким он был при жизни. Заурядного довольно мужчины среднего роста и средних лет – смуглого, горбоносого, с высоким лбом и редкими волосами. В самой обычной одежде, в самой обычной обуви. Без посоха, без шляпы, без каких-либо иных аксессуаров.

Встретишь такого на улице – скользнешь равнодушным взглядом и тут же забудешь. Даже не подумаешь, что мимо прошел будущий Антикатисто.

Конечно, ничего нового они здесь не узнали. Массено уже видел портрет Токхабаяжа и читал его биографию. Даже несколько биографий. Но все же ознакомиться с его стендом в музее тоже оказалось нелишним.

Монах смотрел на его инструменты и личные вещи, на старую тунику, сандалии и набор для маноры, и размышлял о том, что ведь когда-то это существо было нормальным человеком. Талантливым волшебником. Исследователем. Искателем нового.

Смотрел – и пытался понять, что его побудило стать таким. Что заставило объявить войну всему волшебному миру. Почему он с таким маниакальным упорством это делает, что даже сумел возродиться из мертвых. И не единожды, а дважды. Или даже трижды, если верна теория Медариэна.

Очень важно понять побуждения того, с кем сражаешься. Главные враги солнцегляда – создания, что боятся лучей Золотой Императрицы. Ночные твари. Нечисть. Восставшие

труппы. Злые духи. Но даже среди тех, чьи души отравлены Тьмой, не бывает таких, что злы просто потому, что злы. Даже самыми ужасными существами движут какие-то чувства или помыслы.

Одни голодны и стремятся этот голод утолить. Другие обезумели и слепо разрушают все на своем пути. Третьи претерпели некую обиду и охвачены мстительной ненавистью. Четвертые имеют прибыль с бессмертной души и жаждут эту душу заполучить. Пятые извратились настолько, что испытывают удовольствие от чужих страданий.

А что движет Антикатиство?

Здесь, на стенде, об этом ничего не сообщалось. Да и вообще он был посвящен больше смертной жизни волшебника Токхабаяжа, а о том, кем тот стал, напрямую даже не говорилось. У чужестранного паломника вполне могло создаться впечатление, что сей ученый муж был не более чем талантливым чародеем-изыскателем, который просто совершил к концу жизни некоторую оплошность, за которую коллеги его дружески пожурили.

Подробности же... они оставались за кулисами.

– У нас не любят выливать помои из окон, – кисло заметил Танзен, смотревший на тот же стенд. – В этом музее часто бывают дети и иностранцы. Не нужно им знать, как иногда заканчивают волшебники. Ябудаг, Аристинда, даже Лиадонни... заметьте, как изящно в их биографиях обойдены неудобные моменты.

– До недавнего времени я даже не подозревал о том, что Антикатисто когда-то существовал, – согласился Массено. – Хотя, кажется, это не тайна. Мэтр Мазетти выдал мне множество книг о нем...

– Не тайна, конечно, – отвел взгляд Танзен. – Просто мы это не афишируем. Не хочется вспоминать лишний раз, знаете ли. Наверняка и в истории церкви есть эпизоды, которые вы предпочитаете не ворошить...

Массено ничего не ответил, но его молчание было красноречивей любых слов.

– Вот видите, – криво усмехнулся Танзен. – Мы не такие уж разные.

– Я никогда и не утверждал, что мы разные, мэтр.

– Конкретно вы, может, и не утверждали...

Мимо прошла группа школьников, и Танзен смолк. Дети остановились у соседнего стенда – Уль-Шаама, великого волшебника-дракона. Его статуя и впрямь была зрелищней всех – почти до потолка, с лазурной чешуей, ветвистыми рогами и длиннющими сомовыми усами. Бывший волшебник Радож Токхабаяж рядом с ней совершенно терялся.

– Пойдемте, – негромко предложил Танзен. – Вряд ли мы здесь что-нибудь почерпнем.

– Одну минуточку, – попросил Массено, опуская точку зрения и немного поворачивая угол. – Вот эти украшения... что это?

– Где?.. – переспросил Танзен. – А, это просто медальо-

ны, которые вручают лауреатам премии Бриара. Медный и серебряный – за третью и вторую степени. Золотой пропал, когда Токхабаяж стал Антикати́сто.

– То есть он носил только золотой?

– А все три никто не носит. Лауреаты второй степени ограничиваются серебряным, первой – золотым.

– Это просто памятные знаки или в них есть что-то особенное?

– Сейчас – просто украшения. Если в этих медальонах и есть какая-то магия, она исчезает после смерти владельца или получения им более высокой премии. Возможно, в них и изначально нет никакой магии, возможно, это просто памятный знак. Что-то вроде вашего кулона нунция.

Массено невольно коснулся священной пайцзы под рясой.

– Любопытно, – произнес он. – А нет ли какого-нибудь способа найти этот пропавший золотой медальон? Или хотя бы узнать, цел ли он все еще?

– Нету, – усмехнулся Танзен. – Наши историки из Тезаро-квадики за эти медальоны готовы собственные уши отдать. Даже за медные. А уж за золотые... если когда-нибудь найдете один из пропавших золотых медальонов, получите кучу орбов, святой отец.

– А что, их много пропало?

– Три. Еще пять по-прежнему носят владельцы и шесть здесь, в музее.

– А пятнадцатый? – быстро сосчитал Массено.

– Медальон Аристинды у Темного Властелина. Она же была его женой, вы знаете? После ее смерти он забрал его и отказался отдавать. Агенты Тезароквадики несколько раз пытались его выкрасть, но тщетно.

– Удивительное дело, – задумчиво кивнул Массено. – Выходит, Бельзедору тоже не чужды человеческие чувства.

– Не чужды... когда он не пытается разрушить Клеверный Ансамбль, – передернуло Танзена. – Я же вам рассказывал, святой отец? Кстати, его стенд здесь тоже есть, хотите взглянуть?

– Почту за великое удовольствие, мэтр.

Стенд Бельзедора располагался в другой секции... собственно, носящей его имя. Она была посвящена всей Империи Зла, ее истории, но называлась: «Бельзедор. Как с ним бороться».

Конечно, сюда Массено зашел уже из чистого любопытства. В Империи Зла он до недавнего времени не бывал, но знать о ней знал многое. Чрезвычайно богатая нечистой силой, эта страна всегда привлекала внимание солнцеглядов. Собратьев Массено там встретить не в диковину.

Но самого Бельзедора солнечные монахи истребить не пытаются. Ранее пытались, Массено о том знал, но не преуспели. Темный Властелин по природе своей не оказался созданием Тьмы, и Солнечное Зрение его не сразило.

– Антикатиство победил Бельзедора, – произнес Массено. – Убил его. Причем неоднократно, если верить словам

Темного Властелина. Однако он по-прежнему жив и здоров. Какими же средствами с ним борются волшебники?

– О, всевозможными, – ухмыльнулся Танзен. – Вы знаете, одно время в Кустодиане был целый отдел по борьбе с ним. Потом его сократили за явной безрезультатностью, но существовал он долго.

– И что же, они не нашли способа его убить?

– Почему, нашли. Множество. Целую картотеку составили. В общем-то, это совсем не сложно сделать, если предварительно уничтожить его Артефакт Силы. Без него Бельзедор ослабевает и становится уязвим. Его класс опасности ПОСС снижается с двадцатого до... до весьма умеренного. После этого его неоднократно убивали самые обычные люди, иногда не особо-то и хорошие бойцы. Крестьяне, пастухи... даже дети пару раз. Школяры. Главная проблема в том, что спустя какое-то время он возрождается из мертвых. Каждый раз. Возрождается – и очень быстро обзаводится новым Артефактом Силы.

– И ничего нельзя сделать?

– Мы так и не сумели расшифровать механизм его возрождения, – честно признался Танзен. – И принципы действия Артефакта Силы тоже. Мы даже не выяснили, сам он возвращается к жизни или его оживляют приспешники. Его управляющий сказал, что они воскресили его кровью слуги, плотью отца... не помню, чем еще, но он явно врал.

– Почему вы так уверены, мэтр?

– А вы ему верите?

– Не слишком сильно, но должна же быть какая-то причина, чтобы обвинять индивида во лжи. Нельзя делать это просто руководствуясь той логикой, что раз он служит злу, то обязан лгать каждой своей фразой.

– Справедливо, – согласился Танзен. – Я... не знаю, просто чутье. Я же агент Кустодиана, я умею распознавать ложь... хотя не с такими существами, конечно... Вы вот поняли, кто этот управляющий?

– Печати Тьмы на нем не было, – сказал Массено. – Я бы заметил. Он либо человек, либо нечто, с чем я раньше не сталкивался.

– Вот и я тоже не понял. Но он очень древний, так что точно не обычный человек. Возможно, именно в нем и кроется секрет возрождения Бельзедора... раньше я даже подозревал, что этот управляющий – и есть подлинный Темный Властелин, а тот, кого им считают, просто подставная фигура, которую меняют после каждой «гибели». Какой-нибудь тролль в черных доспехах.

– Больше вы так не думаете?

– Нет, я понял ошибку, как только увидел Бельзедора своими глазами, – слабо улыбнулся Танзен. – Он настоящий. Не знаю уж, что творится внутри его черепа, но он настоящий. И тоже очень-очень древний.

– Он ведь волшебник, верно? – спросил Массено. – Черный чародей?

– Он отлично умеет колдовать, это бесспорно. Но вообще он не волшебник... не в первую очередь. Или, по крайней мере, волшебник домистерийский. Собственно, без Бельзедора Мистерия и вовсе могла не возникнуть...

– В самом деле? – удивился Массено. – Почему же?

– А вы не знаете эту историю, святой отец? – обернулся Танзен. – Ну как же. Две с половиной тысячи лет назад Бельзедор пытался захватить весь мир. Не слышали?

– Насколько я знаю, он все время пытается это сделать, – вежливо заметил Массено.

– Да, но в тот раз он был особенно к этому близок. Ну вы же знаете, нет?..

– Кажется, это было на уроках древней истории, но детали из моей памяти истерлись. Не освежите ли?

– С удовольствием. Бельзедор хотел завоевать мир. Весь. И начал он с того же, чем сейчас занимается Антикатиство – с истребления волшебников. Они были единственными, кто мог ему противостоять. Но в те времена волшебники были разобщены. Их было гораздо меньше, чем сейчас, они были рассеяны по всему миру, многие были весьма могущественны, некоторые правили целыми странами и народами... но они были разобщены. Более того – они сами постоянно воевали друг с другом. И Бельзедор стал расправляться с ними поодиночке. Убивал одного за другим – и поодиночке они ничего не могли ему сделать. Да и мелкими группами тоже.

– И они объединились? – предположил Массено.

– Это было единственным выходом. На острове Мистерия в то время уже существовало что-то вроде общины волшебников. Здесь же когда-то располагался магический центр Парифатской империи, вы знаете? Сам остров получил название от какой-то древней волшебной школы. Поэтому именно здесь стоит один из трех улучшенных порталов, которым не нужна точка выхода. И поэтому именно сюда стали стекаться волшебники со всего мира. Сбиваться вокруг единственного тогда университета – Мистегральда. Кстати, и Бурый Криабал попал в Мистерию именно тогда – его принес один из беглецов. Мистерия в кратчайшие сроки превратилась в настоящую магическую крепость – волшебники собирали все силы в кулак, готовясь держать оборону против Бельзедора.

– И тот напал?

– Нет, – довольно ухмыльнулся Танзен. – Он совершил ошибку. Не заметил вовремя, что волшебники создают союз, продолжал истреблять тех, кто не присоединился. Поодиночке. А к тому моменту, когда неприсоединившиеся закончились, Мистерия уже накопила такую силу, что Бельзедор просто не посмел на нас нападать. Понял, что ему не победить. Так волшебники поняли, что в единстве – сила.

– Верно ли я понимаю, что в Мистерии эту историю знают даже маленькие дети? – уточнил Массено.

– Да, она одна из первых в «Хрестоматии для юных волшебников». Я, конечно, изложил только краткое содержание, вы понимаете. Но это реальное историческое событие. И

с тех самых пор в день Медного Осьминога Мистерия отмечает День Волшебного Единства. Общенародный праздник, между прочим.

– Непременно поздравлю вас с ним, если к тому времени мы еще будем действовать вместе. Но что же, собравшиеся в Мистерии волшебники так здесь и остались?

– Поначалу они сидели здесь, как в осажденной крепости, со дня на день ожидая прихода Бельзедора. Но это ожидание нападения так затянулось, что успело смениться целое поколение. Для детей беглецов Мистерия была уже родным домом, они не собирались никуда уезжать. Со временем волшебники перестали ждать войны и начали просто жить. Установилось что-то вроде негласного соглашения: Бельзедор не трогает Мистерию – волшебники не трогают Империю Зла.

– Но волшебники по-прежнему часто встрегают в дела Империи Зла, – напомнил Массено. – Добрый волшебник Медариэн...

– Бельзедор тоже встревает, – перебил Танзен. – Он постоянно засылает к нам своих агентов Зла, а изредка является и лично. Его Легионы Страх стабильно раз в столетие пробуют нас на прочность. Он все надеется, что мы ослабнем.

– Но сейчас мы союзники с этим чудовищем.

– Временные. И ненадежные. Антикатиство – враг более страшный, поэтому мы примем помощь темного лорда. Но я

бы на вашем месте ни на миг не терял бдительности, святой отец. Это все-таки Бельзедор.

Просветившись насчет основания Мистерии, брат Мас-сено стал как-то по-новому смотреть на эту страну. Конечно, он всегда знал, что остров волшебников – место особенное, во многом даже уникальное, но прежде это знание было несколько отвлеченным. А теперь, выйдя из музея, он смотрел на здания, на прохожих и понимал: вот, предки этих людей когда-то сбились в кучку, ища убежище, но из великой беды выросла великая держава.

Странная она, конечно, Мистерия. Необычная. Даже экономическая система здесь словно перевернута с ног на голову. Во всем мире большая часть населения – трудники. Пахари, пастухи, рыбаки, мастера. Простые индивиды, что растят хлеб, пасут скот, ловят рыбу, кладут кирпичи. Всякое войско состоит в основном из рядовых воинов.

А здесь наоборот. Все завязано на волшебстве. Единственный великий маг заменяет целое крестьянское село, целую артель каменщиков, целую рать копейщиков. Единственный великий маг способен прокормить, одеть и защитить множество ртов. Всякую черную работу здесь делают вообще не люди, а нежить, големы, разные духи и тому подобные волшебные существа.

Поэтому Мистерия издревле привлекала любителей пожить за чужой счет. Многим кажется, что здесь можно существовать на всем готовом, под боком у добрых чародеев. Но

это не так. Мистерия не любит прихлебателей и бездельников. Их монеты, орбы – это самые тяжелые и дорогие монеты в мире. Потому что и цены тут самые высокие в мире. Даже многие волшебники предпочитают покидать Мистерию и искать счастья в чужедальных королевствах – поскольку не могут заработать здесь на жизнь.

Что уж говорить о тех, кто колдовать не умеет?

Конечно, многие все-таки находят тут себе место. Занимаются торговлей, обслуживают и развлекают. Есть целая организация магохранителей – элитных воинов, охраняющих тех чародеев, что не уделяли внимания защитному волшебству. Универсальных магов не бывает – многим нужны лакеи, повара, возницы. Их дети нуждаются в нянях, учителях. Жалованья в Мистерии такие же высокие, как и цены, и если ты владеешь полезным здесь навыком – прокормиться сможешь.

Но лодыри тут долго не протягивают.

Поэтому Массено особенно удивился, увидев шествие «двадцать седьмых». Предвестники этого нерожденного божества шагали по улице, улыбаясь прохожим – а те хоть и смотрели без приязни, но не тревожились, стражу не звали.

– Это же культ Двадцать Седьмого, мэтр, – с недоумением произнес Массено.

– Они, верочумцы, – рассеянно ответил Танзен, изучая вывески. – Я уверен, что она была где-то здесь...

– Но разве у вас им позволено проповедовать свое учение?

– Позволено, – без энтузиазма ответил Танзен. – У нас разрешены любые культы, в том числе и ваш.

– Это несколько...

– Простите, не хотел обидеть, – спохватился Танзен. – Я просто имею в виду, что мы не придаем этому значения. Пока вы не причиняете никому вреда – можете поклоняться кому хотите.

– Но «двадцать седьмые»...

– От них много хлопот, – признал Танзен. – Я сам с ними дела не имел, но вообще для Кустодиана они головная боль. Все время творят какую-то кирню. Но сама принадлежность к «двадцать седьмым» не противозаконна, наказываем только виновных в чем-то конкретном. Говорят, даже их лидер проживает где-то в Мистерии, но это неподтвержденные слухи... а, вот она!

Массено и Танзен стояли перед темно-фиолетовым зданием в форме причудливого конуса. Как будто расплывшийся цилиндр увенчали высокой ведьминской шляпой. Зажатый с двух сторон более высокими зданиями, он действительно не сразу бросался в глаза, да и вывески на дверях не было – висел только странный знак, похожий на дымящийся череп.

– Зайдем, святой отец? – предложил Танзен. – Ненадолго.

– А что это за место?

– Духоводческая контора. Хочу побеседовать со старыми друзьями.

– Называйся это место как-то иначе, я бы предположил,

что они тут работают, но в данном случае... они мертвы, не так ли?

– К сожалению, – мрачно ответил Танзен. – Их убил Антикатиство.

Глава 12

Плацента, насвистывая, шагал по улице. В городе Бриарогене ему почти что нравилось. Конечно, тут полно всяких мразей и нужно постоянно приглядывать за кошельком, зато дышится как-то... вольготнее. Нечего опасаться, что если тебя застукают за честным мастерством щипача, то отправят на виселицу. Схватят за руку – будешь иметь дело с тем, кому залез в карман. И тут уж на чьей стороне удача – ты его или он тебя.

Так гораздо правильнее. Справедливее. Кто ловчее, тот и живет дальше. А если неуклюжий дурак – ну кто тебе виноват-то? Не будь таким.

Еще Плаценте очень нравилось, что в Бриарогене почти нет растений. Он не видел никакой нужды в этих бесполезных штуках, торчащих из земли. Дома, в убогом городишке Пайнк, их норовили воткнуть на каждый свободный пятачок, хотя большую часть года они даже не были одеты в листву. В Эрдезии холодно.

Но нет же. Отец Суйм, прозванный Бешеным Святошей, никому не позволял рубить эти кировы деревья. Даже когда люди мерзли, даже когда не имели дров, чтобы приготовить похлебку, – запрещал. Деревья были ему дороже людей. Этому гнойному ублюдскому старику с его гнойными ублюдскими проповедями.

Хотя кое-что все-таки и в Бриарогене тоже росло. Какое-то уродское дерьмо с шипами. Но его, кажется, никто не сажал и даже пытались вырубать – хотя и без особого успеха. Дерьмо шипело, извивалось и отнимало топоры.

Плацента с интересом остановился поодаль и стал смотреть на одного такого дровосека. Похоже, шипастое дерьмо выросло прямо рядом с его домом – и либо оно сделало это очень быстро, либо дровосек был редким чечпоком и не обращал ни на что внимания, пока ему не постучали в окно. Теперь он наскакивал на шипастое дерьмо, махал топором, орал... потом лишился топора и пугливо отскочил.

Но далеко не ушел. Чуток поразмыслив, бедолага набрал камней и принялся кидаться ими... но тоже зря. Дерьмо ловко ловило их на лету и бросало обратно – причем куда точнее. Второй же камень угодил дровосеку точно в лоб, и тот упал без сознания.

Плацента подбежал и сделал то, что сделал бы на его месте любой – принялся шарить по карманам. Но не успел он еще ничего там найти, как раздались крики, свист, звон колокольчика.

– А ну, стоять, ворюга! – донесся гневный рев. – Ах ты!..

Плацента вскинулся, выхватил двуручный кинжал – но ему в лицо уже летела тяжелая дубинка. Троль в медных доспехах накинулся на полугоблина – и тот едва успел отпрыгнуть назад. Там его чуть было не схватило шипастое дерьмо – но и от него Плацента ускользнул.

Тем временем тролль наклонился и сам стал обшаривать карманы дровосека. Плацента попытался его пырнуть, но тролль резко обернулся и погрозил огромным кулачищем. Оценив мозоли на его костяшках, полугоблин решил не искушать судьбу.

Тем более, что его не за этим послали. Жирный жрец и остальные придурки попросили его сходить к условленному месту. Сами-то испугались соваться в трущобы Бриарогена. Решили, что глупо лезть в кадушку с помоями, если можно макнуть туда полугоблина.

Ну и пошли они в анналы. Плацента даже и не возражал – его только порадовало, что он хоть пару часов не будет видеть их тупых рож. Он бы вообще предпочел свалить куда-нибудь подальше, но его заинтересовала награда, обещанная лордом Бельзедором. Сумму не назвали, правда, но Плацента лучше всех знал, что если сумму не называют – она точно не разочарует.

Ну или лорд Бельзедор вообще не собирается им платить, а просто убьет потом всех четверых. Плацента бы на его месте так и поступил. Но то Плацента, а то Темный Властелин. Ему служат блеванные миллионы таких, как Плацента. И если он содержит такую тьму никчемных уродов – почему бы ему не содержать и еще нескольких?

Придя к такому умозаключению, Плацента свернул за угол и медленно пошел вдоль биржи уличных извозчиков. Десятки их скучали здесь на козлах, а еще несколько карет

просто стояли пусты. Из одной выволакивали труп.

Но вообще-то оставлять в Бриарогене карету без присмотра – не очень умно. Конокрады не дремлют. Прямо на глазах Плаценты к еще одной карете подкрался подозрительный тип в маске и с приклеенными усами, уселся на облучок, взялся за вожжи... и лошади обернулись к нему с кровожадным оскалом.

А карета тут же исказилась, вытянулась... и как будто сглотнула конокрада. Просто слизнула деревянным языком. Тот не успел даже вскрикнуть.

– Хе-хе, – произнес Плацента, подходя к вехоту. – Хе-хе.

– Какие новости? – спросил демон-возница. – Вас долго не было. Я уже думал, что вы сгинули.

– Не, мы живые пока что. Все. Ты хорошо, что нас не бросил.

– Да вообще-то, я тут просто кормлюсь, – равнодушно ответил вехот. – Это большой город, где много сомнительных личностей, которых никто не хватится. Это уже третий конокрад за сегодня.

– Смотри не разжирей, тля, – сплюнул Плацента. – А то летать не сможешь.

Что конокрады пытались украсть именно вехота – полугоблин не удивился. Демон замаскировался под дорогую карету, золоченую. Коней соорудил породистых, холеных. И даже как-то соблазнительно поскрипывал дверцей. Вот, мол, забыли растяпы запереть, только и ждет добыча нового хо-

зяина.

Возможно, ему попадались не только конокрады, но и просто воры. Те, что залезали в карету в поисках оставленных вещей. Но Плацента не стал расспрашивать. Только сделал мысленно отметку – впредь заговаривать с лошадьми перед тем, как залезать в чужие повозки.

Вехот без особого удивления принял известие о том, что теперь они работают на Темного Властелина. Но сразу же задал резонный вопрос – а как изменится его вознаграждение? Он вступил в концессию на равных правах с остальными, ожидая получить двадцать процентов от добычи – полностью собранного Криабала. Что он получит теперь?

– Если все пройдет гладко – то же самое и получишь, – пообещал Плацента, мерзко ухмыляясь. – Мы со святошей и Джи-Джи обкашляли. Они там пусть дерутся с этой черной кирней, если им хочется, а мы под шумок приберем Криабалы, тля.

– А если не удастся?

– А у нас с самого начала не браакх торргхе прогулка была! – окрысился Плацента. – Не хочешь дальше нас возить – вали на кир и в норку, кишка блеваная!

– Почему за мной послали именно тебя? – прищурился вехот, превращаясь в ездового осла. Так он выглядел менее подозрительно рядом с грязным полугоблином.

– Потому что я ярыть какой облеваный дипломат, – сплюнул Плацента. – По мне не видно, тля?

– Что облеваный – видно. Насчет дипломата не знаю.

– Я, вообще-то, мозг нашей операции, тля, – фыркнул Плацента. – Интеллектуальный лидер.

– В самом деле?.. – с иронией спросил вехот.

– Да без меня бы всего этого вообще бы не было! Ты вот знаешь, кто уговорил тупого брых варвара не продавать ту блеваную бумажку?! Я, тля! И с Жи-Жи его тоже свел я! И из подземелья всех спас я! Я – главный герой этой истории! Я в центре событий!

И вся награда тоже должна достаться ему. Так Плацента подумал, но вслух говорить не стал.

Остальные искатели Криабала очень обрадовались вехоту. Они на самом деле не особо-то и рассчитывали, что тот их все еще ждет – просто послали Плаценту проверить на всякий случай. Джиданна была абсолютно уверена, что вехот давно улетел, и полугоблин тоже сбежит, едва окажется наедине сам с собой... но против этого она ничуть не возражала.

Но нет, вернулись оба. Удивительно... и чуточку разочаровывает.

– О, как же мы все счастливы видеть тебя в добром здравии, благородный зверь! – раскинул объятия Дрекозиус. – Я ведь не ошибаюсь, это ведь в самом деле ты, наш старый товарищ? Это ты скрываешься под обличьем этого невзрачного, непримечательного, но по-своему милого ослика?

– Иа-а!.. – глумливо заревел вехот. – Иа-а!..

– Ты обманул?... – навис над Плацентой Мектиг.

– Стойте, это он, это он!.. – заорал полугоблин. – Тля, да прекрати ты реветь, как осел!!!

– Это он, – хмуро произнесла Джиданна, рассматривая ауру демона.

Мектиг убрал руку.

– Я запомню, какие вы глиномесы, – скрипнул зубами Плацента. – Даже если вам просто покажется, что я ошибся, вы сразу налетаете, как стервятники. Только и ждете повода меня разорвать, тля.

Вехот издал насмешливое фыркание и превратился в самого себя – огромного мохнатого зверя о двенадцати лапах и с каретной дверцей в боку. Строго говоря, это не было его истинным обликом – у вехотов такого просто-напросто нет. Но так он выглядел, когда ни подо что не маскировался.

– Куда мне вас доставить? – спросил он.

– Благо... мудры... эм... великий лорд Бельзедор портирует нас на континент Джария, – сказал Дрекозиус. – Там нам предстоит отыскать одного кобольда... тебе известно, кто такие кобольды, о добрый зверь?

– Даже когда я наргы с ездовыми собаками, у меня нет хорошего чутья, – сказал вехот. – Если вы хотите кого-нибудь разыскать, возьмите лучше у Бельзедора паргоронского пса. У него их целый выводок, я точно знаю.

– Нет-нет, мы не ждем от тебя ничего подобного, – заверил его Дрекозиус. – К сожалению, у нас нет ничего, что

хранило бы запах этого существа. Нам от тебя потребуются только крылья и острое зрение... хотя острое зрение уже необязательно. Могущественный владыка, которого лично я всегда безмерно уважал, снабдил нас всем необходимым.

Мектиг уже грузил в брюхо вехота припасы. Еду, одежду, постели, оружие. Из вещевого мешка торчало целых три подзорных трубы, причем две – зачарованные. Отдельно лежал каравай сладкого хлеба, который всучил Дрекозиусу один из приспешников Бельзедора.

Отказаться было неудобно, но есть его никто не собирался.

– Вы готовы? – подошел к искателям Криабала сам Темный Властелин. – Я буду приглядывать за вами через Всевидящее Око, так что не надейтесь сбежать с Криабалом. Помните, что предателей я отыщу где угодно, и пощады они не получают.

– О, вам не стоит беспокоиться! – только что не завилял хвостом Дрекозиус. – Верьте, верьте нам – мы и сами заинтересованы в том, чтобы точно и скоро исполнить ваше напутствие! Ведь ужас, кошмарный ужас настигнет весь Парифат, если мы потерпим неудачу, и Антикатиство победит! Кто останется в стороне от такого, кто отвернется, не протянет руку помощи?! Не мы, Властелин, только не мы!

Джиданна издала неопределенный звук, глядя сидящую на плече белку. Мектиг угрюмо кивнул.

Хотя дармаг, честно говоря, еще не до конца понимал, ку-

да и зачем они отправляются. Колесики в его голове крутились чуть медленнее, чем у остальных, а события в последнее время развивались ну очень уж стремительно.

Но он не слишком волновался. Мектига дико раздражал Плацента, он с трудом улавливал смысл словесных кружев Дрекозиуса и испытывал смешанные чувства при виде Джиданны... но главное, что эти трое бились с ним плечо к плечу. Даже Плацента, хоть и проявлял регулярно подлость, но зла все же против своих не умышлял и даже спас их из темницы Бельзедора. Рисковал жизнью, но вернулся.

Так что Мектиг предоставил принимать решения остальным. А он будет махать секирой. Убивать тех, на кого покажут. Он всегда так жил. Когда был хирдманном конунга и когда был вольным охотником за головами.

К искателям Криабала подошла проститься Имрата. Здесь их пути расходились. В разговоре Бельзедора, Медариэна, Галлерии и Локателли она слышала имя Аэтернуса, своего отца. Узнала доподлинно, что тот жив и здоров. И собиралась теперь домой – на остров, что когда-то назывался Алмазным Раем, а теперь зовется Алмазным Бастионом.

– Вы странные создания, – сказала титанида, по очереди касаясь плеч искателей. – Вы некрасивы, часто изрекаете ложь и плохо пахнете. Я вряд ли буду вспоминать вас добром. Но я все же благодарна за спасение из ледяной глыбы и заботу обо мне... надеюсь, с вашей стороны это была именно забота.

– Даже не сомневайся, дочь моя, – стиснул ее руки Дрекозиус. – Хотя мы и всего лишь ничтожные смертные, но я и мои товарищи искренне старались помочь тебе освоиться в этом новом, чуждом и холодном для тебя мире. В нем бывает нелегко существовать, будучи наивным и прямолинейным созданием.

Джиданна изумленно повернулась к жрецу. Ей показалось, или он впрямь не слишком старательно завуалировал оскорбление? Неужели слова этой огромной девицы его задели?..

Впрочем, Имрата как раз ничего не заметила. Она еще раз поблагодарила тех, с кем недолгое время путешествовала, и направилась к portalу. Тот как раз открылся в Алмазный Бастион, и у каменной опоры стоял сам лорд Бельзедор. Остановившись в шаге от переливающей занавеси, титанида взглянула ему в лицо и гордо произнесла:

– Сейчас я оставлю тебя, о презреннейший. Но клянусь ихором, что течет в моих жилах, я не успокоюсь, пока не убью тебя и не разрушу твой замок!

– Ну убьешь ты меня, – пожал плечами Бельзедор. – А дальше что?

– А дальше я буду нести по всему миру правосудие, везде карая зло и помогая невинным!

– О-о, похоже, ты нашла свой жребий. Поздравляю.

– Да что ты знаешь о титановых жребиях?! – вспыхнула Имрата.

– Больше, чем ты думаешь, – холодно ответил Бельзедор.

– Ты, наглый... ты... ты... а ты, кстати, кто?.. Ты слишком высокий для человека. И можешь становиться огромным. Ты волшебник?.. Или... ты... ты... не может быть! Ты... ты не можешь быть... это... это... это невозможно!!!

– Буду с нетерпением ждать следующей встречи, – пообещал Бельзедор. – Надеюсь, мы еще станем с тобой заклятыми врагами.

Имрата еще какой-то миг колебалась, недоверчиво глядя на Темного Властелина, но больше все же не произнесла ни слова. Она шагнула в портал – и тот закрылся за ее спиной.

– Так, девку спровадили, – шмыгнул носом Плацента. – А мы когда?

– Будь терпеливее, сын мой, – укорил его Дрекозиус. – Всеу свой черед, всеу свое время.

Впрочем, ждать им пришлось недолго. Портальные служители быстро его перенастроили, и Бельзедор велел поторапливаться. Даже Темный Властелин не может слишком долго прерывать обычную работу портала.

И пауза-то возникла совсем короткая, а толпа ожидающих заметно размножилась, и многие были недовольны, поскольку расписание сильно сместилось. Следующие несколько открытий будут сокращенными, путникам придется бежать сломя голову – а им и так дается мало времени, чтобы пройти сквозь каменную арку.

Так что уже через минуту вехот пролетел через портал.

В своем натуральном демонском обличье, не маскируясь. Здесь Империя Зла, здесь демонам можно не скрываться.

Как и всегда бывает при портировании, искателей Криабала на миг накрыло замешательство. Небо и земля словно поменялись местами, в глазах потемнело, головы закружились. Но прошло это так же быстро, как и накатило – все четверо переносили портирование нормально.

В этот раз на другой стороне их не ожидала точно такая же порталная станция, как бывает обычно. Бельзедор распахнул выход из портала высоко над землей, где-то над Синими горами, что занимают добрую треть континента Джария. Где-то здесь, среди бесчисленных каменных пиков, им предстоит разыскать одного маленького кобольда, о котором известно только то, что он кобольд.

Конечно, их не послали обшаривать миллионы пашен вслепую. Поисковая магия не может обнаружить Криабал и того, кто им владеет, но есть же и другие способы, окольные.

Один такой окольный способ Бельзедор и выдал Джиданне. Ларец Миллиона Мошек. Артефакт, содержащий множество настолько малых насекомых, что их сложно даже различить без толстой линзы.

Артефакт потом придется вернуть. Бельзедор создал его сам, запечатав в ларце кусочек одного из демолордов Паргорона. Именно его все еще живая сущность и порождала этих созданий.

И сейчас Джиданна его открыла. Ей, выпускнице Унио-

ниса, было нетрудно работать с подобными чарами. Она вошла в унисон с крошечными мошками и дала общую команду – разлететься как можно шире и искать кобольда. В этих краях они редко встречаются на поверхности земли, так что перепутать будет сложно.

Джиданна попыталась еще и взглянуть на мир миллионными глазами сразу, но ей такшибануло по мозгам, что волшебница едва не упала. Она слишком себя переоценила, решив, что осилит такое рассредоточение сознания. Довольно и того, что мошки повинуются ее приказам.

И это было не единственное средство. Плаценте, самому зоркому, закапали в глаза волшебные капли Все-Вижу. Полугоблин дико заорал и едва не выпал наружу, когда земля, горы и облака стали вдруг придвигаться прямо к его носу, но через минуту-другую притерпелся и только старался не вертеть резко головой. Его усадили у окна и велели глядеть в оба, пока вехот бороздит просторы Яминии, Таврии и Грифонии.

– За это все я хочу увеличенную долю, тля! – потребовал Плацента. – Криабалов восемь, да?.. А нас пятеро. Вам четверым по одному, а остальные мне! Так будет справедливо!

– Сын мой, боюсь, что пока что у нас есть некоторая возможность заполучить только один-единственный Криабал, Рванный, – чопорно заметил Дрекозиус. – Да и на тот не следует слишком уж разевать рот – нам придется передать его злокозненному Темному Властелину. Увы, увы, мы не в том

положении, чтобы надеяться обмануть его.

— К тому же держать его у себя будет слишком опасно, — добавила Джиданна. — Вы не знаете, кто такой Антикати-сто. Если у него теперь оглавление и титульный лист, Рванный Криабал он найдет быстро. И он нужен ему сильнее всех, так что медлить он точно не будет.

— Тля, — поморщился Плацента.

— Насколько он сложный? — пробасил Мектиг.

— Антикатиство?... — догадалась Джиданна. — Даже не представляю. Шкалу ПОСС ввели в обиход всего лет триста назад, Антикатиство погиб задолго до этого, так что его там нет. Но если прикинуть на глазок... думаю, у него двадцать первый класс. А если с Криабалом... возможно, даже двадцать второй...

Мектиг задумался. Он помнил, что у него самого то ли четвертый, то ли пятый класс. У Имраты был двенадцатый. У Бельзедора двадцатый. Двенадцать минус пять — это много. Двадцать минус двенадцать — это еще больше.

Но двадцать один минус двадцать — это всего один. Настолько уж арифметику Мектиг знал. Получается, что между Бельзедором и Антикатиство совсем маленькая разница? Но почему же тогда Бельзедор все время ему проигрывал? У демона-нехедраха был восьмой класс — и его они вчетвером победили, хотя бой и был непростым.

— Как эта шкала устроена? — спросил наконец Мектиг. — Объясни.

– Зачем? – не поняла Джиданна.

– Мне интересно.

– Правда?.. – с сомнением посмотрела волшебница. – Ну ладно. Принцип довольно простой. Геометрическая прогрессия, каждый следующий класс однозначно сильнее предыдущего. Причем начинается не с первого уровня, а с нулевого. Нулевой – это те, кто вообще не способен толком за себя постоять. Дети. Калеки. Немощные старики. Небольшие безобидные животные. Те, кто для взрослого человека практически безопасен. Взрослый здоровый человек был взят за образец, условную единицу.

– Действительно, кого же еще брать? – подал голос вехот.

– Шкалу составляли люди, – пожал плечами Джиданна. – Уж извини, что они не взяли за основу вехотов. У вас там, кстати, седьмой класс.

– Не так уж мало, – усмехнулся вехот. – У большинства людей первый.

– Да, первый класс – это условная единица. Обычный невооруженный человек среднего роста, силы и телосложения без каких-либо особых способностей. Такой, как наш святой отец, думаю.

– Каюсь, дочь моя, сокрушенно каюсь, – развел руками Дрекозиус. – Я, грешный, так и не сподобился обучиться владеть оружием. Божьему служителю это без надобности.

– А дальше? – спросил Мектиг.

– Второй класс – это человек с холодным оружием, но без

боевых навыков. Новобранец, ополченец. Любое холодное оружие – это плюс один класс. Дай крестьянину в руки хотя бы вилы, и он из первого класса перейдет во второй.

– А третий?

– Третий класс – это человек с холодным оружием и боевыми навыками. Профессиональный воин. У Плаценты, судя по всему, третий класс, хотя он редко это показывает.

– Иди на кир, тля, – беззлобно огрызнулся глядящий в окно полугоблин. – У меня четвертый.

– Не думаю, – усомнилась Джиданна.

– Дальше, – пробасил Мектиг.

– Четвертый класс – это хороший воин с большим боевым опытом. Мастер. Ветеран. Возможно, у тебя именно четвертый класс, я не уверена. Возможно, у тебя все-таки пятый. Мне кажется, ты где-то посередине, классы бывают и дробные. На самом деле, они вообще почти никогда не бывают целыми – это просто большое приближение для обиходных целей. Специалисты ПОСС могут давать оценки до сотых долей, но я не специалист, поэтому просто прикидываю на глазок.

– А кого принято причислять к пятому классу, дочь моя? – вежливо спросил Дрекозиус.

– Пятый класс – героический. Лучшие из лучших. Чемпионы. Бойцы, способные в одиночку выходить против десятых – и побеждать. И пятый класс – это максимальный, которого может достичь обыкновенный человек с обыкновен-

ным холодным оружием. Дальше уже нужна магия, Сущности, артефакты, зачарованное оружие, гномьи жахатели или еще что-нибудь эдакое.

– А берсеркия? – спросил Мектиг. – Какой у меня, когда я берсерк?

– Отрицательный, – гыгыкнул Плацента. – Ты ж лемминг! Ты сам себя убить пытаешься!

– А если оружия нет – больше первого класса ваша классификация не присудит? – торопливо спросил жрец, видя набухающие желваки дармага.

– Боевые навыки – это тоже плюс один класс, – объяснила Джиданна. – Даже если это навыки рукопашного боя. Но до пятого класса простому безоружному бойцу не подняться, его потолок – четвертый.

– А если я тролль? – осведомился Плацента. – Тролль без оружия и человек без оружия – это, тля, совсем разные без оружия!

– С первого класса начинают люди и примерно им равные, – хмуро объяснила Джиданна. – Но разные виды оцениваются по-разному. Безоружным гоблинам дают только половинку, зато тролли начинают сразу с третьего класса. Огры – с четвертого. Великаны – с пятого.

– А волшебники?

– С волшебниками вообще все индивидуально. Мы очень разные, надо оценивать по конкретным способностям. Но если брать условно, в среднем, то студиозы и практиканты счи-

таются вторым классом, бакалавры и специалисты – третьим, а лиценциаты – четвертым.

– У тебя четвертый класс? – уточнил Мектиг.

– Наверное, – пожала плечами Джиданна. – Я не знаю. Это условная шкала, приблизительная.

– Скажи-ка, дочь моя, а верно ли я понимаю, что и в дальнейшем волшебники получают классы сложности в соответствии со своими титулами? – спросил внимательно слушающий Дрекозиус. – У магистра пятый класс, у профессора шестой...

– Неверно, – мотнула головой Джиданна. – Дальше разрывы увеличиваются. Лиценциат – это уже не строго четвертый класс, а с четвертого по пятый, в зависимости от опыта и навыков. Магистр – с шестого по восьмой. Профессор – с девятого по одиннадцатый. Лауреат третьей степени – с двенадцатого по четырнадцатый. Второй – с пятнадцатого по семнадцатый. А первой степени – с восемнадцатого по двадцатый.

Мектиг, Плацента, Дрекозиус и даже вехот слушали с любопытством. Собственно, в Шиассе Джиданна уже излагала суть шкалы ПОСС, но там было как-то не до подробностей.

Совсем другое дело – здесь. Их полет тянется уже больше двух часов и продлится еще неизвестно сколько. Высматривание кобольда, который запросто может где-нибудь прятаться или вообще быть мертв, обещает затянуться. А узнать, насколько сложным противником конкретно тебя

считают волшебники Мистерии – довольно-таки интересно.

Особенно это было интересно Мектигу. Обычно очень немногословный, сейчас он то и дело открывал рот. Называл все новых врагов, с которыми сражался, и спрашивал, какое у них место на шкале ПОСС. Втайне ему хотелось припомнить кого-нибудь с действительно высоким классом. Больше восьмого, который был у чудовищного нехедраха.

Но его ждало разочарование. Вероятно, его личным рекордом оказался морозный червь – жуткая тварь, роющая норы в мерзлоте Пустоземья. Морозный червь насыляет страх и галлюцинации, и по шкале ПОСС имеет седьмой класс сложности.

Джиданну сильно удивило, что Мектиг одолел его в одиночку.

– Условно высшим классом среди точно измеряемых считается двадцатый, – подытожила Джиданна. – Именно такой класс у большинства паргоронских демолордов, величайших волшебников, лорда Бельзедора и Катимбера. Выше двадцатого – это уже божественный уровень, и там даже лучшие специалисты ПОСС не осмеливаются давать точные оценки.

– И все же я не понимаю одного момента, – задумчиво произнес Дрекозиус. – Ты утверждаешь, что каждый следующий шаг шкалы ПОСС однозначно сильнее предыдущего. Геометрическая прогрессия. Предположим, вдвое... можно это предположить?..

– Там нет четкого знаменателя, но можно грубо прини-

мать его за двойку, – кивнула Джиданна.

– Превосходно. В таком случае, идя путем нехитрой логики, мы понимаем, что Антикатиство по силе равен двум в двадцатой степени безоружных человек. Два в двадцатой степени – это приблизительно миллион. Я не стану вычислять точное число, с вашего позволения, поскольку это не имеет никакого практического значения. Примем за миллион – тем более, как ты сама только что сказала, дочь моя, там не в точной степени удвоение, а скорее нечто приблизительноное.

– Допустим, миллион, – пожала плечами Джиданна. – К чему вы ведете, отче?

– К тому, что лично мне довольно сомнительно, что даже целый миллион безоружных крестьян одолеет Антикатиство.

– Одолеют, если каким-то образом сумеют слиться в единое целое, – ответила Джиданна. – Некое гипотетическое сверхсущество с миллионом человеческих сил. Понимаете, отче, шкала ПОСС оценивает степень угрозы отдельных особей. А чем их больше, тем сложнее становятся расчеты, потому что появляется множество новых переменных.

– Два хирдманна сильнее одного, но не вдвое, – пробасил Мектиг.

– Ну да, я про это и говорю, – рассеянно кивнула Джиданна.

Объясняя насчет шкалы ПОСС, она одновременно удерживала сознательный контакт с Миллионом Мошек. Эта демоническая сущность успела распределиться по огромной

площади, и у Джиданны все сильнее рябило в голове. Именно в голове, не в глазах. Сознание как будто расплзлось в стороны, и она отчаянно надеялась, что треклятый кобольд скоро найдется.

Честно говоря, ей не хотелось тут находиться. Хотелось вернуться в свою убогую мансарду на как бы четвертом этаже, лежать на полу и смотреть в дальнзеркало, где все равно нет ничего интересного, но это хоть как-то убивает время.

Но чтобы туда вернуться, нужно совершать какие-то действия и проявить инициативу. А это лень... нет, даже не лень, а просто как-то напрягает. Легче плыть по течению, делая то же, что делают остальные. Возможно, в конце концов они все-таки заполучат если не Криабал, то хотя бы достаточный куш в золоте, чтобы до конца жизни не работать.

Джиданна всегда была крайне инертным существом. И не собиралась меняться.

– Я что-то вижу, – сказал вдруг Плацента, таращась в окно. – Какую-то блеваную кирню.

– Как интересно, – произнес Дрекозиус, прикладывая к глазу подзорную трубу. – Что это может быть, сын мой, не выскажешь ли предположение?

– Большой костер, – проронил Мектиг, глядя на черную проплешину.

– Да, снег растаял, как будто тут жгли огромный костер... Очень огромный... и еще там следы... Сын мой, ты можешь разглядеть эти следы как следует?

– Гигантская птица, тля... – задумался Плацента. – Или ящерица... гигантская ящерица... тля, какая гигантская...

– Дракон, – произнесла Джиданна.

– Несомненно, ты права, дочь моя, несомненно... – покивал Дрекозиус. – Такие глубокие следы и явно большое количество пламени... не побоюсь предположить, что тут побывал дракон, причем на диво крупный... А ведь именно такого, на диво крупного дракона я имел честь зреть во сне, когда тот кобольд похитил Рваный Криабал...

– И чо теперь, тля? – шмыгнул носом Плацента.

– Думаю, я выскажу общее решение, если попрошу нашего демонического друга нести нас в ту сторону, – ележно улыбнулся Дрекозиус. – Кажется, дракон проследовал именно туда.

Глава 13

4033 год до Н.Э.

Пятьдесят тысяч индивидов собрались на площади Иллюзорных Цветов. Пятьдесят тысяч граждан Парифатской республики явились послушать Бриара Всемогущего. Пятьдесят тысяч разумных существ обращали к нему свои чаяния и надежды.

Республика так и не вышла из кризиса. Война с титанами что-то повредила в этом хрупком государственном организме. Состав сената менялся, как картинки в калейдоскопе, но никто не знал, как склеить эту треснувшую громаду.

С каждым годом нарастала инфляция. Обычное золото давно перестало считаться ценностью – слишком многие умели его трансмутировать. Принимались только республиканские альвауры – тонкие монеты из так называемого эльфийского золота. Будучи ценным магическим реагентом, оно практически не поддавалось зачарованию и очень немногие умели убедительно его подделывать.

Набирал силу и видовой сепаратизм. Все больше провинций заговаривало о том, что республикой правят люди – так пусть и живут в ней только люди. А они хотят сами решать свою судьбу. Пока еще это были только разговоры, пока еще государство оставалось цельным, но всем было ясно, что нужен только прецедент. Достаточно одной провинции провоз-

гласить независимость – и покатится, как снежный ком.

Волшебство тоже претерпевало не лучшие времена. Слишком много великих чародеев погибло на войне. А молодое поколение выглядело огорчительно слабосильным. Юноши и девушки все реже избирали стезю волшебника. Родители все реже отправляли детей в школы Искусства.

Никто больше не хотел годами развивать свои чакры – всем хватало общедоступной предметной магии. Маги-ремесленники конвейером штамповали типовые артефакты, повсюду стояли мановые накопители – большинство вполне этим удовлетворялось. Молодежь погрязла в пустых развлечениях, прожигая жизнь без пользы.

Никто не замечал, что это бал на тонущем корабле.

Именно об этом говорил сейчас Бриар, усилив голос так, что тот разносился по всей площади. Верный Остраго помогал ему писать речи – и они получались на диво убедительными. Количество сторонников Бриара стремительно росло.

– В науках, в творчестве, в спорте, в магии – во всем работает правило пирамиды! – вещал Бриар с трибуны. – Чтобы отыскать нескольких человек, способных на высшие достижения, мы должны вовлечь в это занятие всех – а уже затем избирать среди них тех, у кого получается лучше. Чтобы у нас были сотни волшебников высшего уровня, хотя бы начала волшебства должны преподаваться всем без исключения! А в специализированные школы Искусства должны направляться уже не все подряд, а только те, кто показывает

серьезные успехи!

Это было частью его программы. Бриар и Остраго два года работали над комплексом реформ. Над планом того, что сделают, когда осуществят... нет, не переворот. Они избегали слова «переворот». Никто не собирался прибегать к военным действиям, хотя если бы Бриар захотел – мог бы уже завтра войти в зал сената и выкинуть заседающих там бездельников. Ему хватило бы сил разметать республиканскую гвардию.

Не в одиночку все-таки, пожалуй. Но за последние годы вокруг Бриара образовалось настоящее ядро единомышленников. Идеи Остраго нашли много сочувствующих, и к Бриару стекались философы, стекались магнаты, стекались военные и жрецы всех конфессий. Лучшие из лучших присоединялись к будущему императору и уже сейчас клялись ему в вечной преданности.

И волшебники. Так много великих чародеев присягнуло Бриару, что он сформировал из них что-то вроде отдельного сообщества. Злопыхатели именовали их его личной армией, но Бриару претило это слово. По совету Остраго он провозгласил их орденом Золотых Магов. Название тоже придумал Остраго, и самому Бриару оно казалось слишком помпезным... но, по крайней мере, в нем не было его имени.

Больше всего Бриар боялся, что его начнут обожествлять. Первые признаки уже мелькают.

Эти индивиды на площади – как горят их глаза!.. Как жад-

но они смотрят на Бриара, как жадно его слушают!.. Многие привели детей... а иные даже принесли. Принесли грудных несмышленишек, чтобы те увидели Бриара Всемогушего.

Бриар явился в самый удачный момент. На самом деле что-то такое давно носилось в воздухе. Республика устала от вялости политиков, от бесцельности своего существования. Республика жаждала действия. Ждала того, кто укажет путь. И Острога верно сказал, что Бриар – самая подходящая фигура. Герой трех войн, победитель царя вампиров, освободитель миллионов, великий волшебник и реформатор магии. Его знали. Его любили.

Неожиданно сыграло роль и его тюремное заключение. Да, когда-то республика единым хором одобрила наказание предателя. Но после разрушения Парифагена многие с горечью думали, что им стоило послушать тогда Бриара. Многим было стыдно. И теперь, когда Бриар снова возвысил голос, его стали поддерживать с удивительным рвением.

– БРИ-АР!!! БРИ-АР!!! БРИ-АР!!! – скандировала толпа.

Бриар поднял руки – и все сразу смолкли. Каждый чуть подался вперед, не желая пропустить ни слова. Великий волшебник несколько секунд молчал, оглядывая площадь, а потом промолвил:

– Сегодня я тут много чего сказал. Надеюсь, вам было интересно меня слушать. Но много слов еще не делают мудреца. Я должен и делом доказать, что могу принять эту ношу. Азаратак осага ина гевората! Иневорк! Ормеда хили!

На кончиках его пальцев вспыхнули молнии. Бриар раскинул руки – и площадь накрыло белым куполом. Искрящаяся магия хлынула во все стороны – и каждый ощутил ее на себе. Каждый почувствовал, как распрямляется спина, как тело наливается новой силой, как уходит любая, даже самая потаенная боль.

Массовый сеанс исцеления. Одним импульсом, одним заклинанием Бриар Всемогуший снял все недуги с пятидесяти тысяч человек.

Он и прежде устраивал такие сеансы. До того, как затеял всю эту эпопею. Случалось ему и останавливать катаклизмы. Преграждать путь цунами, утишать ураганы, прекращать землетрясения. Бывало, он в одиночку возводил здания, за час-другой выстраивал целые кварталы. Поднимал из пучины новые острова. Превращал пустыни в леса и луга.

Но массовое исцеление было его любимым приемом. Эффектно и в мирное время, и в военное. И сразу видишь отклик. Это счастье на лицах тысяч... оно ни с чем не сравнимо. Бриар смотрел в их глаза, и внутри него тоже становилось тепло.

Он чувствовал, что это его люди.

Но ему хотелось сделать большее. Сотворить нечто такое, что развеет сомнения даже самых скептических. Покажет всем, что он воистину Всемогуший. Закончив очередное выступление, подведя к концу очередной митинг, Бриар вернулся домой и снова засел за криабалы.

За два минувших года их стало еще больше. Недавно число перевалило за сотню. Уже не только стандартные заклинания, что известны каждому одаренному. Одно за другим Бриар переносил на страницы заклинания авторские. Те, что составил сам. Те, которыми владел только он. В том числе мощные настолько, что применять их не решался даже сам создатель.

О некоторых из них Бриар никому даже не рассказывал. Держал в секрете сам факт их существования. Ему все меньше нравилась мысль передать когда-нибудь криабалы в общий доступ, вручить всем без исключения средство колдовать что заблагорассудится.

Возможно, Остраго прав. Возможно, это не слишком благоразумно. Страшно представить, что каждый сможет взять вот этот листок и призвать... того, кого он призывает.

Бриар любил парифатцев. Бриар верил в парифатцев. Но достаточно ведь одного-единственного мерзавца или даже глупца...

Он вздохнул, глядя на только что законченную страницу. В жаровне пылает огонь. Можно просто бросить туда эту бумагу, и никто никогда не прочтет того, что на ней написано. А те чародеи, что способны совершить это заклинание самостоятельно, без криабала... о, Бриар знал их наперечет. Их можно счесть по пальцам. Каждый прошел долгий путь в Искусстве и заслуживает безусловного уважения. Ни один еще не злоупотреблял своим даром.

Более того, трое уже вступили в орден Золотых Магов, и еще двое вот-вот вступят. Что же до Камильфа... ну что ж, он откровенно не любит Бриара и не разделяет его взглядов, но никогда этого не скрывал. Камильф – открытый противник. Честный и благородный. Удара в спину он не нанесет, подлости не совершит.

Бриар стиснул страницу и сделал шаг к жаровне. Просто кинуть ее туда. Пропадет трехдневный труд, но это небольшая беда. Зато можно будет не бояться, что однажды сюда влезет домушник, прочтет сдуру этот криабал и погубит миллионы жизней.

Хотя не влезет, конечно. Защитная сеть не впустит никого, кроме хозяина. Преодолеть наложенные Бриаром чары сумеет только кто-то ему равный... а зачем кому-то равному эти бумажки? Он и без них легко проделает все то же самое.

К тому же... Бриар чувствовал связь с этой бумажкой. В каждом криабале – частица его самого. Каждый наделен сознанием. Наделен бессмертной душой. Каждый – самостоятельная личность, незримый и нематериальный волшебник. Владеющий одним-единственным заклинанием, зато уж его творящий с абсолютной мощностью.

Бриар чувствовал, что они радуются, когда их читают. Это очень необычная и удивительная форма жизни – разумные заклинания... и Бриар не хотел их умерщвлять. У него никогда не было детей, но держа в руках криабалы, он чувствовал то, что чувствует любящий родитель.

Нет. Он не станет их уничтожать. Более того – будет продолжать их создание. Не остановится, пока не перенесет на бумагу все заклинания, которыми владеет сам. Потом можно будет заключить криабалы в переплет, как советовал Остраго.

Тиражировать их все-таки не стоит, пожалуй. Пусть остаются в единственном наборе. Тем более, что Бриар все еще не нашел способа массового производства. Несколько раз обсуждал эту методику в кругу близких друзей, пытался их научить... но повторить ни у кого не вышло. Многие даже заявляли, что Бриар их разыгрывает, что такого просто не может быть. Кто-то совершенно серьезно предположил, что на самом деле криабалы начертаны богами, а Бриар просто не хочет этого раскрывать.

Магия действительно очень проста. Но вот уразуметь это очень сложно.

Вечером Бриар сидел на веранде с Остраго. Старый философ справлял свадьбу правнучки и пригласил Бриара благословить молодых.

– Потом заполучить тебя на торжество будет сложнее, – ухмыльнулся Остраго. – Когда станешь императором.

– Брось, – махнул рукой Бриар. – Как я могу не зайти в гости к моему будущему первому советнику?

– Уже раздаешь портфели? – внимательно посмотрел Остраго. – Немного рановато. И я не буду твоим первым советником, прости.

– Э-э-э... я чем-то тебя обидел? – не понял Бриар. – Ты хочешь занять другой пост? Или... ты изменил свое мнение? Разочаровался в нашем замысле? Или... это я тебя разочаровал?

– Нет-нет, Бриар, не подумай ничего такого. Просто... я не доживу. Не хотел тебе говорить вот так, но... эликсир уже почти не действует.

– Так удвой дозу!

– Сегодня я впервые принял тройную. Я чувствую, как... истаиваю. Мне двести сорок два года, Бриар, для немогущего это очень много.

– Не говори глупостей, я не дам тебе умереть! Давай я прямо сейчас продлю тебе жизнь! Атирака осихара ското...

– Бриар, прекрати, – поморщился Остраго. – Ты сам прекрасно понимаешь, что я исчерпал лимит. И я не боюсь смерти. Я просто...

– Дедушка, вот ты где! – вбежала на веранду девушка в легком платье. – Мама, Сумир, Астек, дядя Ольцо, посмотрите, где он от нас спрятался! Флипа, иди скорей сюда!

На веранду вошла еще одна девушка – миниатюрная, хрупкая, с очень большими глазами... Бриар вдруг вздрогнул, встретившись с ней взглядом.

– Здравствуй, Флиперия, – тепло улыбнулся ей Остраго. – Познакомься – это Бриар, мой друг. Бриар, ты же еще не видел Флипу?... Она вместе училась с моей правнучкой. Очень талантливая волшебница, между прочим.

– Спасибо, мессир Мальфет, – покраснела девушка.

Бриар что-то промямлил, касаясь губами ее ладони. Как бы невзначай волшебник просканировал ауру юной Флиперии – нет ли эльфийской крови? Их естественная магия даже чародеев порой заставляет смущаться.

Но нет. Судя по всему, она чистокровный человек. И действительно волшебница – очень молодая, но весьма одаренная. Такие вещи Бриар видел насквозь.

Парой секунд спустя на веранду явились другие родичи Остраго, и сразу стало шумно. Старый философ ворчал с притворной досадой, что вот, хотел посидеть в тишине с дорогим гостем, а тут набежали, загалдели...

– Батюшка, у вашей внучки свадьба, а вы тут спрятались ото всех, – укоризненно произнесла дочь. – Пойдемте. Пойдемте-пойдемте, там уже брабулякра разрезают, мы вам большую ножку дадим.

– Чтобы у меня повысился холестерин, и я наконец-то скончался от инфаркта? – насмешливо спросил Остраго. – Нет уж, большую ножку вы лучше Бриару отдайте. Его ничто не возьмет.

Бриар криво улыбнулся. Его обеспокоили слова Остраго. Действительно, за последние годы старик сильно сдал. И ходит все медленнее, и говорит все тише. Аура тускнеет.

Бриар не сомневался, что сможет продлить ему жизнь, но заклинания исцеляют только физическую оболочку. Если начал угасать внутренний огонь... тут уже ничем не помочь.

Это настигает даже великих волшебников, что уж говорить о немогущем вроде Остраго.

К тому же прямо сейчас Бриар отвлекало другое. За столом он нет-нет, и поглядывал на скромно обгладывающую крылышко Флиперию. Та явно заметила внимание гостя, но ничем этого не показывала.

В молодости Бриар знал немало женщин. В промежутке между двадцатью и сорока годами он был настоящим пове-сой. Лихой кавалер, летучий чародей Третьего Диверсионного полка... до начала войны Бриар жил легко и весело. Потом Империя Крови вероломно напала на республику, «мир сквозь зубы» окончился, и долгих десять лет Бриару было не до флирта, не до шашней.

Война изменила его, как изменила многих. С острова Шепельд он вернулся другим – более серьезным, менее беззаботным. Престарелые мать и тетка подыскали им тогда невест – ему и Броккару, брату-близнецу. Одному досталась пухленькая блондинка, другому черноокая смуглянка. Чисто договорные браки, в те времена так было принято. Но Броккару повезло – со своей женой он обрел счастье и почти двести лет прожил душа в душу, до самой своей гибели.

Бриар же с супругой остались почти что чужими людьми. Их отношения были вежливыми, но холодными. Они желали друг другу доброго утра и спокойной ночи, они вместе завтракали и ужинали, но спали в разных постелях и общались ровно столько, чтобы соблюдать приличия. Несколько

раз Мариабанна заводила разговор о детях, но Бриар все откладывал и откладывал... а потом она умерла. Скоропостижно скончалась всего-то семидесяти лет от роду. Для волшебницы, пусть и не выдающейся, это ничтожный возраст.

Повторно Бриар так и не женился. Он не принял аскезу, у него случались романы, но ему стукнуло девяносто, и кровь уже не бурлила, как в годы юности. Полностью ушедший в чародейские изыскания, он привык к мысли, что проведет остаток жизни холостяком.

Но теперь он смотрел в огромные глаза этой студентки, и внутри что-то переворачивалось. Бриару хотелось совершить какую-нибудь глупость. Хотелось, как двести лет назад, что-нибудь взорвать. Влюбленные олени бьются рогами, влюбленные глухари пляшут на току, а влюбленные маги ки-рачат куда попало молниями.

– Завтра я отправляюсь на Саргариту, – спокойно произнес Бриар, превратив обглоданную кость в цветок. – Остро-го, ты там будешь?

– Не пропущу, конечно, – усмехнулся философ. – Много народу-то соберется, э?..

– Я возвел там временный портал, чтобы все желающие могли прибыть вовремя. Входная точка – рядом с Парифа-геном.

– Да я знаю, знаю. Что за сюрприз там будет-то?

– Завтра все увидишь.

– Слушай, Саргарита – это островок посреди ничего. Там

на тысячи вспашек вокруг только океан. Самая пустая область планеты. Что ты там собираешься делать?

– Завтра все увидишь, – с нажимом повторил Бриар.

– Эх, – вздохнул Остраго. – Бриар, я старый больной человек. Я завтра могу не проснуться.

– Не прибедняйся. Не настолько ты еще стар и болен.

– Ладно, ладно. Только не призывай меня туда, я сам доберусь.

– Хорошо. И кстати, вас всех я тоже приглашаю, – произнес Бриар, обводя взглядом сидящих за столом.

Особенно он задержался на лице Флиперии.

Бриар продолжал о ней думать, когда перенесся на Саргариту. В Парифагене была еще глухая ночь, а здесь уже успели пообедать. Противоположный конец планеты, бирюзовые волны во все стороны – и один-единственный остров посреди них.

Солнце ярко освещало пляж. Почти безлюдный – только у склонившейся к воде пальмы копошилась стайка детей. Бриар невольно улыбнулся, размышляя о многотысячной толпе, что наверняка уже собралась в окрестностях портала. И многомиллионной – смотрящей сейчас в проекристаллы.

Сам он портировался в совсем другую часть острова. Саргарита невелика, но и просто точкой на карте ее не назовешь. Почти сто вспашек в ширину и больше ста двадцати в длину. Вполне поместится маленькая страна.

А климат и природа здесь такие райские, что лишь из-за

удаленности от остальных земель Саргарита еще не стала курортом. Стационарные порталы возводят рядом с крупными городами, поблизости от средоточия психоактивности. А на этом острове всего несколько деревень, чьи жители ведут наполовину первобытную жизнь.

– Дядя, а ты волшебник? – окликнула его смуглая девочка в травяной юбке. Она говорила не на парифатском, но Бриар понимал все языки мира.

– Волшебник, – улыбнулся он. – Как узнала?

– Тебя тут не было, а потом ты просто появился. А люди приходят.

– Или приплывают, – добавил подошедший мальчик. – На очень больших лодках.

– Действительно, несложно догадаться, – согласился Бриар. – Вы тут живете?

– Ага. Мы из народа Дельфина. Вон там наши хижины.

– Я знаю вашего вождя, – кивнул Бриар. – Мы с ним пили пиво в прошлую луну.

– Это моя бабушка его варила, – похвасталась девочка. – Бабушка варит лучшее пиво в мире.

– Несомненно, – согласился Бриар.

– Когда я вырасту, то тоже буду варить лучшее пиво в мире. Бабушка меня научит.

– Хочешь хлебный плод? – предложил мальчик, протягивая Бриару шишковатую дыньку. – Ты принес какие-нибудь подарки?

От плода волшебник вежливо отказался, а в поисках подарков демонстративно вывернул карманы... и те оказались пусты. Волшебник сделал вид, что задумался, а потом просветлел лицом.

– Я знаю, что вам подарить, – произнес он. – Только отойдите подальше, пожалуйста. Я тут немного поколдую.

Дети отошли ровно на три шага. Бриар внимательно на них посмотрел, и они сделали еще по шагу. Но не более того.

– Ладно, – вздохнул Бриар, поднимаясь в воздух.

Он перенес себя вверх на целую вспашку. Потом сдвинулся еще и в сторону океана. Теперь перед ним была вся Саргарита – с ее зелеными холмами, с густыми зарослями, с развалинами древнего храма, что воздвигли еще до Ледника...

Бриар выбрал небольшую мелководную лагуну. Убедившись, что внизу достаточно места, а глубина не слишком велика, он расправил листок с криабалом, откашлялся и прочел:

– Секеторон истакара марида! Зукита эхет агад! Ирпадак огок! Армеда хиара та остора танака! Урзагат аркинт ор га пиат эсетек! Зумирак! Зумирак! Асатак! Истара озикаторо! Эскатара ирминга ирминда астароба но! Зокотор танака зирахот заир!

Бриар Всемогуший мог применить это заклинание и просто так, своими силами. Но эта акция была для него очень важным моментом. Он хотел не только продемонстрировать свою мощь всему миру, но и убедиться, что криабалы дей-

ствительно способны... на очень многое. Способны творить такие чудеса, на которые редко достает умений даже у самых великих волшебников.

И скромный лист бумаги сработал превосходно. Воздух под Бриаром сгустился, волны расступились, разверзлась огромная черная трещина... и из нее появился демон.

Огромный демон. Почти в двадцать человеческих ростов, похожий на мясистый вулкан. Вместо кратера у чудовища была клыкастая пасть, ее опоясывали трубки с глазами, а дальше шли только наплывающие жировые складки. Не было ни рук, ни ног, ни крыльев, ни щупальцев... но вода вокруг него сама собой вздыбилась и поднялась столбами. Уставившись на Бриара всеми своими глазами, демон проревел:

– КТО ПРИЗВАЛ ТЕМНОГО ГОСПОДИНА?!

– Салют тебе, Гламмгольдриг! – весело крикнул волшебник, пряча крибал в карман. – Кажется, мы еще не знакомы!

Демон внимательно на него уставился. Потом издал роко-чуший звук, уменьшился раза в четыре... и взлетел. За долю секунды он поднялся на целую вспашку, обернул к Бриару свою пасть-кратер и коротко бросил:

– Умри.

Ничего не произошло.

Бриар хмыкнул и открыл рот, чтобы дать объяснения, но Гламмгольдриг не собирался его слушать. Верховный влады-ка Паргорона, всеильный Желудок Древнейшего почти ни-

когда не бывал призываем смертными. А тех немногих, кому это все-таки удавалось, он обычно уничтожал сразу же, ибо не терпел амикошонства.

Желавшие иметь с ним дело должны были являться сами. Ползти на брюхе и униженно умолять о милости.

А не призывать к себе, словно собачонку!

– Умри! – чуть громче повторил Гламмгольдриг и прибавил в этот раз разящий импульс.

Любого другого разметало бы на первочастицы. Но Бриар остался цел и невредим, только чуть вздрогнул. Пока Гламмгольдриг не повторил попытку, волшебник торопливо произнес:

– Позволь объяснить! Ты не сможешь причинить мне вред! Я не стал возиться с печатями, клетками, кругами и всеми этими примочками, потому что это унижительно для нас обоих! Я просто заложил дополнительное условие в само заклинание... и ты не сможешь причинить мне вред, Гламмгольдриг!

– УМРИ!!! – страшно заревел демон, изменяя положение в пространстве и набрасываясь на Бриара сверху.

Его пасть-кратер сомкнулась на голове волшебника... но не смогла закрыться. Чудовище давило всей своей космической мощью и скрежетало зубами, точно банальный зверь... но ничего не могло сделать.

– Да не сможешь, говорю же, – уже устало произнес Бриар. – Ну правда, я не вру.

– Ладно, – оставил попытки Гламмгольдриг и уменьшился еще сильнее. Теперь он был больше Бриара всего вдвое. – Повтори, кто ты такой. Я... не могу тебя определить. Кто ты есть?

– Я Бриар Всемогуший. А еще я тот, кто может навечно тебя заточить... и даже убить. Не сочти за угрозу, я просто сразу предупреждаю о такой возможности.

– Убить меня?! Ты?! Не слишком ли ты много мнишь о себе?!

– Давай проверим, если сомневаешься. Но я бы не стал.

Гламмгольдриг задумался. Они с Бриаром по-прежнему парили в воздухе, и для обоих это было так же естественно, как стоять на земле. Ни тот, ни другой словно не замечали, что под ними целая вспашка пустоты.

– Ты очень могущественный чародей, – признал наконец демон. – Говори, зачем призвал. Ради чего ты оторвал Темного Господина от трапезы?

– Одно желание, – улыбнулся Бриар. – И ты свободен.

– Ты хочешь бессмертия, верно? – раскатисто спросил Гламмгольдриг.

– Его я добился давным-давно. Нет, я попрошу кое-чего... иного.

– Уничтожить твоих врагов?

– Нет у меня врагов... таких, для которых потребовался бы демон.

– Угу. Так. Про богатство и власть я даже спрашивать не

стану. Но тогда что я могу дать тебе такого, чего ты не смог бы заполучить сам? Может, ты хочешь воскресить кого-то?.. Если да, то ты выбрал не совсем того, кого нужно, но...

– Я умею воскрешать мертвых, – отмахнулся Бриар. – С оговорками, но... давай, ты просто меня слушаешь. Я хочу, чтобы ты увеличился до размеров острова. Ты можешь это сделать, я знаю. Ты переместишься в самый центр необитаемых вод, погрузишься на самое дно... и забуришься в него!

Воцарилось молчание. Гламмгольдриг несколько секунд смотрел на волшебника, а потом тихо спросил:

– Зачем?

– Ты все узнаешь, когда сделаешь это! – весело ответил Бриар.

– Если хочешь знать, от этого я не сдохну.

– Да я вовсе не собираюсь тебя убивать!

– А я просто предупреждаю. На всякий случай.

Бриар покачал головой, вздохнул и схватился за глазные трубки Гламмгольдрига. Демон резко раздулся во все стороны, стал похож на настоящий вулкан и со свистом понесся на запад. Все дальше от Саргариты, в бесконечные океанские просторы.

Он поднимался все выше. Мчался с такой скоростью, что любого обычного человека сожгло бы просто воздухом. Но Бриар, к сожалению Гламмгольдрига, оставался цел и невредим. Вокруг него клубилась мана, а волосы аж искрились от

сыплющихся чар.

– Здесь! – крикнул Бриар, прищуривая один глаз. – Отличное место!

– ЭТО НЕ САМЫЙ ЦЕНТР, – проревел мясной вулкан.

– Мне подойдет, – отмахнулся Бриар. – Это некритично. Погружайся!

Гламмгольдриг неохотно снизился... и вошел в воду. Удивительно аккуратно, почти без брызг – но он был размером с гору, и волны все равно пошли огромные. Бриар крутанул рукой – и на горизонте вспыхнул кольцевой экран. Народившееся цунами ударило в него – и смолкло.

– Глубже! – приказал Бриар, опускаясь вместе с Гламмгольдригом. – Давай! На самое дно!

Он тянул за глазные трубки, как пахарь за поводья. Направлял исполинского демона вниз. Погрузившись сам – даже того не заметил.

Бриар Всемогуший дышал под водой, что твоя рыба. Полы его мантии раскинулись шлейфом, а говорил он так же членораздельно, как и наверху. Выискав самый ровный участок дна, он приказал демону опуститься туда и зарыться.

В этой части океана почти не было жизни. Слишком далеко от любой суши, слишком редка растительность и многоногие водяные хомунции. А где нет хомунциев, там нет и мелкой рыбы, а где нет мелкой рыбы, там нет и рыбы крупной, а где нет рыбы крупной, там нет и морских драконов, да и прочих гигантских чудищ океана. И уж конечно, нет при-

донных тварей, что питаются сыплющейся сверху падалью.

Пустота. Только камень, песок и бесконечная соленая вода. Почти до самой Саргариты ничего интересного.

Но Бриар собирался это изменить.

– Аратан! Аратан! Изю не ра! Такура! – выкрикивал он, создавая руками водовороты. Из его рта вырывались пузыри. – Увеличься, о Темный Господин! Стань таким огромным, каким только можешь! И... продолжай зарываться!

Гламмгольдриг послушно раздувался. Ему самому стало интересно, что затеял этот смертный волшебник... хотя правомочно ли называть его смертным? Царь демонов уже понял, что встретился с чародеем, каких не видел свет.

Чародеем немыслимой мощи.

Вот над волнами показалась пасть-кратер, глазные трубки, а с ними – Бриар Всемогущий. Теперь он казался совсем крошечным. Блошкой, прилипшей к чудовищной жировой складке.

Но голос его оставался громовым. Бриар выкрикивал все новые слова, творил все новые заклинания. Созданные им маленькие водовороты соединились в один – и он все рос, все набирал силу. Выросший до немыслимых размеров Гламмгольдриг уже не касался воды – пучина разверзлась, внизу обнажилось дно. Колоссальный демон наполовину в него зарылся... и вот Бриар выкрикнул новый приказ.

– Вращайся! – повелел он. – Крутись, о Темный Господин! Изамарк тора деретака! Усибит! Аскара гене тогива!

Гламмгольдриг неохотно повернулся – и дно вспучилось. Его словно взрыло исполинским плугом. Бриар весело расхохотался и хлопнул царя демонов по глазу. Потом воспарил над ним – и выбросил из рукавов сотню канатов немыслимой длины. Они сами собой обвилились вокруг трубок, окаймляющих пасть, Бриар взялся за них – и завертел ладонью.

– Крутись быстрее! – приказал он. – Как можно быстрее!

– Я ПОНЯЛ, ЧТО ТЫ ЗАДУМАЛ! – прогремел Гламмгольдриг. – НО... ТЫ УДИВИЛ МЕНЯ, ВОЛШЕБНИК! ТЫ ВЫЗВАЛ ТЕМНОГО ГОСПОДИНА, ВЛАСТЕЛИНА ВСЕГО ПАРГОРОНА, ДЕМОНА НАД ДЕМОНАМИ... ЧТОБЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВМЕСТО МУТОВКИ?!

– Да! – весело ответил Бриар.

– НО ЗАЧЕМ?!

– Чтобы продемонстрировать!

– ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ЧТО?!

– Всемогущество! Крутись, Гламмгольдриг, крутись!

И он закрутился. И захлестали волны. И вздыбились буруны. Сам океан встал на попа, когда на дне его закружился этот колосс, демонический живой остров.

В то же время кольцевой экран ушел за горизонт. Бриар развернул его в немыслимую ширь, сделал настолько огромным, что он исчез из виду.

Бриар читал все новые заклинания, Гламмгольдриг вращался с бешеной скоростью, а волны дохлестывали уже до облаков. Само дно вздыбилось горбом – Бриар и Гламмголь-

дрилг творили горы, острова... из-под воды поднимался новый континент!

— Акамедан! — вскричал Бриар, скидывая руки с канатами. — Изо, изо, таратак нера! Окаменей, велю!..

Пенные буруны стали застывать. Но Гламмгольдрилг не прекращал вращаться. Используя его как мутовку, Бриар продолжал пахтать океан. Продолжал лепить из его дна и окаменевшей воды огромный материк.

Мана клокотала в его жилах.

Это продолжалось три дня. Три дня Бриар и Гламмгольдрилг меняли лик планеты. И когда они закончили... на карте появился еще один континент. Спиралевидной формы, закрученный по часовой стрелке.

К его центру извивалось такое же спиралевидное море. Там все еще бушевала вода. Волны буйствовали, колотились о берега — но были уже не в силах сдвинуть их с места. Во все стороны простерлись бескрайние земли — пока что пустынные и безлюдные... но только пока что.

В самом центре этого спиралевидного моря образовался остров. Довольно большой, размером почти с Саргари-ту. Именно в его центре стояли теперь волшебник и снова уменьшившийся демон.

Бриар устал. Даже его вымотали эти три бессонных дня. Из-под набрякших век волшебник обзирал свое творение — и слабо улыбался.

Это уж будет посильнее, чем прикончить одного старого

вампира!

– Ты возомнил себя богом, человечек? – повернул к нему пасть Гламмгольдриг. – Зачем тебе еще один континент? В вашем мире их и так больше пятидесяти.

– Да просто так, – пожал плечами Бриар. – Пусть будет. Спасибо за помощь, Темный Господин. Ты свободен, можешь идти.

– Я запомню тебя, – пообещал Гламмгольдриг.

– Я думаю, меня все запомнят, – усмехнулся Бриар. – После такого – все.

– И как ты назовешь... вот это все?

– Ах да, верно, – задумался Бриар. – Полагаю, я имею право дать название этому материку. По праву первооткрывателя... интересно, можно ли называть меня первооткрывателем?.. Впрочем, это не так важно. Я назову этот континент... хм... м-да... Остракия.

– Мне больше нравится Гламмгольдрия, – произнес демон. – Но я уже понял, что у тебя нет вкуса. А как ты назовешь остров, на котором мы стоим?

– Флиперия, – без раздумий ответил Бриар. – Тебе нравится?

– Нет.

– А мне нравится.

Глава 14

Фырдуз карабкался на высокое растение. Прижался к его твердой коричневой шелухе так, что почти сросся с ней. Костюм лазутчика делал его невидимым... но только его. Рваный Криабал оставался видим и предательски выдавал хозяйина.

С ним и без того приходилось непросто. Фырдуз привязал его к животу, но книга все равно мешала. Постоянно за что-то задевала, норовила выпасть... а если выпадет, то все, конец. Дракон уже близко, он схватит Криабал раньше, чем Фырдуз успеет спуститься.

А самого Фырдуза, конечно, просто сожрет. Ну или спалит вместе с этим длинным толстым растением. Оно недаром называется деревом, Фырдуз наконец-то это сообразил. Оно так называется, потому что это и есть дерево. Этот материал появляется вот так вот – растет из земли.

И дерево – это отличное топливо. Не так долго горит, как уголь, зато гораздо легче вспыхивает.

Хотя подождите-ка. Криабал не выпадет, конечно. Он же приклеен к Фырдузу заклятием Уз. Его можно перемещать по телу, но совсем отлепиться невозможно, пока не прочтешь отмену.

Фырдуз вообще-то помнил об этом. Просто иногда вытряхивалось из головы. Слишком уж дергался кобольд от бли-

зости огромного дракона.

Вон он, Орказарок. Летит прямо сюда. Он точно как-то чует Рванный Криабал, Фырдуз в этом больше не сомневался. Вырыл же он кобольда из норы, нашел глубоко под землей. Пусть и не сразу, передышку это все-таки дало.

Фырдуз даже вздремнуть успел.

Но потом ему снова пришлось читать Побег. И снова удирать. Но удирать ему безумно надоело, поэтому он решил попробовать кое-что новое. Нашел в Криабале одно заклинание, пока отдыхал под землей.

И в страхе следя за быстро растущей драконьей фигурой, кобольд прочел:

– Анагурик асата исканда! Торокапа зита мадука! Земет!

Воздух сгустился. Из ничего, одной только силой Криабала рядом с Фырдузом возникло облаце. Удивительная волшебная штуковина, внешне похожая на обычное белое облачко, что плавают в этой бесконечной пустоте над головой. Фырдуз уже знал, что на самом деле это просто большие сгустки густого пара, которые ни для чего не пригодны. Именно они иногда изливают сверху воду, от чего Верхние сильно страдают.

А вот облацы – они твердые. То есть довольно мягкие и пушистые, но их можно потрогать, сквозь пальцы они не просачиваются. Фырдуз сглотнул, вытянул ногу и подтянул это чудное диво поближе. Рискнул оторвать руки от высокого растения... и повалился как будто на пышную подушку.

Облаце под ним затрепетало. Они не живые, но немножко умные. Как ручные животные, на которых ездят Верхние – чувствуют всадника и летят, куда тот велит. Можно даже не приказывать ничего, а просто сильно хотеть – облаце послушается.

– Давай, лети! – сказал все-таки вслух Фырдуз, прижимая к груди Криабал.

И облаце вспорхнуло. Кобольд мог наколдовать его и вниз, у земли, но боялся, что не сможет подняться, застрянет в ветках. Тут очень ветвистые растения, сучковатые. И совсем голые, без тоненьких зеленых пластинок.

Вообще, сейчас Наверху заметно холоднее, чем было лу-ну назад, когда Фырдуз бежал из Кобольдаланда через Брат. Тогда было потеплее и деревья стояли все в зеленых пластинках... хотя многие в желтых или красных. А теперь они все попадали, а по ночам мерзнут ноги.

Это так и положено, или Наверху творится что-то недоброе? Может, это и есть та самая зима Верхних, и вскоре вода замерзнет, а вся еда исчезнет?.. Если да, то лучше бы поскорее вернуться Вниз, в тепло и безопасность...

Тоже некогда думать и об этом. Дракон подлетел уже так близко, что Фырдуз мог пересчитать зубы в его пасти.

– Попался, букашка!!! – проревел ящер так, что заложило уши.

К счастью, волшебное облаце наконец рванулось вперед. Страшные клыки немного совсем не дотянулись. А дохнуть

пламенем Орказарок опять не решился.

О Великий Молот, как же быстро облаце помчалось! Фырдуз внимательно прочел комментарии к заклинанию и знал, что оно такое быстрое, что быстрее вообще мало что сыщется. Недаром же именно на облацах летают в чудесной божьей обители – Сальване.

Но он и думать не думал, что оно... настолько быстрое! Никогда в жизни маленький кобольд не передвигался с такой скоростью!

При этом на облаце было нетрудно сидеть и даже стоять. Фырдуз боялся, что придется крепко держаться, чтобы не снесло ветром, но ветер словно вовсе исчез! Словно не было его никогда, этой странной причуды Верхнего мира, когда воздух зачем-то движется сам по себе и бьет то в лицо, то в спину.

Приободрившись, он приподнялся и осмелился выглянуть за край. Сердце забилося быстрее – высота оказалась изрядная. Фырдуз не раз стаивал на краях бездонных пропастей, переходил по мосту Хасмы, перелетал магмовую реку на воздушном змее и висел над колоссальной пещерой йоркзериев... но в сумраке мира Нижнего это все смотрится как-то менее пугающе.

А тут раскинулась бескрайняя ширь, и ты над ней высоко-высоко, и отделяют тебя от падения в бездну только семь слов, которые ты сам же и произнес.

Впрочем, сзади пышет злобой гигантский дракон. Это го-

раздо хуже. Этот доброй волей не отстанет, и даже в Криабале на него управы нет. Фырдузу почти хотелось плакать, когда он осознавал, что даже на каторге ему было спокойнее и безопаснее.

Ладно. Главное – дотянуть до Гайсинополиса. Там много Верхних, у них есть сильные волшебники и Красный Криабал. Фырдуз отдаст им свой, Рванный, и дальше ему, возможно, позволят остаться в стороне от событий. Дадут просто посидеть в уголке.

Он постарается никому не мешать.

Хотя... минуточку... а нет ли другого варианта?..

– О всемогущий владыка Орказарок, позволь обратиться к тебе! – что есть мочи пропищал Фырдуз, обернувшись. – У меня есть предложение!

– Говори! – прогремел дракон. – Ты хочешь отдать мне Криабал, если я пощажу твою жалкую жизнь, верно?! Я согласен! Просто кинь его вниз и улетай! Улепетывай, ничтожная тля, я не стану тебя преследовать!

На миг Фырдузу даже захотелось согласиться. В конце концов, Кобольдаланд оккупирован давно, он живет под хобиями пятый год. Кобольды уже притерпелись. Так ли уж в самом деле важно, кто именно правит страной? Со временем, может, станет легче...

А Яминия... что ему Яминия? Среди цвергов к Фырдузу по-доброму отнесся разве что воевода Брастомгруд, но он мертв, убит хобиями. А страдать и мучиться ради вечно пья-

ного принца Перетрекумба и вздорной, ненормальной принцессы Остозилар... кто сказал, что он обязан это делать?

Он ведь даже не цверг! Он кобольд! Яминия ему чужая! Когда кроты захватывали Кобольдаланд, она не помогла ничем!

Так почему просто не отдать книгу дракону, не повернуть куда-нибудь на север, в город Данголь? Фырдуз слышал, что там хоть и живут в основном варды, но есть и люди, и цверги, и теканы, и даже кобольды. Неужели не найдется местечка для еще одного?

Но колебание длилось недолго. Фырдуз прижал Криабал к груди покрепче и крикнул:

– Нет, я хочу предложить другое! Ты не мог бы остановиться на минуточку, о величайший?!

– Я что тебе, воробей?! – рявкнул Орказарок. – Я не могу... п-ха!.. остановиться на минуточку!.. Приземляйся! Или говори так!

Фырдуз задумался. Говорить так было паргоронски неудобно. Половину слов уносил ветер. И если рев Орказарока кобольд, само собой, слышал прекрасно, то вот его слова... хотя слух у дракона изумительный, в этом Фырдуз уже убедился.

Но приземляться – вариант еще хуже. И Фырдуз решил все-таки попробовать так. Он вдохнул поглубже и выкрикнул как можно громче:

– О великий дракон! Ты так могуч, что у меня захватывает

дух!

– Оставим фальшивую лесть! – зло ответил Орказарок. – Я уже не молод, у меня одышка от этих раскланиваний на лету! Переходи сразу к сути, блоха!

– Это и есть суть! Ты так могуч, что наверняка без труда одолеешь целое войско!

– Войско войску рознь!... но да, я такой, – с неохотою произнес дракон.

– Так что ты скажешь, если ты одолеешь такое войско... я про хобиев!.. а я за это отдам тебе Криабал?!

– Понимаешь, маленький кобольд... – сдавленно произнес Орказарок. – Тут есть один маленький нюанс...

– Какой?!

– Криабал и так мой!!! С чего ты взял, что я буду за него торговаться?! Да еще с кем – с вором?! Все, что я согласен дать тебе за него – оставить тебя в живых!!! Пользуйся, пока я не передумал!!!

Кажется, предложение Фырдуза дракона не на шутку взбесило. Возможно, если бы он изложил его как-то поделикатней, подипломатичней... но попробуйте-ка сделать это, летя в такой выси!

Кобольд в основном сейчас думал о том, какой формы получится лепешка, если он упадет.

– Да тебе это и не под силу, наверное! – все же сделал он еще одну попытку. – У хобиев там целые легионы! Да и что ты им сможешь сделать, под землей-то?

Дракон сухо, едко закашлялся... но через пару секунд кобольд понял, что он смеется. Громадный древний ящер фыркнул, испустил дымное облако, и презрительно бросил:

– Я давно не в том возрасте, когда берутся на слабо! Последний тебе шанс – бросай Криабал и лети в другую сторону! Даже если не веришь моему слову, знай, что я не смогу тебя отыскивать, если расстанешься с книгой!

Об этом Фырдуз и так уже догадывался. Но бросить Криабал ему все равно что-то не давало. Что-то внутри останавливало, не позволяло отменить заклинание Уз и разжать руки.

То ли чувство долга, то ли жадность.

Облаце скользило по воздуху, как лодочка по воде. Только в сто раз быстрее. Фырдуз время от времени перегибался через край, взглядывал вниз. Пытался понять – это все еще Грифония или уже Новая Страна? На земле линии не проведены, надписей нет.

Он надеялся, что уже Новая Страна. Надеялся, что осталось недолго. Облаце летит быстрее дракона, но совсем чуть-чуть. А время от времени тот особо яростно взмахивает крылами и делает резкие рывки. Тогда разрыв снова сокращается.

Фырдуз надеялся, что рано или поздно тот устанет, но пока что Орказарок казался неутомим.

Кобольд в очередной раз перегнулся через край. Стал рассматривать бескрайние лесные просторы. Тут гор уже нет со-

всем. И не живет никто, наверное. Ни домов, ни распахан-
ных полей, ни... а это что за пятнышко?..

Глаз словно сам собой зацепился за черную кляксу. Она казалась удивительно... чуждой. Недоброй. Зловещей. И странным образом знакомой – Фырдуз как будто раньше ее уже видел, только не мог вспомнить, где...

В первый момент ему не было страшно. То есть да, стран-
ная чернота как-то поневоле пугала, от нее екало сердце...
но то был страх пустой, отстраненный. Она-то внизу, а он-то
здесь, в целой вспашке над землей. Здесь ему только драко-
на бояться нужно, а бескрылым опасностям можно нос по-
казывать...

Но секундой спустя черная клякса... взлетела. Поднялась
вверх, как воздушный змей.

И стала увеличиваться.

Сердце Фырдуза застучало еще сильнее! Ужасная чернота
летела прямо к нему, наперерез! Он понятия не имел, что
это и зачем, но давно разучился ждать от внезапных встреч
что-то хорошее!

Бесформенная клякса настигла облаце очень быстро. И
какое-то время просто парила рядом, словно рассматривая
сжавшегося в комочек кобольша. Фырдуз попытался повер-
нуть облаце – повернула и клякса. Они летели с равной ско-
ростью.

А потом из нее выметнулась... пика. Длинная черная пи-
ка. Она ударила прямо в Фырдуза – и только каким-то чудом

он успел подвинуть облаце ниже. То повиновалось, как собственная нога.

– Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото ри... а-а-ай!.. – клацнул зубами Фырдуз. Черная гадость не дала закончить заклинание – снова плюнула частицей самой себя, и на этот раз облаце взметнулось вверх.

Загадочная тварь дернулась всем телом, издала скворчащий звук и раздулась еще сильнее. Начала забирать в стороны, отрезать Фырдузу пути к бегству. Он открыл рот в надежде все-таки прочесть Побег... но тут же закрыл.

До него дошло, что чем бы ни было это черное – оно нарочно охотится именно за ним. Скорее всего, тоже ищет Криабал. Скорее всего, тоже его чувствует. А Побег переносит не так уж далеко.

И на земле Фырдуз останется беззащитным, но станет еще и медленным. Сейчас его спасает исключительно проворное облаце. Раз успело отдернуть в сторону, два успело... успеет ли в третий?..

– ГРАААААРРРХХХ!!! – раздался страшный рев.

Орказарок! Дрожа от страха перед этим новым чудищем, Фырдуз даже забыл на секунду о гигантском драконе! А тот никуда не делся! Продолжал лететь следом – и сейчас сделал особо мощный рывок... и утопил черную кляксу в пламени!

Фырдуз облегченно выдохнул. Орказарок, по крайней мере, понятно, что собой представляет и чего хочет. От него ускользать кобольд уже научился. И теперь, когда он упоко-

ил эту непонятную киротень...

Пламя развеялось. Истаяло белым дымом. И под ним обнаружилась все та же клякса – кажется, ничуть не изменившаяся. Только в центре ее появилось странное пятно особо глубокой черноты... и оно изрыгнулось в дракона!

Орказарок заревел от боли. Там, куда угодила эта летучая темнота, чешуя треснула, пошла... плесенью?.. Дивной прочности драконья шкура начала расползаться – и Орказарок покачнулся. Колоссальная туша накренилась на одно крыло, исторгаемый ею гул стал неровным.

Второй плевок непроглядной чернотой! Но в этот раз Орказарок успел изогнуть шею, успел схватить эту пакость прямо пастью... и проглотил!..

Между зубов у него заструился дым, а глаза налились кровью. Орказарок оглушительно чихнул и замотал башкой так, словно раскусил что-то очень горькое.

Но скорости не снизил.

– Что ты за мерзость такая?! – грохнул дракон, выпуская новый пламенный клуб.

Но теперь с острасткой, осторожнее. Плюнул огнем – и сместился ниже, пристально глядя на черную тварь. Пламя ей по-прежнему не повредило.

Кажется, она его даже не заметила.

И она снова полыхнула этой сгущенной темнотой. Та окутала дракона целиком, скрыла в душном облаке. Оттуда донесся безумной ярости вопль – и Фырдуз испугался, что Ор-

казароку конец. Не то чтобы ему было жаль это злобное кро-
вожадное чудище, но летучая клякса пугала еще сильнее.

С драконом-то он как-то уже... сроднился, что ли. Привык к нему.

Но Орказарок выжил. Он вырвался из жуткой тучи – и хоть глаза его побагровели, а и без того черная чешуя как будто потемнела еще сильнее, в целом он остался невредим.

Древний царь-дракон бороздит небо сорок тысяч лет – неужто его прикончит какой-то грязный ком?!

– Эй, тля, вонючка кобольдская!.. – донесся чей-то голос. – Сюда зенки обернул, тля!..

Фырдуз изумленно повернул голову – и встретился взглядом с... еще каким-то чудовищем. То ли огромный кот, то ли медведь, но с кучей лап и бежит по воздуху, как по земле.

Да еще и с дверью в бок. И дверь распахнута настежь, а из нее торчат двое Верхних. Один лысый и огромный, как скала, а другой маленький и громко орущий.

Из-за их спин выглядывал еще какой-то очень объемистый Верхний, но он явно трусил высунуться слишком сильно, и его Фырдуз толком не различал. А вот эти двое... они почти что вываливались наружу, по их щекам текли слезы от секущего ветра, а с губ маленького еще и срывались хлопья слюны.

Многоногий зверь подлетел... хотя нет, подбежал прямо к облаку, пока черная клякса сцепилась с драконом. Орказарок быстро сдавал позиции – его огонь уже стал слабее, он

проваливался в как будто ямы и жалобно хрипел.

Наверное, сейчас он все-таки сгинет.

– Идем, – протянул Фырдузу руку огромный Верхний.

На какой-то миг кобольд замешкался. Эти индивиды не внушали доверия. Они уж точно не явившиеся с небес воздатели, да еще и летают на каком-то чудовище... и даже не на, а в!.. Внутри диковинного страшного зверя!

Но... альтернатива гораздо хуже. Кобольд бросил последний взгляд на ревущего от боли дракона и схватился за синеватую ручищу.

Интересно, это человек или какой-то еще неизвестный вид Верхнего?

Оставшись без хозяина, облаче сразу же рассеялось. А Фырдуз испуганно прижал к груди Криабал, не зная еще, что его ждет.

Если захотят отнять книгу – придется рубить руки. Заклятие Уз по-прежнему действует.

Но пока что его не трогали. Внутри летучего зверя оказалось очень уютно. Как в просторной карете – покрытые мехом сиденья, скамейки вдоль боков, окошки... в одном из них вдруг почернело, и Фырдуз вздрогнул.

– Валим, – шмыгнул носом Плацента. – А то нам енот.

– Есть ли хоть малейшая вероятность того, что сей величественный дракон одолеет Антикатиство? – с надеждой спросил Дрекозиус.

– Нулевая, – спокойно ответила Джиданна. – У нас в Ми-

стории были и драконы. Не такие огромные, как этот, но все равно. Антикати́сто их в лава́ш раската́л.

Мекти́г мрачно уставился в окно. Грома́дный яще́р, видимо, тоже понял, что его се́йчас раската́ют в лава́ш, и спешно отступал. Потерты́й, потрепа́нный, местами как будто даже обожже́нный, он отверну́л и лете́л прочь.

И Антикати́сто я́вно не соби́рался его преследова́ть – дово́льный уже тем, что больше не отвлека́ют, он рину́лся за иски́телями Криа́бала. Огнеды́шащее чудови́ще не сумело его даже оцара́пать.

Драко́ны. Мекти́г ненави́дел драко́нов.

– Мир вам... – робко произнес кобо́льд.

– Подожди, – попроси́ла Джида́нна. – Отче, вы уже зерка́лите?

– Конечно же, дочь моя, конечно же, – произнес Дрекози́ус, дописывая номер. – Ло́рд Бельзе́дор, не счита́йте за дерзость, но мы были бы очень призна́тельны за е́лико возмо́жно срочный портал, поскольку нас преследует враг всех добрых се́вигистов!..

– Я бы на его месте послал тебя в анналы, жи́рный глино́мес! – рявкну́л Пла́цента.

Но Бельзе́дор не был на месте Пла́центы – и портал раскры́лся раньше, чем Дрекози́ус закончи́л фразу. Вехот вбежа́л в светя́щуюся арку – и та закры́лась.

Антикати́сто оста́лся на друго́й сторо́не. Но он не успе́л совсем чу́ть-чу́ть. Черные щупа́льца уже почти схвати́ли де-

мона-возницу, уже почти сцапали. Тот уже ощущал на шкуре прикосновение чистой Тьмы.

– Нас спас Темный Властелин, – промолвила Джиданна. – Как иронично.

– Но нас едва не сожрали! – брызнул слюной Плацента. – Старый жиробас, какого кира ты вечно бубнишь по полчасу?! Не считите за дерзость, были бы очень признательны... я тя ща порежу, урод прелый!

– Почему же прелый, сын мой?.. – растерялся Дрекозиус.

– Потому что прелые складки сала! – выхватил нож полугоблин. – И я тебе их ща срежу, святоша!

Плацента кинулся на Дрекозиуса, и жрец заверещал зайцем. Он прижался к шерстистой двери и забарабанил в нее одной рукой, другой прикрываясь от озверелого полугоблина. Тот нападал не всерьез, но ножом размахивал в опасной близости.

– Угомонись, – вяло сказала Джиданна. – У нас больше нет Белого Криабала, чтоб воскресить в случае чего.

– А ты вообще закройся, колдовка познатая! – рывкнул Плацента. – Я, тля, тут чуть в землю не лег из-за этого халата! Не, я ему точно нож в пузо воткну!.. кхр-р-р!..

Это Мектиг сдавил ему шею. Под могучими пальцами что-то хрустнуло, полугоблин обмяк и замолчал.

Тишина. Мектиг любил тишину.

Джиданна неохотно пощупала Плаценте сонную артерию. Проверила, не сломана ли шея. Та оказалась целой... кажет-

ся. И дыхание тоже не пропало.

– Осторожней впредь, – предупредила дармага волшебница. – Если ты выбьешь из Плаценты все дерьмо, от него просто ничего не останется.

Фырдуз смотрел на эту сцену затравленно, забившись в уголок. Эти четверо только что чуть не поубивали друг друга. Он знал их всего несколько минут, а они уже чуть не поубивали друг друга.

Возможно, он попал из огня да в полымя.

– Мир тебе, сын мой, – ласково обратился к нему Дрекозиус. – Прости, что ты вынужденно стал свидетелем наших неурядиц. Всегда грустно, когда происходят ссоры между друзьями, но заверяю тебя – такое более не повторится. Добрый Плацента просто слегка перенервничал и дал волю чувствам, но обычно он добрейшее существо и не обидит даже мухи. Простим же его, как боги прощают даже самых закоренелых грешников.

– Ла... ладно, – покивал Фырдуз. – А вы кто? Вы... что вам от меня нужно? И... где мы?..

– А мы просто несколько добрых друзей, волей богов собравшиеся ради исполнения священной миссии. И если ты передашь нам эту книгу, которую ты, я уверен, уже притомился держать, мы сможем все вместе отправиться на дружескую трапезу и за чаркой вина превесело обсудить все, что с нами случилось.

– Нет! – прижал к груди Криабал Фырдуз. – Я не отдам!

Предупреждаю, тут есть заклинание Убийства, и я помню его наизусть!

– Оно длинное? – спросила Джиданна, как бы невзначай поглаживая белку.

– Три слова!

Волшебница на секунду задумалась, а потом пожала плечами. Ладно, пусть держит пока у себя, как держала Белый Криабал Имрата. Все равно от одного-единственного проку сейчас немного, да еще и Антикатисто наверняка скоро за ним явится.

– Пошли, – сказала она, открывая дверь. – Познакомишься с нашим нанимателем.

– Вы из Новой Страны? – с надеждой спросил Фырдуз, выглядывая наружу. – Мы в Гайсинополисе?

– Нет, мы в Империи Зла. И не знаю, как остальные, а лично я хочу жрать.

Глава 15

В духоводческой конторе было сумрачно и прохладно. На стене тихо пощелкивали часы-ходики. Совершенно не волшебные, чистая механика.

Осматриваясь, Массено быстро понял, что духоводители стараются избегать сторонних чар. Тут не было ничего такого, чего не могло бы оказаться в приемной какого-нибудь ювелира или преуспевающего портного. Самый обычный стол, стулья, мягкий диван и кресла. В одном из них сидел посетитель со свежим номером «Наяды».

– Мир вам, мэтр, – прощебетал ласковый голосок. – Мир вам, святой отец.

Массено даже не вздрогнул, хотя голос доносился из пустоты. Он лишь сосредоточился на этом месте, и лучи солнечного зрения прозрели... духа, естественно. Кого же еще. Девушку-эльфа крохотного росточка.

– Я Львина Эстерасс, скончалась в тысяча одиннадцатом году, – представилась она. – Могу я принять ваш заказ? С кем вам желаемо повидаться сегодня?

– Я хочу увидеть четырех человек, – ответил Танзен. – Два лицензиата, практикант-бакалавр и... еще один. И мне нужен по крайней мере магистр – задача может оказаться непростой.

– Бывали раньше у нас? Пожалуйста, присядьте и запол-

ните анкеты на призываемых. Чем полнее, тем лучше. Памятные предметы разложите на блюдечках. Оплата после сеанса... расценки знаете?.. Хорошо.

Массено аккуратно присел на краешек дивана. Танзен плюхнулся рядом, взял три листка из бумажной стопы и принялся черкать стальным пером. Глядящий сверху Массено увидел, что это готовые бланки, размноженные типографическим способом.

Ксару Оркатти. Маред Дженнаро. Менеум Дегле-Хотто. Три имени выстроились в заглавиях бланков. словно памятные листы, что подают на отпевание жрецам-савромариям. Три покойных волшебника, которых Массено никогда не знал.

Что-то Танзен писал по памяти, о чем-то сверялся с дальнотеркалом и замусоленной тетрадь, которую принес из дому. Еще он принес две пряди волос и два предмета – порванный конверт и медную монету с дыркой. Пряди он положил на блюдца Оркатти и Дженнаро, конверт и монету – к Дегле-Хотто.

А на четвертое блюдце он выложил целую горсть монет, вскрытое письмо, носовой платок, карманный нож, маленький пузырек и натертую спираль. И никакого бланка на сей раз не заполнил.

Когда он закончил, к столу вернулась девушка-призрак, внимательно все осмотрела и предупредила, что контора не имеет права вызывать лиц, не связанных с заказчиком род-

ственной или хотя бы дружеской связью. А если Танзен даже не знает имени одного из духов, он точно никак с ним не связан.

Но с остальными тремя проблем быть не должно.

Покойная Эстерасс спросила, оба ли гостя желают присутствовать на сеансе, и проводила их в один из приемных покоев. Там Танзену и Массено поклонилась молодая волшебница в белом халате и маске. Не представившись, она проглядела заполненные Танзеном листы и изучила предметы на блюдах.

– Частицы тел – оптимальный вариант, – кивнула духоводительница. – А вот эти предметы почти не несут следов ауры.

– Я знаю, – поморщился Танзен. – Но у меня нет ничего лучше. А его родня живет не в Мистерии, у меня нет времени с ними связаться.

– Я попробую, но ничего не могу обещать, – сказала духоводительница. – А этот четвертый... гм. Кем он вам приходится?

– Никем, слава Кому-То-Там. Это был антимаг, мэтресс. Духоводительница дернулась, словно вещи мертвого антимага могли ее ужалить. С явной неохотой она взяла двумя пальцами платок и произнесла:

– Я не уверена, что имею право такое вызывать.

– После смерти они безвредны, – заверил Танзен. – И я агент Кустодиана, проблем не будет.

– У Кустодиана есть же свои духоводители...

– Не такие хорошие, как барышни Ижи.

Волшебница смолкла, внимательно глядя на Танзена через прорези в маске.

– Я вызову этих двоих и попробую что-нибудь сделать с этими, – наконец сказала она. – Но ничего не могу обещать.

– Меня удовлетворит даже попытка.

– В таком случае прошу сидеть неподвижно и ничего не говорить без разрешения. Не пересекать линий и особенно не пытаться колдовать.

– Я знаю правила.

Духоводительница вздохнула, откинулась на подушках и затянулась ароматным дымом. Рядом с ней булькал серебряный кальян, а по углам комнаты курились высокие ладанки. Вообще, дыма было так много, что он почти скрывал потолок и магические фигуры, на нем изображенные. Большой круг и четыре переплетающихся ромба.

Танзен на миг задумался, видит ли их Массено. Он не знал, как в точности устроено зрение солнечных монахов, но по косвенным признакам уже понял, что те не способны смотреть наверх. Им почти невозможно увидеть солнце – разве что на рассвете или закате, да и то придется очень изогнуть угол зрения.

Тем временем духоводительница уже совершила все необходимые манипуляции. Аналогичный круг с ромбами на полу сверкнул синим, там проявилось мутное свечение... и на

этом все закончилось.

На зов никто не явился.

– Оу. Как странно, – растерянно произнесла волшебница. – Я их не чувствую. Что это может означать?

– Ничего хорошего... – мрачно произнес Танзен.

– А вы не могли ошибиться в именах?..

– В дате рождения или еще какой-нибудь детали – мог, я не очень хорошо запоминаю такие вещи, – признался Танзен. – Но уж имена-то их я помню.

– А волосы точно принадлежат именно этим индивидам?

– Я сам срезал их с голов.

– Я попробую еще раз.

Она попробовала еще раз – но с тем же результатом. Позвонила немного с практикантом и неизвестным антимагом – но и они на зов не явились. Танзен терпеливо ждал – он-то понимал, насколько тонкая и сложная работа у духоводителей, как многое здесь зависит от терпения и сосредоточенности.

Дух может просто не хотеть являться, быть не в настроении, а то и вне зоны доступа. Тот свет – не архивный шкаф с пронумерованными ящиками, откуда в любой момент можно извлечь кого угодно. Астральный план гораздо больше и сложнее материального, и большинству духов глубоко безразличны дела живых.

Но у духоводительницы что-то уж очень упорно ничего не получалось. А Танзен хорошо знал контору Маденки Ижи –

тут работает добрая сотня спиритуалистов, и профанов среди них не водится.

– Сложный случай, – наконец сдалась женщина. – Простите, но я одна тут не справлюсь. Мешна, позови мэтра Зоркиниса. Без него тут никак.

Через пару минут в покой вошел толстый бородатый гном в сопровождении двух практикантов. Недовольно ворча, он расспросил духоводительницу, расспросил Танзена и довольно потер руки.

– Превосходно, – осклабился он. – Маск, Оторгоц, смотрите внимательно. Сейчас я буду учить вас, как призвать духа, который не желает приходить. Смотрите внимательно.

Гном засучил рукава. В отличие от своей коллеги, он был без маски – да и не требовалась она ему. Профессор Зоркинис – один из лучших духоводителей Мистерии, равных ему немного.

И он тоже ничего не сумел сделать. Долго кряхтел, раскачивался, тер между пальцев волосы Оркатти и Дженнаро, но в конце концов крякнул и сдался.

– Зови начальницу, – велел он незримому духу. – Это что-то паргоронское, я такого еще не видел.

Снова пришлось ждать – и на этот раз гораздо дольше. Только через полчаса в покой вступила удивительно хрупкая женщина неопределенного возраста. Она сама казалась призраком – так бесшумно ступала, так прозрачна была кожа. Сквозь нее почти можно было разглядеть противоположную

стену.

– Мир всем присутствующим, – чуть слышно прошептала она. – Кого же такого не сумели призвать магистр и профессор?..

Духоводительница в маске и профессор Зоркинис стыдливо потупились. Теперь уже их начальница взяла заполненные Танзеном анкеты и принялась рассматривать личные вещи покойных.

Маденка Ижи – лауреатка премии Бриара третьей степени. Возможно, лучшая духоводительница в Мистерии. В ходе прошлых расследований Танзен не раз наведывался в ее контору, и лишь однажды призыв оказался настолько труден, чтобы обратиться к ней самой.

Но с тем случаем все понятно. У духа были веские причины не приходить. А вот почему не являются старые Танзена друзья... волшебник боялся даже думать об этом.

И призыв начался в третий раз. В отличие от подчиненных, Маденка Ижи почти не колдовала – в спиритизме это не так уж и важно. Главное – суметь сообщить духу, что здесь его ждут, что здесь его хотят видеть.

И если данное общество духу не противно – он явится сам. Они явились. В этот раз они явились. На глазах у Танзена и Массено сквозь пол прошли две призрачные фигуры – и застыли в круге. Волшебники пристально уставились на них – и Массено тоже. Он единственный тут не имел опыта в спиритизме, зато неоднократно сталкивался с духами... и

ему сразу стало видно, что эти – какие-то неправильные.

Не в том дело, что они были изуродованы или покалечены. Многие призраки в загробности остаются такими, какими застала их смерть. Вечно несут отпечаток брenneй плоти. Скорбно похваляются ранами и увечьями.

А иные перерождаются в демонов. Ненависть к своим убийцам, жажда мести, тоска по оставленному в живой жизни, боль за родных и прочие тягостные чувства коверкают их души, поднимают на поверхность глубинную тьму... и превращают в злых духов.

Но эти не были таковы. Эти не метались в круге, не стeнали, не рычали зверьми. Не были они и душами старыми, ослабевшими, почти истаявшими. Тех тоже нетрудно отличить.

Нет, они были молчащими недвижимыми теньми. Не призраками, а какими-то... отпечатками. Словно объемные инкарны, точные портреты.

Никакой осмысленности в глазах. Пустота.

– Вы можете с ними заговорить, – негромко сообщила Ижи. – Только без резких движений. Не испугните.

– Оркатти, – тихо обратился к духу слева Танзен. – Ты меня узнаешь?

– Ты Танзен, – бесстрастно ответил дух.

– Дженнаро. Помнишь меня?

– Ты Танзен.

– Вы что-нибудь знаете о том, как вас убили?

– Нет.

– Что последнее вы помните?

– Вспышку.

– Свет.

– Боль.

– Агонию.

– Смерть.

– Где вы сейчас? В Шиассе?

Духи хранили молчание, равнодушно глядя на Танзена.

– Как их убили? – осведомилась Ижи, рассматривая духов. – Я такого еще не видела. У них полностью разрушено духовное начало... и повреждены другие. Как будто само астральное тело... взорвалось изнутри.

– Антимаги... – негромко произнесла духоводительница в маске.

– Нет, не может быть. Антимагия не убивает. И не оставляет таких следов. Мэтр Танзен?..

– Не могу сказать, – мотнул головой Танзен.

– Секретная информация, понимаю, – криво улыбнулась Ижи. – Дела Кустодиана. Но все же?..

– Простите.

– Мэтр, я близко знакома с Ледяной Глыбой. Мне вы можете рассказать.

– В таком случае вам не составит труда позеркалить префекту, чтобы он дал мне на это разрешение, – сухо произнес Танзен.

– А вы бюрократ, Танзен, – укоризненно произнесла Ижи. – Ладно, храните свои секреты. Кого вам еще вызвать?

– Никого, – ответил Танзен, пристально глядя на Оркатти и Дженнаро. – Давайте заканчивать сеанс.

– Уверены?.. Вы же хотели еще двоих...

– Уверен.

Расплатившись, Танзен покинул духоводческую контору вместе с Массено. Монах хранил молчание, видя всю мрачность спутника.

– Бесполезно потратили время, – наконец произнес волшебник. – Они меня помнят, но... это память кругов на воде. Не уверен, что там еще осталось сознательное начало.

– Получается, чакровзрыватели не просто убивают, – тихо произнес Массено. – Они калечат саму душу.

– Это с самого начала было понятно. Но я не думал, что все плохо до такой степени. После этого же даже воскрешать бессмысленно – оживут не люди, не волшебники, а... полужомби. Живые, но... вот такие.

– Не представляю более богопротивного преступления. Нам необходимо это пресечь, мэтр.

– Необходимо, – кивнул Танзен, дуя на дальнотеркало. – Мэтр Локателли, у нас есть новая информация.

– Очень интересно, очень, – донеслось из-за стекла. – А вы сейчас в Валестре, верно? Загляните ко мне, оба. У меня тут тоже для вас кое-что найдется. Пустяк, думаю, но нам сейчас любые пустяки полезны, верно ведь?

Будучи президентом Мистегральда, Зодер Локателли постоянно проживал на территории университета. У него была резиденция в городе, была и дача на берегу моря, но большую часть времени он проводил в Клеверном Ансамбле. В этом невероятном учебном комплексе, настоящем пригороде Валестры, столицы Мистерии.

Был самый разгар третьего семестра. Середина луны Крокодила, подходит к концу весна, скоро уже лето. Школяры и студиясы так и сновали вокруг, носились из корпуса в корпус. Массено, глядящему на эту круговорот сверху вниз, она казалась причудливым танцем, сложной хореографической феерией, в которой у каждого своя роль и свой смысл.

– Как же много людей учится в вашей школе, – вежливо заметил он.

– И не только людей, – рассеянно кивнул Танзен. – Нам туда, святой отец.

Здание Мистегральда было крупнейшим из шести. Не таких правильных очертаний, как Адэфикарос, и не настолько ажурное, как Артифициум, оно зато превосходило всех размерами. Крышу венчали пурпурные купола, а в двери лился нескончаемый людской поток.

Хотя действительно – далеко не только людской. Тут были, пожалуй, все народы Парифата. Некоторых Массено даже не мог распознать – в такой разнообразии представляли будущие волшебники.

– В Клеверный Ансамбль принимают всех, кто того поже-

лает? – спросил Массено.

– Всех, кто проходит возрастной ценз и может сдать вступительный экзамен, – ответил Танзен. – То есть... да, почти всех. У нас не учатся разве что твинодаки и арбориане.

– Насчет арбориан понятно, а твинодаки почему?

– Так у них нет духовного начала. Вы не знали? Они даже снов не видят. Учить твинодака волшебству – это как учить камень плавать.

– Интересно, – наклонил голову Массено. – Мне было известно, что твинодаки невосприимчивы к божьему слову – у них нет никаких религий даже в зачаточном состоянии и они не понимают саму концепцию веры. Но того, что им недоступно и волшебство, я не знал. Благодарю, что обогатили меня новыми знаниями, мэтр.

– Хотя на самом деле многие виды встречаются у нас только в виде исключений, – задумчиво сказал Танзен. – Водяным обитателям, например, учиться здесь довольно трудно. Пигмеям тоже. А то есть еще такие мрадалеуры... не слышали?.. Мало кто слышал. Они размером с ноготь – сами представьте, насколько это проблемно. А у гремлинов своя магия, очень специфическая, и с нашей они не в ладах. Но вообще у нас политика общедоступности – поступить может любой, подходящий по возрасту и успешно сдавший экзамены.

– Это делает вам честь, мэтр. Большинство школ не так либеральны.

– Э, Мистерия тоже когда-то принимала только людей, –

махнул рукой Танзен. – У нас тут почти тысячу лет правила бал клановость. Всякие древние магические фамилии и тому подобное. Все эти «-лли», «-тти», «-нни» и прочие старинные семьи. Какое-то время существовал даже университет Пеканиум, куда принимали только уроженцев Мистерии, но потом его расформировали.

– Почему же?

– Ученый совет решил, что это принижает этих самых уроженцев. Получается, что они вроде как менее способные и им нужны особые условия.

– А вы ведь, судя по имени, не уроженец Мистерии? – вежливо осведомился Массено.

– Уроженец, но... я не из старинной семьи, – неохотно ответил Танзен. – И это уже давно не имеет значения. С тех пор, как одна эльфийская девочка проломил плотину, никого уже не волнует, кем были твои предки и какой формы у тебя уши.

– Это была владычица Галлерия, не так ли?

– Да, она была первой. До нее нелюдям в Мистерию был путь заказан. Но она была настолько талантливой, что ради нее сделали исключение – и это открыло дорогу остальным. Ведь если один эльф тут уже учится – почему нельзя другим? А если мы принимаем эльфов – почему не принимать других нелюдей? Потом, правда, еще очень долго держался запрет на прием демонов, полудемонов и некоторых других существ. Но и его отменили после реформ Локателли.

– Вот это уже несколько спорное решение, я бы сказал, – заметил Массено.

– Ну скажите это старику Локателли сами, – хмыкнул Танзен. – Он всегда проталкивал идею того, что нет плохих народов – есть только плохие индивиды.

– Даже демоны?..

– Демоны эту концепцию слегка портят, – согласился Танзен. – Но ведь даже среди них встречаются вполне приличные. С некоторыми у нас заключены соглашения. Они работают на Мистерию на постоянной основе. У нас не запрещено призывать демонов, знаете ли. Конечно, при условии, что они должным образом зарегистрированы, приписаны к определенным волшебникам и не причиняют никому вреда. Кустодиан за этим внимательно следит, святой отец.

– Я не стану спорить, – деликатно ответил Массено.

– Но вы не согласны?

– Я не стану спорить.

Танзен посмотрел на Массено с легкой иронией. Честно говоря, с либерализмом нынешнего ученого совета он тоже не был полностью согласен. Да и большая часть Кустодиана. Слишком уж много работы его агентам задавали именно подобные... существа. Да, их присутствие в Мистерии ограничено, но Танзен предпочел бы ограничить его еще сильнее.

– Вы только не подумайте, пожалуйста, что Локателли – какой-то наивный добренький дедулька, – однако сказал он. – Он таким иногда кажется... но только кажется. На са-

мом деле без него вся Мистерия сейчас выглядела бы иначе. Это же он двести лет назад провел реорганизацию всей учебной системы. И Клеверный Ансамбль построил тоже он. До него все университеты стояли по отдельности, в разных концах острова... и иногда даже воевали между собой. А ведь он тогда еще не был председателем ученого совета и даже президентом Мистегральда еще не был – только ректором Вербалеона.

– Только ректором? – удивился Массено. – Но...

– Мистерией управляет ученый совет, – предупредил его вопрос Танзен. – Он состоит из шести президентов и тридцати ректоров. Обычно лидерство в нем принадлежит председателю, но бывает и так, что председатель – фигура скорее формальная. И когда Локателли попал в ученый совет, то очень скоро все стали его слушаться, как будто он и есть председатель. В итоге... ох, извините, мэтр Локателли. Я вас не заметил.

Массено с трудом спрятал улыбку. Он-то прекрасно видел этого седобородого старца, что бесшумно подлетел к ним сзади и вот уже полминуты внимал рассказу о самом себе. И теперь, когда Танзен остановился – всплеснул руками и огорченно спросил:

– Что же вы остановились, мэтр Танзен?! Продолжайте же, прошу вас! Ваши слова – музыка для моих ушей!

Танзен смущенно молчал. Он гадал, слышал ли Локателли фразу насчет наивного дедульки.

– Что, нет?.. – вздохнул тот. – Не порадуете старика?.. Ладно, буду хвастаться дальше сам. Так вот, брат Массено, когда мне пришла мысль объединить все наши университеты в едином комплексе, я поначалу наткнулся на обычную для всякого смертного существа косность мышления. Для всех это было слишком... радикально, знаете ли. Наш тогдашний председатель ученого совета, мэтр Уль-Шаам... милейший старый дракон, скажу я вам!.. Уникальная личность и чудеснейший волшебник!.. Но даже ему, представьте себе, понадобилось время, чтобы понять, о чем я вообще тут толкую. Но я не сдавался! Нет, брат Массено, я не сдавался! Я чувствовал, что это мое призвание! Мой долг, если хотите! И в конце концов я достучался до этих консерваторов! Убедил их, насколько я великолепен!.. то есть, насколько великолепен мой план! Грандиозная реформа, представьте себе! До сих пор вспоминаю с удовольствием и так, знаете, горжусь собой, так горжусь...

С упоением рассказывая о себе, мэтр Локателли одновременно показывал дорогу. Его кабинет располагался на самом верху главной башни – окна выходили на Клеверную площадь, и оттуда открывался вид на весь город, на дивно-прекрасную Валестру.

Каменное кресло плыло сначала над мозаичной плиткой, потом – над мраморными ступенями холла. Массено с любопытством здесь все разглядывал – в учебных корпусах Клеверного Ансамбля он раньше не бывал, только в библиотеке.

– Сюда, прошу, – указал на светящуюся арку Локателли. – Немного сократим путь. Кстати, вы сегодня обедали?.. Нет?.. Да будет бутерброд. И еще один – да будет.

В руках Танзена и Массено материализовались сэндвичи. Блюдуший аскезу монах стал искать вежливые слова для отказа, но заметил, что его бутерброд... незамысловат, скажем так. По сути это были просто сложенные вместе два куска хлеба – ржаной и овсяный. А поскольку он и впрямь излишне долго не вкушал пищи, Массено не стал чиниться и вонзил в угощение зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.